

Индекс П8643

1
2024

РОССИЯ XXI 2024 1

РОССИЯ XXI

1.2024 январь-март

Геоглобалистика

Валерий Журавлев

Революции и реформы в истории России _____ 6

Ярлыки и мифы

Андрей Богданов

Венчание русских государей
и традиция Империи Ромеев _____ 18

Олеся Плех

Юбилей восстания декабристов на страни-
цах научных журналов середины 1920-х гг. _____ 52

Ресурсы нации

Алексей Белов

Второй «столичный город»: формирова-
ние административной инфраструктуры
Москвы в ходе «реформы города» Екатерины II _____ 80

Страницы истории

Игорь Татаринов

Секретные сотрудники в информационной
работе ВЧК – ГПУ – НКВД на Донбассе
в 1920–1930-х гг. _____ 98

Кирилл Киржа

О некоторых аспектах взаимоотношений
России и Сербии в годы
Первого сербского восстания _____ 120

Светлана Архипова

У истоков Кабинета Востока
Исторической библиотеки:
к 85-летию со дня открытия _____ 146

Россия в мире

Михаил Ковалев,

Виктория Груздинская,

Аттила Шереш

Венгерский историк Йозеф Перени
и советская историческая наука _____ 160

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Соловьев К.А., доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)», профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов). Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Революция испаряется,
и остается только ил новой
бюрократии.

Франц Кафка

Революция – это убеждение,
подкрепленное штыками.

Наполеон Бонапарт

Валерий Журавлев

РЕВОЛЮЦИИ И РЕФОРМЫ В ИСТОРИИ РОССИИ*

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
93/94

В феврале 2024 г. в Центре социально-политической истории (филиале Государственной публичной исторической библиотеки России) состоялась международная конференция «Новые грани актуальных проблем новейшей истории». Высокую планку научного обсуждения задал концептуальный доклад д.и.н., проф., лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники В.В.Журавлева. Представленное исследование видение проблематики «метаморфоз российской модернизации», причин аритмии общественных процессов, роли и места в нем реформ и революций и др., имеет интерес для широкого круга читателей. Ответственная за публикацию Л.Н.Лазарева.

In February 2024, at the Center for Socio-Political History (a branch of the State Public Historical Library of Russia) The international conference "New facets of current problems of modern history" was held. A high bar for scientific discussion was set by the conceptual report of V.V.Zhuravlev, PhD, Professor, laureate of the State Prize of the Russian Federation in the field of science and technology. The researcher's vision of the problems of "metamorphoses of Russian modernization", the causes of arrhythmia of social processes, the role and place of reforms and revolutions in it, etc., is of interest to a wide range of readers. Responsible for the publication of L.N.Lazareva.

Ключевые слова: революция; реформы; российская модернизация.

Key words: revolution; reforms; Russian modernization.

E-mail: laz_dom@mail.ru

* По материалам выступления В.В.Журавлева на конференции «Новые грани актуальных проблем новейшей истории», 14.02.2024.

Заявленная в программе настоящей конференции тема моего выступления «Метаморфозы российской модернизации», как вы сами понимаете, является безбрежной, пронизывающей все стороны нашего бытия и сознания. В этом могли, в частности, убедиться те, кто ознакомился с подготовленным коллективом опытных исследователей фундаментальным трудом «Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века» [3]. Уникальное издание это, не имеющее аналогов в отечественной и мировой историографии, удостоенное ГРАН ПРИ Ассоциацией книгоиздателей России как Лучшая книга 2020 года, прочно входит в научный оборот как своего рода энциклопедия многовекового осмысления Россией своего опыта.

Остановлюсь лишь на одном аспекте этой необъятной темы. На вопросе о соотношении реформ и революций, который в свое время мне уже приходилось рассматривать под углом зрения лихорадочного пульса российской модернизации.

По моему личному мнению, эту формулу, предложенную мной в свое время, правомерно рассматривать не как метафору, а как научную проблему.

В подходе к осмыслению логики исторического развития, повторяемости и неповторимости составляющих его элементов особого внимания заслуживает проблема *аритмии общественных процессов*, под которой (аритмией) правомерно понимать скачкообразный характер социального прогресса, когда более или менее равномерное, поступательное развитие социума «вдруг» сменяется этапом качественного скачка в обстановке «прерыва непрерывности». Всякий скачок, как неременный отрыв от почвы, от естественных, органичных приращений новаций и уже проложенной колеи движения, чреват непредсказуемыми последствиями, когда баланс (или дисбаланс) позитива и негатива невозможно не только спрогнозировать, но часто и оценить впоследствии в ретроспективе.

С учетом этого любые попытки теоретически обосновать преимущества реформ над революцией (и наоборот) носят внеисторический, абстрактный, а отсюда – нерепрезентативный характер. Все зависит в каждом конкретном случае от реальной ситуации и от особенностей исторического развития той или иной страны. Бездумная или узкоклановая, корыстно ориентированная реформа может принести обществу в целом гораздо больше бед, чем вызревшая в его недрах революционная альтернатива. К тому же революцию (в первую оче-

редь, конечно, революцию «снизу»), которая не выявила бы, особенно в отдаленной перспективе, свой обновительный и очистительный потенциал, найти в мировой истории довольно трудно, чего не скажешь о полностью не оправдавших себя реформах.

Две родные сестры модернизации – благоразумная Реформа и взбалмошная, отчаянная Революция – проявляют свой нрав в зависимости от страны, времени и обстановки, демонстрируя не только принципиальную несхожесть характеров, но и генетически сходные, родственные черты. Это дает основание для постановки вопроса о национальной и стадиальной специфике известных в мировой истории революций и реформ и, в частности, об их особом российском типе.

В литературе неоднократно высказывалось мнение (в плане анализа проблемы соотношения реформ и контрреформ), что основу механизма, приводившего в действие искомую цикличность, для условий России следует искать в перманентной социальной контрастности общества, порождавшей его социокультурный раскол, непримиримость идей и практики радикального либерализма и государственного патернализма¹. Соглашаясь в принципе с такой постановкой, хочу пойти несколько дальше.

Нам уже приходилось говорить и писать о том, что контрреформы в истории России играли неоднозначную роль, требующую специального анализа в каждом конкретном случае. Есть основания полагать, что в совокупности их социальные функции для такого инерционного, «тяжелого на подъем» социального организма, каким веками являлась наша страна, сводились не только (и не столько) к тому, чтобы непременно вернуть общество на дореформенные рубежи. Опыт проб и ошибок российской цивилизация создала механизм движения зигзагами как оптимальный способ осуществления модернизации в стране догоняющего типа развития с перманентно конфликтной социальной структурой, тяготеющей к традиции массовой ментальностью граждан, сплавленной с резкими перепадами социального тонуса масс от полной апатии к суперактивности с внезапным возвращением к исходному состоянию.

В обстановке, когда любое «раскачивание лодки» было чревато непредсказуемыми последствиями, движение в алгоритме «полтора шага вперед – шаг назад – полтора шага вперед» объективно становилось, помимо всего прочего, средством минимизации риска перерастания реформ в России в неуправляемый взрыв. Не уловившие этой

¹ В плане диапазона суждений см., например, [4].

национальной особенности, преобразователи оказывались в критическом положении, обрекая на такое же положение и всю страну.

Истоки аритмии социальной модернизации в истории отдельно взятой страны могут быть весьма и весьма многообразны: от особенностей ее природных условий и климата до уровня национальной ментальности исторических традиций, связанных с образом жизни многих поколений. И все же корень проблемы, на мой взгляд, правомерно усматривать не столько в области социального бытия, сколько в сфере общественного сознания. А именно – в преждевременности, своевременности или запоздалости осмысления существа и вектора движения судьбоносных общественных процессов, а также синхронности/асинхронности, адекватности/неадекватности реагирования социума на «вызовы времени».

В силу вышесказанного история практически любой страны даст нам наглядные примеры чередования терапии своевременно вызревших органических и эволюционных преобразований, осуществляющихся в соответствии с выведенной великим русским историком С. М. Соловьевым формулой – «естественно и целесообразно», и хирургии революционных вторжений в общественный процесс радикальных социально-политических ломок, идеологически обосновываемых другой наднациональной формулой: «Так больше жить нельзя».

Всякий социальный взрыв имеет свои объективные корни в толще социального бытия. Но только действием объективных обстоятельств нельзя объяснить ни момента наступления «прерыва непрерывности», ни характера и интенсивности потрясающих общество социальных бурь, ни форм их проявления, результатов и последствий.

Без социально-психологического фактора, учета диалектики соотношения массового сознания и массового инстинкта, без уяснения механизма трансформации детерминируемой разумом социальной неудовлетворенности во всеокрушающую стихию «коллективного бессознательного» трудно понять логику переходных эпох. В том числе такой их парадокс, когда общество, вползая с относительно стабильного, еще «терпимого» уровня в полосу революции, а затем и гражданской войны (под флагом вполне рациональной, хотя и эмоционально окрашенной мотивации «так больше жить нельзя»), затем иррационально терпеливо и даже апатично способно воспринимать и переносить практически любые тяготы, потери, уродства следующих за революцией резких и трагичных социальных откатов.

Все это (и многое другое) полезно иметь в виду, если мы обращаемся к России. В стране, истории которой на протяжении веков присуща не просто аритмия, но, выражаясь образно, циклическое чередование тахикардии и брадикардии, когда периоды «бури и натиска» сменяются – подчас без внешне видимого перехода – этапами глубокой социальной анемии, в недрах которой подспудно зреют гроздь нового социального гнева.

Факторы, определяющие *лихорадочный пульс российской истории*, многообразны и разноплановы. Немалую роль здесь играет, например, геополитическое положение России вкупе с ее огромными пространствами. В Западной Европе, как свидетельствуют труды в области исторической географии, завоевания и переселения сменялись автохтонным, эндогенным развитием как ведущей тенденцией уже не менее чем тысячелетие назад. В России же коренные экономические, социальные и иные изменения в условиях крупных демографических сдвигов и других экстремальных обстоятельств (войны, распад Российской империи, а затем и СССР) происходят буквально по сей день, если иметь в виду не сложившуюся до сих пор устойчивую структуру постсоветского общества. Форс-мажорные катастрофы и волюнтаристские изыски власти перманентно препятствуют формированию начал институциональной культуры и институциональной преемственности – важной основы стабильного движения на пути к гражданскому обществу и правовому государству.

Не могло не повлиять на все стороны хозяйственной деятельности страны, а также не отразиться на всех других сферах (в том числе и на социально-политической) такое отмеченное в трудах ряда отечественных историков [1; 2] обстоятельство природно-климатического характера, как господство в Центральной России малоплодородных почв, усугубленное необычайной кратковременностью цикла земледельческих работ. Это требовало максимальной концентрации рабочей силы в земледелии и проведения работ в кратчайшие сроки с насаиванием одних производственных операций на другие, крайнего напряжения сил крестьянина для достижения предельно скромного для себя и общества результата. Так складывался принципиально отличный от западного российский тип эволюции общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, что стало определяющим в формировании специфических черт отечественной модернизации во всех основных областях социальной жизнедеятельности.

Низкий объем совокупного прибавочного продукта и грубые механизмы его изъятия у производителя землевладельцем и государством создавали предпосылки для постоянной социальной нестабильности в масштабах общества. Затянувшееся существование крестьянской общины как функционально необходимого компенсационного механизма в условиях перманентно тупикового хозяйствования подпитывало постоянную угрозу проявления протеста в массовых и организованных формах. Длительное историческое существование и жесткие проявления крепостничества как орудия нейтрализации общины – этого ядра крестьянского сопротивления – определили консервацию наиболее деспотичных форм отечественной государственности. Вековое же преобладание в ее структурах рычагов подавления над механизмами регулирования и оптимизации социальных процессов, «притирки» отдельных слоев составило практически неиссякаемый источник стабильного взаимного недоверия власти и общества, господства в нем конфронтационной политической культуры.

Таким образом, важное обстоятельство, определившее лихорадочный пульс отечественной истории, правомерно усматривать в укоренившейся веками природе российской власти и общества, детерминированной сложной совокупностью объективных и субъективных условий развития страны. Квинтэссенцию этих взаимоотношений П. Б. Струве, как известно, выразил в формуле: «Антиобщественное государство – антигосударственное общество»². Инстинкт власти постоянно навязывать свою волю обществу причудливо сочетался с присущим ей синдромом мессианства, стремлением «осчастливить» общество, определить ему ту или иную «путеводную цель», попутно требуя от социума ради ее достижения новых и новых жертв.

Последовательный прессинг власти по отношению к обществу порождал соответствующие этому прессингу ответные действия. Исторические корни оппозиционного движения в России не менее глубоки, чем на Западе. Но его роль для нашей страны также специфична. Основное время своего существования оппозиция была вынуждена действовать в нелегальных условиях, постоянно напоминая власти о своем существовании прежде всего конфронтационными действиями. Ее политический словарь изобилует такими терминами, как смута, анархия, бунт, мятеж, переворот, крестьянская война, террор, восстание, политическая стачка, гражданская война, революция. Диктату власти оппозиционные силы противопоставляли свой диктат, лишь

² Концептуальные представления на этот счет см.: [5].

в редких, исключительных случаях направляя усилия на поиск компромисса с властью (пример тому – либеральное движение начала XX столетия). Но и в таком поиске власть предпочитала видеть признаки слабости оппозиции, отталкивая протянутую ей руку.

Возникнув в обстановке конфронтации государства и общества, такой образ действий власти предрержащей становился затем важным источником самовоспроизводства этой конфронтации. К жизни пробуждалась масса таких противоречий, которые способны были заблокировать процессы даже самого неотложного и целесообразного реформирования. Возникающие в обществе проблемы, не находя своевременного и адекватного потребностям социума и «вызовам времени» разрешения, наслаивались друг на друга, закупоривая вначале капилляры, а затем артерии и вены социального тела. Общественный организм постепенно окостеневал и становился неподвластным органическим, эволюционным изменениям. Взамен терапии постепенных реформ история России припасла на эти случаи и широко опробовала хирургию вторжения в общественный процесс. Как в виде социального взрыва (массовых народных движений, революций), так и в форме инициированных самой властью, ее наиболее хваткими силами «революций сверху» – этого специфического способа в пожарном порядке, не ограничивая себя в средствах, не останавливаясь перед ломкой устоявшихся норм и институтов, вскрытия созревшего и перезревшего абсцесса системного кризиса в стране.

Такого рода сопоставления на базе выявления механизмов взаимодействия и взаимовлияния факторов, определяющих специфику хода российской истории по типу догоняющего развития в ее сравнении с историей западноевропейских государств – стран в основном органического типа на последнем этапе их эволюции, можно было бы продолжить. Ограничусь, однако, лишь некоторыми предварительными заключениями.

Обращение к реалиям российской истории лишней раз убеждает: ни обществу в целом, ни его политическим силам и лидерам не дано не только изменить природу и климат страны или «переиграть» заново ее историческую судьбу (а наше прошлое, как известно, зафиксировало преобразовательные претензии и такого рода), но произвольно перекроить веками складывавшиеся ментальность народа, укоренившиеся глубинные традиции и стереотипы нашего социального бытия. Непредсказуемость, неожиданность, а подчас и шокирующая парадоксальность реальных результатов и последствий многих бла-

гих начинаний как господствующих «верхов», так и их революционных ниспровергателей в прошлом должны предостерегать сегодня и власть, и общество от гигантомании, неумеренного социального прожектерства, слепого копирования внешне привлекательных иноземных моделей социального переустройства.

Исторический опыт Отечества подсказывает, что только те из социальных начинаний в истории страны давали благотворные результаты, которые выростали из российских реальностей, шли из глубин собственных представлений о добре и зле, прогрессе и регрессе, проистекали из опыта собственной социальной жизнедеятельности. А не навязывались обществу теми или иными мессиями и миссионерами от политики.

В качестве своеобразного идейно-политического «полигона» в поиске страной своей модернизационной идентичности правомерно, в частности, рассматривать длительную, в чем-то не исчерпавшую своего потенциала по сей день, дискуссию западников и антизападников. Упорное возвращение общественной мысли страны к обсуждению этой темы как «яблока раздора» на каждом новом повороте истории – лишний аргумент, на мой взгляд, в пользу того, что исход этой дискуссии не следует прогнозировать на путях безоговорочного утверждения одной из противоборствующих концепций. Конструктивный ее потенциал способен будет выявить себя лишь в направлении поиска органического сочетания черт отечественного опыта и внешних заимствований.

Не отторгая внешнего опыта, не останавливаясь перед заимствованиями, идущими извне, общественная мысль и социальная практика страны, вместе с тем, стремились включить их в систему собственных мировоззренческих, нравственных и поведенческих координат. Классический пример – христианство, пришедшее к нам из суровой, первоначально во многом чужой Византии, но затем переакцентированное так, что оказалось на века органично слитым с набирающей силу русской ментальностью.

Вспомним при этом важное умозаключение Максима Максимовича Ковалевского, который в понятие заимствования вкладывал не простое подражание, а творчество второго уровня.

Подводя определенные итоги многовековому опыту реформирования государственных и общественных структур российского социума, важно отметить, что одной из важнейших проблем на всех этапах исторического прошлого страны была и остается по сей день пробле-

ма обретения и наращивания *культуры реформирования*. Культуры, открытой всем веяниям мировой теории и практики социальной инженерии, но при этом адекватной устоявшейся позитивной данности отечественного цивилизационного процесса.

Основной вектор сложных процессов, происходящих в современной России, лично мне представляется как движение именно в этом направлении – в сторону реализации позитивной данности своего исторического опыта. Через три столетия после петровских преобразований «Россия молодая» XXI века достаточно последовательно стремится к выходу на достойный уровень ее цивилизационной и национальной субъектности.

Библиографический список

1. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.
2. Милов Л.В. К вопросу о фундаментальных факторах русского исторического процесса // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии / Под общ. ред. Т.И.Заславской. М., 1997. С.48–58.
3. Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века. В 4 т. М.: Политическая энциклопедия, 2020.
4. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. — М.: Политическая энциклопедия, 2016. Т. 4: 1917–1991 гг. / отв. ред. В.В.Журавлев. 671 с.
5. Россия: трансформации, реформы, пути развития (2000–2010). М.: Научный эксперт, 2010. 1040 с.
6. Струве П.Б. Размышления о русской революции // Струве П.Б. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. 560 с. (БООМ).

Король должен блюсти закон,
потому что только закон
и делает его королем.

Клайв Льюис

Прошрое, хранящееся в памяти,
есть часть настоящего.

Тадеуш Котарбинский

Трудно агитировать короля
за монархию.

Сальвадор Дали

Никто не вечен в мире, все
уйдет, но вечно имя доброе
живет.

Саади

Андрей Богданов

ВЕНЧАНИЕ РУССКИХ ГОСУДАРЕЙ И ТРАДИЦИЯ ИМПЕРИЙ РОМЕЕВ

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК

94 (47) 08

Мысль, что Москва есть Третий Рим, наследник духовной культуры и современное воплощение Римской и Ромейской держав, настолько устоялась, что мы полагаем трансляцию империята неоспоримой, воплощенной в заимствовании ритуала венчания русских самодержцев от басилевсов Цареграда с конца XV в. Изучив источники, мы убедились, что Ивана III и митрополита Макария, установивших церемонию венчания великих князей и царей, мысль о римском и константинопольском наследии не посещала. Она развивалась со второй половины XVI в., а реально к ромейским сценариям коронации обратился царь Федор Алексеевич в 1676 г. Он и установил чин венчания царей, который демонстрировал преемственность их власти от православных самодержцев Второго Рима.

The idea that Moscow is the Third Rome, the heir to spiritual culture and the modern embodiment of the Roman and Roman powers, is so established that we consider the translation of the imperium to be undeniable, embodied in the borrowing of the wedding ritual of Russian autocrats from the basileus of Constantinople from the end of the 15th century. Having studied the sources, we were convinced that Ivan III and Metropolitan Macarius, who established the wedding ceremony of the great princes and kings, did not think about the Roman and Constantinople heritage. It developed from the second half of the 16th century, and in fact, Tsar Fyodor Alekseevich turned to the Roman coronation scenarios in 1676. He established the rite of the wedding of kings, which demonstrated the continuity of their power from the Orthodox autocrats of the Second Rome.

Ключевые слова: Третий Рим; коронация императоров; венчание царей; Иван III; Иван IV; Алексей Михайлович; Федор Алексеевич; Александр III; Псевдо-Кодин; А.В.Горский; Е.В.Барсов; Х.М.Лопарев.

Key words: Third Rome; coronation of emperors; coronation of Tzars; Ivan III; Ivan IV; Alexey Mikhailovich; Fedor Alekseevich; Alexander III; Pseudo-Codin; A.V.Gorsky; E.V.Barsov; Kh.M.Loparev.

E-mail: bogdanovap@mail.ru

*Все говорят, что мы в месте...
Но немногие знают в каком.*

Виктор Цой, 1987

Рим или мир?

Общезвестно, что мы с вами живем в Третьем, или Новом Риме, благословенной мировой державе, духовном, политическом и культурном центре мира, в чем были без всяких сомнений убеждены наши предки в XVII в. [16]. Но почему в Риме и что означает его порядковый номер? Вопрос не праздный: за ним стоят долгие и непростые размышления русских государственных деятелей и историков Нового времени (с XV в.) [11].

Мысль об отношении Москвы к имперскому наследию занимала наших предков, причем с конца XV в., когда Московское государство в общих чертах сформировалось. Роль его была осознана, а создатель новой державы Иван III венчал на престол своего внука Дмитрия «по обычаю древних царей и великих князей российских». Интересно, но непонятно упоминание «древних царей»: ведь великий князь Иван Васильевич ответил на вопрос об основах власти русского самодержца с несвойственной этому хитроумному монарху Нового времени прямо-той, не ссылаясь ни на какой Рим: «Мы, Божией милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога» [63, ч. II, №25; 35, №17–18].

Но историки не были склонны его услышать, поскольку внук Ивана III, Иван Грозный, со своего венчания на царство в 1547 г. и его потомки до воцарения Алексея Тишайшего в 1645 г. упорствовали в поисках корней империи, возводя Рюрика к кесарю Августу, рассказывая, как Владимир Святой завоевал мечом веру Первого Рима у императоров Рима Второго, а Владимир Мономах добыл для себя и потомков цареградские царские инсигнии [17, с. 306–318]. Не забывая при этом, что наши князья изначально правили «не в худой и неведомой земле... но в Руской, о которой... слышат во всех четырех концах света», как сказал в 1051 г. первый русский митрополит Иларион [6, с. 26–61], и что первых Романовых избирали «всей землей», названной «Советом всей земли» в 1612 г. Великой Россией [7]. Землей, которую князь Владимир, крестив, сделал Святорусской землей, Новым Израилем, и т. п.

Царь Алексей Михайлович в большом наряде. Мастера Оружейной палаты, 1679–1682 гг. ГИМ

Так размышляли, пока Тишайший царь не передумал, осознав к середине века, что Москва оттого Рим Третий, что при благочестивых самодержцах главою православия был благочестивый папа Римский, но впал в ересь, а православие возглавил патриарх Константинопольский. Когда и он отпал в унию, рухнуло царство Греческое, на смену которому пришло царство Русское. Но это лишь начальный уровень размышлений. Ведь на деле в Первом и Втором Риме главой православия был «царь благочестивый, единый под солнцем». «А ныне, – объяснил посол царя грекам, – вместо того царя на Москве государь царь благочестивый, во всей Подсолнечной един царь благочестивый, и царство христианское у нас Бог прославил» [12, с. 432–500].

«И ныне у нас государь царь великий князь Алексей Михайлович всяя России самодержец, во всей подсолнечной своим благочестием сияет, как солнце посреди земли, и во всем ревнует первому благочестивому царю Константину Великому, церковь Христову чисто снабжает и от всяких ересей защищает». – Это говорил дипломат (по совместительству великий археограф) Арсений Суханов, понимая, что он не оригинален до такой степени, что примерил к царю наследие основателя

христианской империи, которое митрополит Иларион приписал Владимиру Святому в 1051 г. [11].

С такими убеждениями, утверждаясь обеими ногами на вековой культурной традиции, венчался на царство в 1676 г. юный царь-реформатор Федор Алексеевич [17, с. 318–351]. Он сознательно, во всей последовательности церемонии, представленной в его чине венчания [17, с. 358–386], изменил сложившуюся формулу Российского самодержавного царства на Российское православное самодержавное царство [13] – единственную благочестивую державу во Вселенной, миссией которой является просвещение всего мира [8, с. 22–82].

Государь, заложивший основные идеи венчания на царство своих младших братьев Ивана и Петра в 1682 г. и всех последующих императоров до Николая II как православных царей, защитников русского и мирового благочестия, был по натуре исследователем. На основе детальных исторических справок он изучал любой вопрос, даже финансовый, кроме чисто технических, когда требовал от своего аппарата внятных чертежей и схем [9]. Утверждая преемственность русских православных царей от греко-римских базилисов, 16-летний Федор Алексеевич знал русские и греческие источники (переведенные к тому времени на латынь, которой царь владел), не говоря уже об обширной в его время исторической литературе [17, с. 78–93, 318–344].

Казалось бы, историкам было проще простого повторить его исследование. Но нет! Самодержец всероссийский, вззошедший на престол в жесткое и страшное для страны время, мог и обязан был видеть реалии. Историки же полагали долгом видеть то, что им следует видеть в свете представлений, что хотят увидеть власть предержажие.

С простым вопросом, каковы же были имперские источники церемонии венчания русских государей, еще в конце XIX в. при Александре Миrotворце случился конфуз, из которого наука доселе не могла выпутаться. Давайте этот вопрос проясним с объективностью, нередко свойственной нашим предкам в XVII в. более, чем нам. Ведь они-то были убеждены, что величию и славе России служит историческая истина! [10]. А как же иначе, если именно Россия – свет миру и основа будущего земного Царства Христова?!

За истину, за право каждого образованного человека о ней «рассуждать» историк конца XVII в. готов был умереть. Как Сильвестр Медведев, потерявший голову на Лобном месте за монографию «Известие истинное» об истории редактирования книг на Московском Печатном дворе [8, с. 342–433]. Или как Игнатий Римский-Корсаков, основатель фа-

мили блестящих композиторов, выступивший с исторических позиций против внешнеполитического курса Петра I и первым из русских писателей объявленный сумасшедшим (уморен в темнице) [10, с. 261–262].

Нельзя сказать, чтобы пример первых русских ученых историков вдохновил их преемников на подвиги чести (учитывая, что и третий из них, Андрей Лызлов, пал от инсульта в борьбе с казнокрадством [2, с. 138–139]). Урок был воспринят скорее наоборот. Но ведь в нашем случае совершенно все равно, когда и какие имперские источники были использованы или проигнорированы в процессе формирования церемонии венчания государя – высшего государственного акта Московского, а с 1612 г. Российского государства. Возрастающее величие государства утверждалось в любом случае.

Независимо от решения частных вопросов об источниках чинов венчания, очевидно, что Русь (и Россия) оказалась цивилизационным наследником не покоренной западными варварами Восточной Римской империи, тысячелетней православной державы с идеей государственного сосуществования народов, в корне отличной от идеологии Запада. Но путь Московской Руси и России к осознанию и построению собственной державности важен и интересен. Поэтому мы и предлагаем объективно исследовать некоторые его детали, обратив внимание и на то, как складывались распространенные поныне заблуждения.

История вопроса

15 мая 1883 г., при коронации в Москве императора Александра III и его супруги Марии Федоровны, все были убеждены, что венчание

на царство происходит по древнему образцу Империи Ромеев (лат. *Imperium Romanorum*, греч. *Βασιλεία τῶν Ῥωμαίων*), которую на Западе еще в XVI в. обозвали Византией, чтобы убедить читателя, будто это не Восточная Римская империя, устоявшая перед натиском варваров (в отличие от Западной), но некое варварское образование, а единственным наследником Рима является Священная Римская империя германской нации. На Руси же Ромейское царство, по официальному его языку, называли Греческим, а русские ученые, усвоив название Византия и разнобразные благоглупости в обличии «византинизма», относились к державе ромеев с почтением, полагая именно Россию ее духовным и культурным наследником. Это было и так и не так, учитывая огромное влияние ромейской культуры на Русь с одной стороны, а с другой – резкое отрицание духовной и политической зависимости от «греков»

в трудах русских мыслителей XI–XVII вв., что мы детально показали в специальной монографии [12, с.233–406].

Коронация Александра III и Марии Федоровны
в Успенском соборе Московского кремля. Картина XIX в.

Как бы то ни было, составители парадного издания о коронации Александра III, государя, который будет упорно отстаивать русскую национальную, государственную и культурную традицию, без всяких сомнений возвели ее «чин», т.е. порядок и сценарий, к чину венчания ромейских императоров-басилевсов, якобы заимствованному на Руси со времен коронации Владимира Всеволодовича Мономаха «между 1113 и 1125 гг.» в Софийском соборе Киева [26, с. 1–2].

А на каких, собственно, основаниях сделан такой вывод и насколько реальным было влияние ромейской державной традиции на русскую? – Спросим себя мы и разберемся «не отходя от кассы», т.е. прямо по чинам венчания русских государей. Они, к счастью, с самого начала образуют идеальную систему последовательных, связанных между собой источников [18; 17, с.296–352], которые к моменту коронации Александра III были прекрасно известны.

Венчание на царство было важнейшим государственным торжеством и идеологическим актом в России XVI–XVII вв. При этом превосходно документированным. Государевы дьяки (после 1549 г. дьяки Посольского

приказа) «строили чин», т.е. определяли порядок церемонии: расстановку, поведение и речи светских и духовных лиц, молебны. Руководившие действием коронации «чиностроители» фиксировали малейшие отступления от этого продуманного и, видимо, утвержденного царем и синклитом сценария (в отличие от указов, в чинах ссылок на утверждение нет).

Государевы дьяки. Художник А.А.Карелин, 1890 г. Днепропетровский художественный музей

Тексты чинов венчания бережно хранились и использовались при «строении» новых чинов даже в бóльшей мере, чем посольские книги при «строении» наказов следующим посольствам. Документально работа над новым чином на основе прежних зафиксирована лишь в чине венчания Алексея Михайловича 1645 г. «с отменами» [44]. Однако факт, что перемены в сценариях производились на основе точного знания о предыдущих церемониях, вытекает из сравнения текстов чинов венчания, которые сохранились почти все. Исключением является лишь чин венчания Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия I), который был уничтожен после того, как прахом убиенного государя пальнули из пушки в сторону приславшего его Запада. Публикацию отдельных чинов венчания начал в XVIII в. Н.И.Новиков и продолжили составители государственно значимых изданий XIX в. Были изданы чин венчания Дмитрия-внука 4 февраля 1498 г. [63, ч.II, №25]; Пространная редакция чина Ивана Гроз-

ного 1560-х гг. [32, с.1–35; 31, №39] (редакция 1547 г. издана позже [35, №19]); чины венчания Федора Иоанновича 31 мая 1584 г. [63, ч.II, №51], Бориса Годунова 1 сентября 1698 г. [1, №8; 31, №144]; Марины Мнишек 8 мая 1606 г. [63, ч. II. №138]; Василия Шуйского 19 мая 1606 г. [1, №47]; Михаила Федоровича Романова 11 июля 1613 г. [63, ч.III, №16]; его сына Алексея Михайловича 28 сентября 1645 г. [32, №5. с.234–303] и внуков, Федора Алексеевича 18 июня 1676 г. [32, №5. №6; 49, №648], Ивана и Петра Алексеевичей 25 июня 1682 г. [32, №7, с.403–484; 49, №391.с.412–439], а также важный для развития чинов царского венчания чин поставления в патриархи Филарета Никитича 22 июня 1619 г. [63, ч.III, №45]. Работа была проделана качественно. В конце XX в. были сделаны лишь некоторые уточнения по редакциям памятников: чина Дмитрия Ивановича [35, №17–18], раннего чина Ивана Грозного [35, №19] и чина Федора Ивановича [35, №20].

«Ко дню священного коронования их величеств государя императора Александра Александровича и государыни императрицы Марии Феодоровны» 15 мая 1883 г. эти материалы попытался обобщить Елпифидор Васильевич Барсов [4, л.1 титульный]. Из русских чинов венчания им были изданы чин Дмитрия внука «по харатейному Синодальному списку XV века» [4, с.32–38], две редакции чина Ивана Грозного, «из церковного устава XVI века» и по списку Посольского приказа [4, с.42–90], «Перечень» о венчании Алексея Михайловича с «отменами» при венчании Ивана и Петра Алексеевичей [4, с.91–97], чин Федора Алексеевича [4, с.908–106] и чин венчания Петра II 28 февраля 1728 г. [с.107–115]. Пропущенными, из хорошо известных в его время, оказались чины венчания Федора Иоанновича, Бориса Годунова, Марины Мнишек, Василия Шуйского и даже Михаила Федоровича Романова. В этом контексте понятен пропуск Чина наречения и поставления в патриархи Филарета Никитича Романова 22 июня 1619 г. – важнейшего источника формирования чина Алексея Михайловича.

Издание Барсова, хотя и предлагало некоторые новые списки чинов венчания, было слишком неполным, чтобы быть научным и тем более столь знаменитым, каким оно стало. Издатель добился такого успеха, предпослав русским текстам чинов венчания «греческие их оригиналы». Этими «оригиналами» были: 1) главы из трактата Псевдо-Кодина «об обрядах Константинопольского двора» (по рукописи Ярославского архиерейского дома, с греческим текстом по одному из изданий); 2) рассказ Игнатия Смолянина из его «хождения» в Царьград (по той же ярославской рукописи); 3) две молитвы на коронации ромейского императора

в греческом Евхологии и славянском Требнике XIV в., именуемые Барсовым «древнейшим чином священного венчания царей на царство» [4, с. 1–31].

Последнее действительно было находкой. На Евхологии как источник двух молитв из ромейского обряда венчания на царство («Господи, боже наш! Царю царствующим и Господь господствующим» и «Тебе, единому Царю веком»), которые «вошли в состав чиноположения коронования российских государей», было указано ректором Московской духовной Академии А.В.Горским при описании рукописей Московской Синодальной библиотеки [30, с. 146–147]. Но научная общественность, за исключением Барсова (не отягощавшего текст ссылками на предшественников), не обратила на это внимание даже после посмертного издания статьи Горского «О священнодействии венчания и помазания царей на царство», также приуроченного к коронации Александра III [29].

Издание Барсова, многими доселе воспринимаемое почти как святое писание, было не вполне полным и точным, прежде всего, в исходной мысли, что коронационные сценарии Империи Ромеев были «оригиналами» для чинов венчания русских царей. На самом деле Барсов не столько сравнивал греческие и русские ритуалы венчания государей, сколько идеализировал их в концепции священного царства, возводя первые (по сказанию об императоре Льве Премудром) к ассирийской царской традиции Навуходоносора, а русские, с начала Московского государства, к новогреческим (как мы теперь знаем, XIV века). Издание Барсова можно было счесть для 1880-х гг. научным, исследование же его оказалось чисто публицистическим¹. Причем настолько возвышенным в поэтике русской самодержавной идеи XIX в., что критике поддавалось с большим трудом.

Только не менее возвышенный православным духом Хрисанф Мефодьевич Лопарев смог выступить с критикой этого текста (и то после окончания царствования Александра III). Вначале великий археограф указал, что поучение монарху от архиерея, отмеченное Барсовым как «чисто русская особенность» всех чинов венчания с конца XV до конца XVII вв. [4, с. XXIX–XXXI]², в которой звучал «голос самой церкви,

¹ «Вот почему, – уверял читателя Барсов, – идея Царя на Руси столь же крепка и несокрушима, сколь крепка и могуча народная вера. В Царе олицетворяет он свои святые думы и святые чувства; в нем он видит и свою веру, и свою совесть. И не иначе целует за него Крест, как за Царя Русского Православного, и не иначе жертвует своей головой и жизнью, как за Царя благоверного и правоверного»; и т.д. [4, с. IV].

² Поучение это впервые появилось в чине венчания Ивана IV. Но Барсова нельзя упрекать за путаницу: ему не было известно, что чины Дмитрия-внука и Ивана IV существовали

дышавший священною важностью», восходил к знаменитому поучению императора Василия I Македонянина к сыну Льву (Κεφάλαια παρανετιχά, ок. 879 [75]), повторяя его местами дословно [42, с. 312–319; 62, с. 155, прим. 1].

Это тот самый «Тестамент Василия, царя греческого», который на греческом печатался в Западной Европе с конца XVI в., а в славянской и русской книжности был популярен с конца XIV в. [46, с. 41–47] и многократно издавался на Руси с начала XVII в.: в 1607 г. [39, л. 125–177], 1638 г. [68], 1661 г. [66], 1680 г. [67], 1718 г. [69] и 1776 г. [25] и др. Ранние издания рассматривались в литературе [34, с. 140–141; 3, с. 681], а новые редакции Тестаменты находят до сих пор [45]. Этот-то памятник и вошел частью своей в русский канонник 1457 г. [59, с. 71–73] по широко известной рукописи (Государственный исторический музей. Синодальное собр. № 501/468) непосредственно перед молитвами «в провозведение царя» при коронации ромейского императора, которые А. В. Горский соотнес как с русским чином венчания [30, с. 273], так и с греческим Евхологием (славянским Требником), переводившимся в этой части не раз [48, с. 65–71].

Издав указанные Горским молитвы как «древнейший чин священнаго венчания царей на царство» по греческому тексту и славянскому переводу в списках XIV и XV вв., Барсов не обратил внимания на существование связанной с ним в XV в. выписки из «Тестаменты», которая и была использована в изданных им чинах венчания русских царей с Ивана IV 16 января 1647 г. (где словами императора Василия говорил митрополит Макарий) до императорской коронации Петра II в 1728 г. [4, с. 58–59, 82–83 (поучение к Ивану IV в 1547 г.), 114–115 (поучение к Петру II в 1728)].

Последующие авторы слегка проясняли концепцию Барсова [55; 51] с небольшими дополнениями из опубликованных греческих источников (о которых ниже). Лопарев же в начале XX в. издал по найденной

Император Василий I Македонянин
на ромейском солиде 883 г.

в редакциях, развитие текста которых ученые смогли понять, лишь опираясь на текстологический метод А.А.Шахматова, в 1883 г. только зарождавшийся.

им флорентийской рукописи и прокомментировал уникальный ромейский чин венчания, типологически сопоставимый с русскими чинами (остальные греческие тексты представляют собой не сценарии, а описания церемонии и последовательность молитв). Это именно чин, т.е. образец, в который позже, неумелой рукой, были вставлены имена императора Мануила II Палеолога и его супруги Елены, венчавшихся на царство 25 сентября 1373 г. [41]. Причем образец именно церковной части церемонии коронации басилевса, наиболее близкой к чину венчания царей на Руси: первая часть ромейского чина с поднятием императора на щит и т.п. во флорентийской рукописи отсутствует так же, как и в русской традиции.

Несмотря на эти достижения, полного сопоставления русского чина венчания государей с ромейским до сих пор не сделано, хотя мы внимательно проследили развитие русского чина венчания государя от Дмитрия-внука до Петра I [18; 17, с.296–352], а М. А. Поляковская описала все известные византинистам греческие источники, отразившие развитие ромейской коронационной традиции в X–XIV вв., и рассмотрела их заметные разногласия между собой [52]. В последующей монографии, вследствие ее лаконичности, это сравнение текстов не получило развития [53].

Коронация императора с подъемом его на щите из Хроники Иоанна Скилицы XII в. Национальная библиотека Испании, Мадрид

Предшествующим формам утверждения власти императора, идущим от традиции поднятия его на щит армией, посвящена солидная литература, но с русским обрядом они практически не пересекаются. Все интересующие нас из-за сходства с русским чином источники касаются коронации императоров ромеев в том виде, как она сложилась в поздний период, конкретно – в XIV в. (сравнимые тексты о церемониях XI–XIII и первой половины XV в. отсутствуют; сведения о них разрозненны и отрывочны [33]). Рассмотрим их кратко, обращая внимание на доступность текстов русским чиновстроителям XVI–XVII вв.

**Источники о позднем
ромейском чине венчания
басилевсов**

История формирования чина ромейской церемонии была долгой и воспринималась самими ромеями в развитии [27; 47; 33; 54; 5].

Именно в историческом ракурсе изложил вопрос о правилах венчания император Константин Багрянородный в трактате «О церемониях» в 956–959 гг. Текст его известен в классическом греко-латинском издании [79], но полного русского перевода нет: его отчасти заменяет неплохой английский перевод [78]. Со свойственной ему последовательностью Константин, которому мы особенно благодарны за детальное описание приемов императорской семьей «игемона и архонтиссы русской» Ольги (этот текст великолепно переведен и растолкован Г.Г. Литавниным [40]), обобщил традиции подъема императора на щит армией и сакрализации его власти церковью (что прослеживается в венчаниях ромейских самодержцев с рубежа VI–VII вв.). Основное внимание Константин обратил именно на старинную часть церемонии, что неудивительно: эта традиция после него дожила до Никифора Фоки, поднятого на щит в 963 г., который в то же время был венчан и патриархом. В XIII в. она была возрождена в Никее и соблюдалась всеми императорами от Феодора I до Михаила VIII Палеолога [33, с. 56].

А в более популярном у нас сочинении «Об управлении империей» Константином Багрянородным упоминалось, что инсигнии, т.е. зримые символы власти басилевса, венец и мантия (превратившаяся на Руси в бармы), были посланы Богом через ангела еще Константину Великому и никак не могут, вследствие своей священности, быть пожалованы другим народам даже в знак ромейского владычества над ними [37, гл. 13]. Это указание было опровергнуто 500 лет спустя в русской легенде о Мономаховом венце, послужившей основой веры, что венчание рус-

ских великих князей, а затем царей, происходило на основе трансляции власти ромейского базилевса.

Константин Багрянородный, коронуемый Христом. Резьба по слоновой кости, ок. 945 г. ГМИИ Пушкина

Как бы то ни было, в X в. церемония принесения императором Символа веры, возложения на него венца и иных инсигний и освящения его власти авторитетом церкви уже существовала. А в XIV в., когда русские с ней познакомились, чин ромейской церемонии венчания и помазания на царство был вполне сложившимся. Он наиболее полно описан в разделах 7 и 12 («О коронации императора» и «О венчании императора») трактата «О должностях» Псевдо-Кодина 1350–60-х гг. [85]. Единственным критическим его изданием (на греческом, языке оригинала) является работа Ж.Верпо 1966 г. [86], в которой передана и флорентийская рукопись чина венчания базилевса, опубликованная Х. М. Лопаревым [86, р.353–36].

Трактат, первоначально приписанный цареградскому курополату Георгию Кодину (скончавшемуся, на его счастье, до падения города, в 1450 г.), был известен в Европе не менее, чем книга «О церемониях», т.к. с XVI в.

не раз издавался на греческом и латыни: в 1596 г. [81], 1625 г. [82] и 1688 г. [83], – а классическим для ученых XIX в. было издание 1839 г.[80]. Все издания до Ж.Верпо осуществлялись без анализа манускриптов и, тем более рукописной традиции, но неизменно включали греч. оригинал (Τακτικόν περί των του офφικίων Παλατίου Κωνσταντινουπόλεως και των оффικίων της Μεγάλης Εκκλησίας) с параллельным или последовательным латинским переводом.

Известность этого трактата в научных кругах России была довольно высокой с XVIII в., когда его перевел неизвестный составитель кодекса Ярославского архиерейского дома, рассматривая источники чина венча-

ния Петра II 28 февраля 1728 г. (перевод этот и издал, в параллель с греческим оригиналом, Барсов). Знали его ну Руси, как увидим, и раньше. В отличие от интереснейшего рассказа о венчании Андроника III Палеолога в 1325 г., помещенного в «Истории ромеев» заказчиком Псевдо-Кодина, императора Иоанна VI Кантакузина (1347–1354), написанной после его отречения от престола, в 1354–1364 гг. [84, р. 196–204].

М.А.Поляковская с сожалением отметила, что «текст Иоанна Кантакузина, написанный много времени спустя после событий коронации Андроника III, воспроизводит протокол обряда коронования и не дает никаких новых деталей, приближаясь, по сути дела, к типу официального чина» [52, с.8], – что на самом деле было бы замечательно, если бы текст действительно был столь точен. Сходство текстов «Истории» Кантакузина и более полного трактата Псевдо-Кодина свидетельствует об устойчивости традиции венчания басилевса в XIV в., особенно если верить выводу Ж.Верпо, что оба автора независимо пользовались одними официальными протоколами [86, р.31].

Иоанн VI Кантакузин. Миниатюра из его «Теологических произведений», 1370–1375 гг.
Национальная библиотека, Париж

Итак, ромейский чин венчания после множества перемен, на закате империи все же устоялся и был отражен в солидных источниках. Но был ли он известен в России настолько, чтобы служить, по уверению Е.В.Барсова, «греческим оригиналом» для русского чина венчания? Барсов справедливо взял для издания тексты, которые в принципе могли быть на Руси известны, в отличие от сочинений Константина Багрянородного и Иоанна Кантакузина. Это очень краткий текст Евхология с Тестаментом Василия, ошибочно принятый Барсовым за оригинальное сочинение, и чин венчания базилиевса, подробно изложенный Псевдо-Кодином. Но последний, по данным византиноведов, стал доступным в России лишь в западных изданиях самого конца XVI и XVII в. А заметное влияние ромейский чин, как установил сам Барсов, оказал лишь на чин венчания Федора Алексеевича 18 июня 1676 г., с которого было скопировано, с некоторыми уточнениями, венчание Ивана и Петра Алексеевичей 25 июня 1682 г.

Между тем в указанном нам И.А.Тихоноком красиво переписанном Саровском сборнике с растительными инициалами и киноварью, близком по времени к венчанию Алексея Михайловича в 1645 г.³, после «Сказания о семи свободных мудростях» (л.1–24) на л.26–41 об. идет не учтенный Поляковской «Чин и устав о венчании и о поставлении царском. Переводил на Москве митрополит Егривский Иасаф с патриарша потребника цареградского, лета 7070 (1561) месяца декабря (в) 13 день. А прислал тот потребник ко царю и великому князю патриарх Цареградской Иасаф с митрополитом Егрипским Иасафом же со благословением вместе, что прислал патриарх благословенные грамоты на царство царю и великому князю»⁴. Далее следуют чин венчания Федора Иоанновича (л.42–64 об.) и др. статьи, включая церковно-полемические против лютеран и кальвинистов.

Происхождению перевода, выполненного по выпискам из Евхология Евгрипским митрополитом Иоасафом, привезшим в 1561 г. в Москву грамоту Константинопольского патриарха Иоасафа Ивану IV с благословением на царский титул, можно верить. Возжелав подтвердить свой царский статус у восточного духовенства, Иван Грозный действитель-

³ *Российский государственный архив древних актов. Ф.357. Саровское собр. №30 (294). 4°. 459 л. Водяные знаки: 1) Кувшин, примерно 1 трети XVII в.; 2) Кувшин типа Гераклитова №941 – 1633 г.; 3) Кувшин типа Диановой №736 – 1642 г.; 4) Лилия на гербовом щите типа Диановой №291 – 1646 г.; 5) Лилия на гербовом щите близок №917 – 1638 г.; 6) Лотарингский крест типа Диановой №591 – 1645 г.; 7) Орел двуглавый с литерами BD – не определяется (знак бытовал весь XVII в.); 8) Неясный герб; 9) Столбы.*

⁴ *Этот «Чин и устав» включает: л.26–33 об. – Чин поставления императора ромеев; л.34–35 – «О поставлении патриарха, или деспота, или кесаря»; л.35–41 – Чин и указ о поставлении патриаршеском; л.41–41 об. – Чин омовения ног императором.*

но испросил и получил грамоту, которая более столетия пользовалась вниманием московских властей. Помимо перевода, сделанного сразу по получении, она в переводе Константина Христофорова вошла в книгу «Титулярник или корень великих государей российских», составленную Посольским приказом при царе Алексее Михайловиче. Греческий оригинал и оба перевода грамоты изданы [35, № 19]. А в Саровской рукописи легко узнается патриаршая «книга... царского венчания», упомянутая в «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского [38].

Иоасафов перевод из греческого Требника не оказал влияния на составленную по получении грамоты Константинопольского патриарха Пространную редакцию чина Ивана Грозного и последующие чины XVI в. Однако он остался в Посольском приказе и позже переписывался, как и созданный там формуляр «Поставления великих князей русских, откуда бе и како начаша ставитися на великое княжество святыми бармами и царским венцем в 6403 (895) г.», изданный Барсовым [4, № VI]. «Поставление» опиралось на исторические представления (древнее использование барм, шапки и т. п.) и в еще большей степени на русскую публицистику. Однако обращает на себя внимание его злободневная привязка к основаниям, на которых Иван IV просил, а Константинопольский патриарх соборно утвердил в 1560 г. царский титул: родство с царградскими кесарями через супругу Владимира Святого Анну Багрянородную, венчание Владимира Мономаха царским венцом, якобы полученным от Константина IX Мономаха, и т. п.

«Венец Константина IX Мономаха», на деле венец великой княжны Анастасии Ярославны, королевы Венгрии (1046–1060 гг.). Венгерский национальный музей, Будапешт

Все это интересные с точки зрения истории политической мысли памятники, но текстологический анализ показывает, что развитие чинов венчания русских царей полтора столетия было связано только с частью их (молитвами и Поучением из Евхология): от первоначальной редакции чина Дмитрия-внука, изучаемой нами по Пространной и Формулярной редакциям, через Пространную редакцию чина Ивана Грозного – к сценариям коронаций Федора Ивановича и последующих царей, вытекавшим один из другого с учетом общей традиции. Однако памятники эти не остались под спудом: мы увидим использование «Поставления великих князей русских» в чине венчания Алексея Михайловича 1645 г., а греческого чина – в чине Федора Алексеевича 1676 г.

Последним приведенным Барсовым «оригиналом», который точно был известен в конце XV в., когда зародился русский чин венчания, стал рассказ иеродиакона Игнатия Смолянина «О царском венчании» Мануила II Палеолога в 1392 г. Уверяя, что «Игнатий Смоленский... впечатленный зрелищем, описал лишь отдельные моменты, запомнившиеся ему как особенно яркие и значительные», М. А. Поляковская ссылается на вашингтонское издание его «Хождения» в Царьград в 1389–1393 гг. [87, р. 48–113], тем самым уклоняясь от смелых суждений о значении этого сочинения в качественных с археографической точки зрения российских изданиях В. Н. Татищева [65, с. 165–172], И. П. Сахарова [62, с. 95–107], архимандрита Варлаама [24, с. 61–64], Е. В. Барсова [4, с. 98–99], архиепископа Филарета [73, с. 98–99], С. В. Арсеньева [74], археографов собрания М. П. Погодина [60, с. 223–224], С. Л. Гаранина [28, с. 172–191], Е. И. Малето [43, с. 278–292] и др.

Самую яркую легенду придумал исследователь жанра хождений Н. И. Прокофьев [57, с. 160–161], а афористически изложили в «Православной энциклопедии» А. А. Турилов и И. В. Федорова: «Рассказ И[гнатия] С[мольнанина] о коронации имп. Мануила в виде самостоятельной статьи переписывался в XVI–XVIII вв., в т. ч. в составе чинов венчаний на царство вплоть до времени имп. Елизаветы Петровны, на содержание к[ото]рых он оказал существенное воздействие» [71, с. 151]. Но из 24-х списков «Хождения» в краткой и пространной (по Никоновской летописи [50, т. XI, с. 95–108]) редакции, а также известных списков статьи из него «О царском венчании», бытовавших отдельно, нет рукописей, попавших в чины венчания царей⁵. Если не считать составленного по-

⁵ Хотя списки сочинения Игнатия имелись в Посольском приказе и в составе официального митрополичьего формулярника: Государственный исторический музей. Синодальное собр. №562. Возможно, его наблюдения как-то (хотя непонятно как) использовались

сле 1728 г. кодекса Ярославского архиерейского дома, использованного Барсовым, где она помещена рядом с чином Петра II. Видимо, это обстоятельство и побудило Прокофьева к неосторожному высказыванию, которое он больше не повторял [58; 56, с. 99–119, 276–297, 403–406].

Мысль об использовании яркого рассказа Игнатия для «строения» русских чинов венчания не выглядит нелепой, пока мы не сравним тексты. Тут и оказывается, что император у него венчается вместе с императрицей (эта ромейская традиция была довольно прочной), тогда как на Руси такой опыт был единственным и скандальным: Лжедмитрий I (чин венчания которого 30 июня 1505 г. пропал), нарекшись по ромейскому образцу цезарем, венчал короной Марину Мнишек, не крестив ее в православие. Чин венчания Марины хоть и не полностью, но сохранился [63, ч. II, № 138], однако Барсов счел правильным сделать вид, что его не было.

Боле того, у Игнатия император, в соответствии с другими ромейскими источниками, проводит всю церемонию венчания в алтаре, со священниками. Тогда как в русских чинах государь воспринимался как светское лицо до коронации Федора Алексеевича в 1676 г., когда он (и последующие монархи) причащался в алтаре со священниками [17, с. 458–486]. Просвещенный царь мог видеть текст Игнатия в Царственной книге (куда тот попал с Никоновской летописью), которую он, конечно, читал, раз по-

Рис. 9. Мануил II Палеолог. Миниатюра из ромейской рукописи I половины XV в. Национальная библиотека Франции, Париж

в Пространной редакции чина Ивана IV 1560-х гг., когда в ходе публицистических размышлений в текст включили (годами после реального венчания царя) цитаты из Поучения императора Василия Македонянина сыну Льву, вступление о византийском происхождении царских инсигний – знаков высшей власти, в число которых (дополнительно к оплечьям-бармам и шапке чина Дмитрия-внука) были включены крест, скипетр и цепь. Впервые в предполагаемую церемонию венчания было введено, кроме прежнего причащения, миропомазание. Все эти находки были реально применены только в чине венчания Федора Ивановича.

сле восшествия на престол повелел привести в порядок (этот лицевой свод оставался в листах) в своей библиотеке [19; 20; 21]. Но, судя по основательности обращения составителей чина 1676 г. к ромейской традиции, они использовали текст Псевдо-Кодина по одному из западных изданий (с латинским переводом). Т.е. в обращении к тексту Игнатия чиностроителям нужды не было, а главное – для объяснения формирования русского обряда он не требуется.

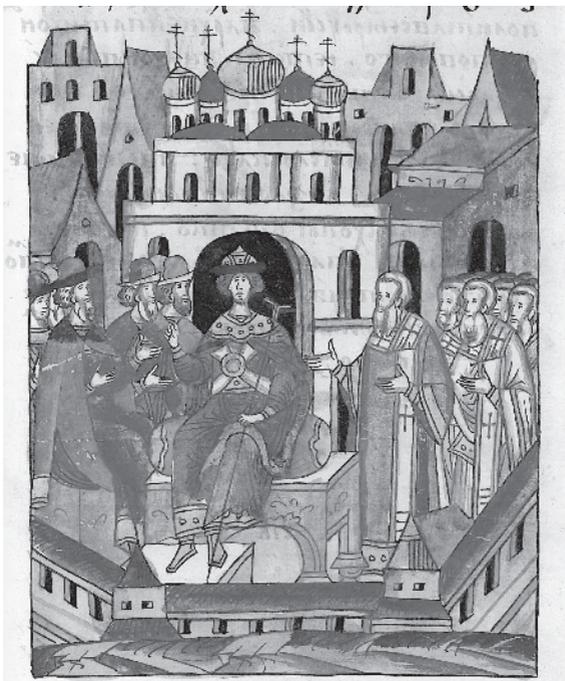
Русские чины венчания самодержцев

Вопреки мнению, живущему в литературе со времен Барсова, русские чины венчания, первым из которых стал чин Дмитрия-внука, венчавшегося 4 февраля 1498 г. в Успенском соборе, апеллировали к собственной, а не ромейской «старине»: «Божиим изволением от наших прародителей великих князей старина наша то и до сих мест: отцы великие князи сыном своим первым давали княжество великое». Заявление, как мы понимаем, неточное: наследование старшим сыном утверждалось в Москве болезненно и еще в XV в. оспаривалось, – но его ничтоже сумняшеся повторяли при венчании не первые (как Федор Иоаннович) и даже не сыновья (Борис Годунов, Василий Шуйский, Михаил Романов); главной была идея «старины».

В чине Дмитрия-внука и последующих чинах обязательным было указание на законность власти *русских предков* благословляемого митрополитом (а позже патриархом) государя; появившиеся впоследствии ссылки на преемственность власти самодержца от Первого и Второго Рима были лишь украшениями этой родовой концепции.

Первый из русских чинов венчания не сохранился в оригинале. Он известен в четырех редакциях, из которых Пространная, наиболее близкая по времени к самой церемонии, и Формулярная, приспособившая текст для возможной коронации великого князя Василия III (между весной 1502 и осенью 1505 г.), лучше передают первоначальную редакцию чина, и лишь позднейшие Летописная и Чудовская редакции включают элементы «Сказания о князьях владимирских» [70].

Несомненно установлено, что отраженные чином реально случившегося в 1498 г. венчания представления о «Святой Руси», «Новом Израиле», о Москве как «Новом Иерусалиме», сочетавшие идеи богоизбранного народа и наследования по русской «старине», не были еще дополнены теорией «Третьего Рима». Ее отсутствие в государственном обиходе конца XV в., помимо чина Дмитрия-внука, показывают и дипломатические

Коронация Дмитрия-внука. Лицевой свод Ивана Грозного.
Вторая половина XVI в., Российская национальная библиотека

документы. «Государь наш – великий государь, урожденный изначала от своих прародителей», утверждал русский посол в 1489 г., тогда как сам великий князь в Москве пояснял: «Мы, Божией милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы» [35, №1, с. 5–6: 64].

Само сочетание родового начала с богоизбранностью великого князя и русского народа вначале не имело отношения к идее римского или ромейского наследия. Оно восходило к «Слову о законе и благодати» первого русского митрополита всея Руси Илариона, которое в 1051 г. соединило принятое от Рима (а не ромеев) – точнее завоеванное мечом – христианство, с гордостью за возглавляемую князьями Русскую землю и верой в ее великую миссию.

При этом концепция Москвы как наследника всей Русской земли, богоизбранного царства, удела Богородицы, преемника павшей в середине XIV в. Империи ромеев, к венчанию Дмитрия-внука была уже прекрасно

разработана в русской литературе. Доказан был в книжности и переход центра мирового православия в Москву, ставшую божьим благословением и своими заслугами, Новым Римом [12, с.259–306].

Однако эти идеи ложились в основу государственной практики с большим запозданием. Официальная реализация идеи Москвы – Нового Рима началась с составления Пространной редакции чина венчания Ивана IV в 1560-х гг. [77] и триумфально завершилась в 1645 г. в чине венчания Алексея Михайловича [17, с.306–317]. Все это время с 1498 г. русские чиновники, совершая обряд венчания, не видели смысла в использовании доступного им опыта создателей ромейских чинов.

Церковные власти в речах к великому князю, затем царю, и в молитвенном последовании пользовались русским Требником, прямо воспроизводящем греческий Евхологий, но они изначально находились во время венчания на вторых ролях: от властного Ивана III, твердой рукой руководившего венчанием своего внука Дмитрия и лично возлагавшим на него венец и бармы, до «Тишайшего» Алексея Михайловича, в коронации которого 28 сентября 1645 г. под его личным руководством родовая теория самодержавной власти русских монархов достигла высшей стадии своего воплощения в главном государственном акте.

Надо отметить, что это достижение далось чиновникам Посольского приказа нелегко. На это указывают сохранившиеся в архиве приказа сильно отредактированные рукописи (Российский государственный архив древних актов. Ф.135. Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Отд.IV. Руб.1. №12), впервые изученные Л.Е. Морозовой [44]. Изданы на сегодняшний день лишь список, составленный по итогам церемонии [32, №5, с.234–303] и одна из редактур [4, с.91–97]. В сумме рукописи доказывают, что суммирование и умножение родовых основ власти русского самодержца в 1645 г. было вполне осмысленным.

Все чины венчания подчеркивали, что власть царя есть именно *русская* самодержавная власть. Она хоть и восходила, как постепенно стали утверждать коронуемые и подтверждать церковные власти, к Первому Риму в лице кесаря Августа, легендарного предка Рюрика, хоть и подкреплялась с XVI в. верой в заимствование инсигний Второго Рима от Константина Мономаха, но прежде всего, в основе, которая во всех чинах подчеркнута, была властью непрерывного рода *русских* великих князей и царей.

Уже в чинах реального венчания Дмитрия-внука и Ивана IV, ромейское влияние на которые было весьма скромным (оно и оставалось таким в последующих редакциях [22]), об этом сказано вполне определенно. Даже миропомазание государя появилось не сразу (как и у ромеев, воспри-

нявших идею миропомазания при коронации от католиков в XII в. [72]), а лишь на третьем венчании – Федора Иоанновича 31 мая 1584 г. [63, ч. III, №51], эволюционировавшем из Пространной редакции чина его отца [76].

А в чине Алексея Михайловича идея древности и славы русской самодержавной власти со всей очевидностью ставила Российское царство выше всех монархий и племен земных, что подтверждалось молитвой о его расширении до концов Вселенной⁶, введенной в практику бестрепетным Филаретом Никитичем Романовым при своем поставлении в патриархи 22 июня 1619 г. и оказавшейся во всех чинах царского венчания, начиная с коронации его внука в 1645 г. [17, с. 314–316].

Филарет Никитич Романов. Миниатюра в царском «Титулярнике» 1672 г. РГАДА

⁶ «Да тобою, пресветлым государем, благочестивое ваше царство паки воспрославит и распространит Бог от моря до моря, и от рек до конец Вселенной, и расточенное во благочестивое твое царство возвратит и соберет воедино, и на первообразное и радостное возведет, чтобы быть на Вселенной царю и самодержцу христианскому, и воссиять, как солнцу посреди звезд» [63, ч. III, С. 200–201].

Филарет при этом сотворил молитву из тоста своего злейшего врага, Бориса Годунова, предписанного тем «на трапезах и вечерах» и известного читателю по Хронографу Русскому в редакции XVII в. [15, с. 356–357]. Но происхождение слов чинов строителей не волновало: всем понравилась идея расширения духовной, а то и реальной власти российского самодержца на всю Ойкумену, превращения Российского царства в будущее земное царство Христово. Только пути реализации этой идеи вызывали в публицистике последней четверти XVII в. споры [8, с. 48–83].

Развитие чинов венчания до 1645 г. включительно дает нам понять, что работа летописцев XIV–XV вв. по последовательному удревнению титула самодержца русского до первого великого князя Рюрика, воплощенная в великокняжеском летописном своде 1480-х гг. и прямо предшествующая рождению чина Дмитрия-внука, не была напрасной [36, с. 143–172; 12, с. 259–306]. При этом апелляция чинов строителей, начиная с самых первых, к древности самого обряда венчания великих князей, очевидно ложна. Краткая статья «Поставление великих князей русских, откуда бе и како начаша ставитися на великое княжество святыми бармами и царским венцем», весьма распространенная в книжности и изданная Барсовым «по списку Посольского приказа XVI в.» [4, с. 39–41], лишь излагает легенду о ромейском происхождении инсигний и ничего не говорит в пользу существования реальной традиции венчания великих князей на Руси.

Более того, до 1490-х гг. идея венчания на престол и появиться не могла [23]. Сам чин Дмитрия-внука, в первоначальной редакции которого идея «Нового Рима» отсутствовала, неоднократно в XVI в. дорабатывался, учитывая влияние летописного свода 1518 гг. [50, т. XXVIII] и фундаментального Хронографа Русского Досифея Топоркова 1516–1522 гг. [50, т. XXII]. Редактировался и следующий за ним чин венчания Ивана Грозного. И далее каждый новый чин венчания отражал обновление идеологической реальности своего времени. Радикальная перемена, связанная с обращением чинов строителей Федора Алексеевича к ромейской традиции XIV в., также произошла неслучайно.

Е. В. Барсов, преувеличивая имперские корни прежних чинов венчания, все же пришел к выводу, что «наибольшую полноту греческого чинов положения представляет венчание царя Федора Алексеевича» 18 июня 1676 г.⁷ Перемена эта, вошедшая в чины Ивана и Петра Алек-

⁷ «После речи, – писал Е. В. Барсов, – в которой государь изъявлял желание короноваться, патриарх спрашивал его: Какое веруешь и исповедуешь Отца, Сына и Святаго Духа?»

сеевичей, а затем их наследников в XVIII в., была мотивирована изменением отношения к основам царской власти. В том числе по-новому были официально сформулированы представления о Первом и Втором Риме, преемником которых стал Третий Рим: речь в каждом случае шла о власти в православном царстве [11]. Все родовые основания власти русских самодержцев, скрупулезно прорабатывавшиеся поколениями чиновников с конца XV в., были сохранены, но отодвинуты на второй план.

Дополнение и изменения, внесенные в чин венчания царя Федора Алексеевича, служили одной цели. Уподобление царя византийскому базилевсу-автократору, причащение его в алтаре со священниками, подчеркнутая передача инициативы патриарху, коему предписано было ярко выделить божественную основу царской власти («От Бога поставлен еси, Богом венчанный царь» и т. д.), — все обрело понятный для подданных смысл благодаря изменению в диалоге царя и патриарха краткой, но главной формулы объявления оснований царской власти. *Родовое начало* царской власти не отвергалось, но уступило первое место ее *божественному проис-*

Царь Федор Алексеевич. Парсуна Богдана Салтанова, 1685 г. ГИМ

И государь торжественно читал Никео-Цареградский символ веры. Кроме указанных знаков царского достоинства (венец, бармы, скипетр, крест, золотая цепь.— А.Б.), по примеру греческих царей, на него возложена была царская одежда. Миропомазание началось по приобщении патриарха, всех епископов, но до приобщения дьяконов. Кроме того, всем прежним царям по их миропомазании Святые дары были преподаваемы не внутри алтаря, а перед Царскими вратами, где совершалось самое помазание, теперь же царь, по примеру греческих царей, введен во святилище прямо Царскими вратами, где он приобщался тела и крови Христовой, подобно священникам» [4, с. XXVIII–XXIX].

хождению. Необходимые элементы сакрализации власти, как справедливо заметил Е. В. Барсов, были найдены при обращении к чину венчания ромейских императоров.

Новый государь венчался «по преданию святой восточной Церкви» и лишь во вторую очередь «по обычаю древних царей и великих князей российских». В чине Федора Алексеевича эта формула повторялась *трижды*, а в чине Ивана и Петра Алексеевичей – *пять раз*. Сама же церемония зримо объясняла и оттеняла смысл формулы, что самодержец венчается «по преданию святой восточной Церкви». Люди не могли не заметить, что на царском венчании распоряжается не царь, как прежде, а *исключительно патриарх*. В ходе церемонии, выслушав обычную речь царя о желании короноваться, патриарх Иоаким вдруг по византийскому образцу спросил: «Како веруеши и исповедуеши Отца и Сына и Святаго Духа?» В ответ Федор Алексеевич, в отличие от всех своих русских предшественников, торжественно произнес Никео-Цареградский *символ веры*. Затем, помимо шапки Мономаха, барм, скипетра и державы, на царя, согласно чину императоров, была возложена *царская одежда*⁸. Далее, причастие и миропомазание Федор принял после приобщения патриарха и епископов, но до приобщения дьяконов. Наконец, церемония проходила в алтаре – *царь уподоблялся священнослужителю*, аналогично императору ромеев.

Смысл всего этого комплекса перемен был очевиден. *Российское самодержавное царство* стало на самом высоком официальном уровне *Российским православным самодержавным царством*. Единственное во Вселенной православное царство получило прочную и независимую от наследования державного права (или трансляции имперума) идеологическую основу [13; 9; 14]. Идеологическое обоснование власти московских государей было приведено в соответствии с державным статусом Новой России, признанным как внутри страны, так и на международной арене. Не случайно С. М. Соловьев начал с царствования Федора Алексеевича Новую историю России.

До середины XVII в., когда Российская держава одним броском расширилась до Тихого океана и Китая, а затем ринулась освобождать древнерусские земли на Западе, толком узнать о том, как венчались на царство в Империи ромеев было трудно, а что еще важнее – по-

⁸ *Облачение базилевса было сакрализировано в ромейском чине венчания не менее, чем инсигнии, начиная с плаща императора в древности и кончая почти священническим облачением автократоров XIII–XIV вв. с долматикой, лорумом и т.п.*

требности в обращении к греческим источникам никто не испытывал. Как только эта потребность сформировалась, в руках у чиновников Посольского приказа появилась подробнейшая книга Псевдо-Кодина.

Подведем итоги

Сложившееся в науке и литературе представление о ромейских «источниках» русского чина венчания было мотивировано возвышенными представлениями о трансляции на русских самодержцев римского империаума, подкрепленными документальным изданием секретаря Московского общества истории и древностей Российских Е.В.Барсова.

Он же был побужден к исследованию коронацией Александра III и изданной по сему случаю статьей просвещенного ректора Московской духовной академии А.В.Горского (посмертно) о молитвах из греческого Евхология на коронации императора ромеев. Барсов угадал как источник для русских чинов венчания еще и труд Псевдо-Кодина. И сделал это неслучайно. Он обрел его перевод, а возможно и текст, в рукописи Ярославского архиерейского дома, неизвестный составитель которой размышлял над ромейскими корнями коронации Петра II 28 февраля 1728 г. в Москве. Там же Барсов нашел и чин этой коронации, сходный с описанным Псевдо-Кодином, потому что чин Петра II восходил к чину Ивана и Петра 1682 г., который восходил к чину венчания Федора Алексеевича 1676 г.

В последнем, как установил Барсов, а не в чине Петра II, и были сделаны серьезные изменения русского чина на основе ромейского (в изданиях «Тактикона» Псевдо-Кодина 1625 или 1648 гг.). Талантливый составитель Ярославской рукописи в XVIII в. этого, видимо, не знал, т.к. предшествующие чины венчания не изучал. Перемены в чине венчания 1676 г. Барсов точно описал, но счел возможным утверждать, в господствовавшем при коронации Александра III духе, будто греческие тексты являются «оригиналами» для русских чинов венчания, историю которых он справедливо начал с чина Дмитрия-внука 1498 г.

С чином венчания Федора Алексеевича, в силу обращения чиновников к ромейской традиции в хорошо известном к тому времени трактате Псевдо-Кодина, сходствовало и описание коронации Мануила II Палеолога с супругой Еленой в 1373 г. в «хождении» Игнатия Смольнянина. Оно тоже было включено в Ярославскую рукопись бла-

годаря тому, что напоминало венчание Петра II, восходящее и тут к чину 1676 г. Барсов же отнес текст о коронации Мануила с женой из «хождения», широко бытовавший как в его составе, так и отдельно, к изначальным источникам русского чина венчания, чем смутил умы уважаемых коллег. Смущение это продолжается до нашего времени, хотя уже по изданным Барсовым в ряд текстам Игнатия и Дмитрия-внука было очевидно, что это описание ромейской коронации и в XV, и в XVI вв. использовано быть не могло: ни великую княгиню или царицу на царство не венчали, ни царя не причисляли к священным особам до 1676 г.

Труд Барсова поправил и дополнил Х.М. Лопарев. Он ввел в научный оборот второй ромейский чин венчания по флорентийской рукописи (третий, как ты теперь знаем, отражен в «Истории» Иоанна Кантакузина) и указал, что текст назидания великому князю, а затем царю в русских чинах, который Барсов счел оригинальным, представляет собой почти дословную выписку из поучения императора Василия I к сыну Льву – знаменитого на Руси с XIV в. «Тестаменты Василия царя греческого». Выяснилось, что этот текст был не просто включен в русский перевод греческого Евхология, но, по меньшей мере, с середины XV в. находился в нашем Требнике перед двумя молитвами на венчание басилевса. Таким образом, нравоучительная выписка о качествах самодержца из «Тестаменты» и две молитвы за государя точно вошли в русские чины из ромейской традиции.

Но на этом вопрос о «греческих оригиналах» русских чинов венчания был в России закрыт до 1676 г. Более того, с чина Дмитрия-внука до венчания Алексея Михайловича в 1645 г. в чинах подчеркивалось, что они опираются именно на русскую «старину». Это основание царской власти сохранилось и в чине венчания Федора Алексеевича 1676 г., когда над ним было поставлено более высокое основание венчания «по преданию святой восточной Церкви». Тут только чиностроители и обратились к известному в России поздне-ромейскому опыту священного венчания басилевса, перешедшему в чины последующих русских царей и императоров. И тем самым ввели во исполнение Барсова, трудившегося «Ко дню священного коронования» 15 мая 1883 г., а затем и его последователей, до сих пор старающихся увидеть «греческие оригиналы» в изначальной истории русского чина венчания.

В действительности русский сценарий коронации первые два столетия своего существования был связан с ромейским наследием лишь

двумя молитвами и нравоучением Василия Македонянина, т. е. религиозно и культурно, как в целом Русь была связана с не завоеванной варварами частью Римской империи. При этом все использованные при венчании тексты давно входили в русский Требник, став частью отечественной духовной культуры. Сознательное обращение чиновников Посольского приказа к сценарию венчания базилиевсов в 1676 г. было связано с формированием концепции новой империи: Российского православного самодержавного царства. Именно эта имперская концепция и утверждалась сценариями коронации русских монархов до конца XIX в.

Библиографический список

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи археографической экспедицией Императорской Академии Наук. Т. II. СПб.: тип. II отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1836. 413 с.
2. Андрей Лызлов. Скифская история / Издание и исследование А. П. Богданова. М.: Издательская группа «Альма Матер»; «Гаудеамус», 2023. 754 с.
3. Атанасов П. Украинские кириллические старопечатные книги XVI–XVII вв. в Болгарии (к вопросу о болгарско-украинских культурных связях) // Советское славяноведение. М.: Наука, 1972. № 6. С. 672–683.
4. Барсов Е. В. Древне-русские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами: С ист. очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1883. [4], II, XXXVI, 160 с.
5. Бибиков М. В. «Великие василевсы» Византийской империи: к изучению идеологии и эмблематики сакрализации власти // Н. А. Хачатурян. Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М.: Наука, 2006. С. 29–51.
6. Библиотека литературы Древней Руси. В 20-ти тт. Т. I: XI–XII века. СПб.: Наука, 1997. 542 с.
7. Богданов А. П. 1612. Рождение Великой России. М.: Вече, 2013. 372 с.
8. Богданов А. П. Идеи русской публицистики: между царством и империей. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2018. 482 с.
9. Богданов А. П. Конец «Третьего Рима» и утверждение имперского самосознания в последние годы Московского царства // Человек между царством и империей: культурно-исторические реалии, идейные столкновения, рождение перспектив; сб. материалов международной конференции. М.: Ин-т человека РАН, 2003. С. 47–59.

10. Богданов А.П. От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. Изд. 2-е, испр. и доп. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 642 с.
11. Богданов А.П. Почему «Третий Рим»? Арсений Суханов о месте России в мировом православии // Диалог со временем = Dialogue with time: альманах интеллектуальной истории. 2020. Вып.70. М.: Аквилон, 2020. С.72–85.
12. Богданов А.П. «Прения с греками о вере» 1650 г.: Отношения Русской и Греческой церквей в XI–XVII вв. М.: Академический проект, 2020. 563 с.
13. Богданов А.П. Российское православное самодержавное царство // Мирвосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). Вып.2. Царь и царство в русском общественном самосознании. М.: ИРИ РАН, 1999. С.94–111.
14. Богданов А.П. Россия между царством и империей. Конец Третьего Рима и начало великой державы // Проблемы российской истории. Вып.IV. Магнитогорск: Изд. Магнитогорского ун-та, 2004. С.17–33.
15. Богданов А.П. Русские патриархи. М.: Академический проект, Трикта, 2022. 959 с. С.356–357.
16. Богданов А.П. Теория «Москва – центр мира» в державной концепции и у кратких летописцев XVII века // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып.2. География и политика. М.: Наука, 2006. С.91–111.
17. Богданов А.П. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М.: Академический проект. 2018. 760 с.
18. Богданов А.П. Чины венчания российских царей // Культура средневековой Москвы. М.: Наука, 1995. С.211–224.
19. Богданов А.П., Пентковский А.М. Житие Николы в Лицевом летописном своде // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР. М.: ИИ СССР АН СССР, 1985. С.92–108.
20. Богданов А.П., Пентковский А.М. Сведения о бытовании Книги Царственной («Лицевого свода») в XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв.: ежегодник Отдела источниковедения дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР. М.: ИИ СССР АН СССР, 1983. С.61–95.
21. Богданов А.П., Пентковский А.М. Судьба Лицевого свода Ивана Грозного // Русская речь. Журнал Института русского языка АН СССР. 1984. №5. С.92–100.
22. Бурсон А.Е. Чин поставления на великое княжение Дмитрия-внука и проблема византийского идейно-политического наследия в конце XV – начале XVI в. // Византийский временник. Т.57 (82). М.: Изд. АН СССР, 1997. С.110–129.
23. Бычкова М.Е. Судебник 1497 г. и Чин поставления на великое княжество 1498 г.: идея власти государя // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв.: [Сб. ст.]. М.: Парад, 2000. С.172–183.

24. Варлаам (Денисов), архим. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря // Ученые записки II Отделения имп. Академии Наук. СПб.: тип. имп. Академии Наук, 1859. Кн.5. Отд.3. С.61–64.
25. Василия Македонянина царя греческого увещательныя LXVI глав к сыну своему Льву. С ельлинскаго на славенороссийский язык в Казанской семинарии переведенныя. М.: Унив. тип., 1776. [16], 92 с.
26. Венчание русских государей на царство начиная с царя Михаила Федоровича до Императора Александра III. СПб.: тип. Эдуарда Гоппе, 1883. 293 с.
27. Вернадский Г.В. Византийские учения о власти императора и патриарха // Сборник статей, посвященных памяти Н.П.Кондакова. Прага: Seminarium Kondakovianum, 1926. С.143–154.
28. Гаранін С.Л. Шляхамі даўніх вандраванняў: Гістарычна-тэарэтычны нарыс развіцця беларускай паломніцкай літаратуры XII–XVI ст. Мінск: Тэхналогія, 1999. 203 с.
29. Горский А.В. О священнодействии венчания и помазания царей на царство // Прибавления к изданию творений св. отцев в русском переводе. Ч.29. Кн.1. М.: тип. Лаврова, 1882. С.117–151.
30. Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. III. Книги богослужебные. Ч.1. М.: Синодальная типография, 1869. [4], XXII, 584 с.
31. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т.1. СПб.: тип. II отд. собств. е.и.в. канцелярии, 1846. 446 с.
32. Древняя российская вивлиофика. Изд. 2-е. Ч. VII. М.: Унив. тип., 1788. VI, 446 с.
33. Жаворонков П.И. Избрание и коронация никейских императоров // Византийский временник. М.: Наука, 1988. №49. С.55–59.
34. Зернова А. Белорусский печатник Спиридон Соболев // Книга: Исследования и материалы. М.: Книга, 1965. Т.10. С.126–145.
35. Идея Рима в Москве XV–XVI века. Источники по истории русской общественной мысли / Публ. Н.В.Синицына, Я.Н.Щапов. М.: б.и., 1989. 199 с.
36. Клосс Б.М. Избранные труды. Т.II. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М.: Языки русской культуры, 2001. 288 с.
37. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, пер., коммент. / Под ред. Г.Г.Литаврина, А.П.Новосельцева. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1991. 493, [3] с.
38. Курбский А.М. История о великом князе Московском. М.: Изд-во Ун-та Российской академии образования, 2001. 161, [2] с.
39. Лекарство на оспалый умысл человечесий. Острог: Тип. острожская, 29 июля 1607. 183 л.
40. Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб.: Алетейя, 2000. 413, [2] с.

41. Лопарев Х.М. К чину царского коронования в Византии // Сборник статей в честь Дмитрия Фомича Кобеко от его сослуживцев по Имп. Публичной библиотеке. СПб.: тип. М.А.Александрова, 1913. С.1–11.
42. Лопарев Х.М. О чине венчания русских царей // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1887. Ч.253. С.312–319.
43. Малето Е.И. Антология хождений русских путешественников, XII–XV вв.: Исследование. Тексты. Комментарии. М.: Наука, 2005. 437, [1] с.
44. Морозова Л.Е. Две редакции чина венчания на царство Алексея Михайловича // Культура славян и Русь. М.: Наука, 1988. С.457–471.
45. Неизвестная редакция «Второго поучения» Василия I (867–886) Льву VI / Предисл., публ. и пер. И.С.Чичурова // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. М.: Алетей, 2000. С.201–212.
46. Николов, Ангел. Средневековый славянский перевод «Учительных глав» императора Василия I: проблемы изучения рукописной традиции и ранних печатных изданий // XIX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Т.1. М.: Изд. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2009. С.41–47.
47. Острогорский Г.А. Эволюция византийского обряда коронования // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура. М.: Наука, 1973. С.33–42.
48. Перетц В.[Н.] Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVII вв. // Сборник Отделения русского языка и словесности. Т.101. Л.: б.и., 1926. №2. С.1–176.
49. Полное собрание законов Российской империи. Серия 1. Т.П. СПб.: тип. П отд. собств. е.и.в. канцелярии, 1828. 979 с.
50. Полное собрание русских летописей. Т.ХI. СПб.: тип. И.Н.Скороходова, 1897. VII, 254, [1] с.; Т.ХХII / сост. Б.М.Клосс. М.: Языки славянских культур, 2005. 896 с.; Т.ХХVIII / сост. К.Н.Сербина. М.; Л.: Наука, 1962, 411 с.
51. Покровский Н.В. Чин коронования государей в его истории. СПб.: тип. Департамента уделов, 1882. 32 с.
52. Поляковская М.А. Поздневизантийский чин коронования василевса // Византийский временник. Т.68 (93). М.: Наука, 2009. С.5–24.
53. Поляковская М.А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «Театр власти». Екатеринбург: Изд. Уральского университета, 2011. 344 с.
54. Поляковская М.А. Император и народ в Византии XIV в. в рамках церемониального пространства // Античная древность и средние века. Вып.34. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2003. С.314–321.
55. Попов К.М. Чин священного коронования: (Исторический очерк образования чина): [Чин коронования в Византии] // Богословский вестник. Журнал Московской духовной академии. 1896. Т.2. №4. С.59–72.

56. Прокофьев Н.И. Книга хождений: Записки русских путешественников XI–XV вв. М.: Советская Россия, 1984. 447 с.
57. Прокофьев Н.И. Русские хождения XII–XV вв. // Московский педагогический институт им. В.И.Ленина. Ученые записки. Вып.363. Литература Древней Руси и XVIII в. М.: МПГИ, 1970. 354 с.
58. Прокофьев Н.И. Хождение Игнатия Смольянина // Литература Древней Руси: Сб. науч. трудов. М.: МГПИ, 1978. Вып.2. 151 с. С.123–149.
59. Прохоров Г. «Посторонние статьи» (в том числе Послание мудрого Феофана) в Погодинском №27 Апостоле и «Слово о житии и преставлении» Дмитрия Донского // Труды отдела древнерусской литературы Пушкинского дома (ИРЛИ РАН). Т.49. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С.59–77.
60. Рукописные книги собрания М.П. Погодина: Каталог. Л.: Изд. Гос. публ. б-ки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, 1988. 340, [2] с.
61. Савва В. Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков: тип. и литография М. Зильберберг и сыновья, 1901. 265 с.
62. Сахаров И.П. Сказания русского народа. 3-е изд. Т.2. СПб.: тип. И.П.Сахарова, 1849. 675 с.
63. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч.II. М.: тип. Селивановского, 1819. [4], VIII, [20], 610, [2] с.; Ч.III. М.: тип. Н.С.Всеволожского, 1822. [4], III, [11], 540 с.
64. Синицына Н.В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 410, 4 с.
65. Татищев В.Н. История российская. В 7 т. М.; Л.: Изд. Академии Наук СССР, 1965. Т.5. 343 с.
66. Тестамент Василия, царя греческого, к сыну своему Льву Философу. М.: Государев печатный двор, 1661. [1], [177] с.
67. Тестамент или завет Василия царя Греческого к сыну его, Льву философу. М.: Тип. Верхняя, январь 1680. 104 л.
68. Тестамент царя Василия к своему сыну Льву. Могилев: тип. могилевская, 1638. 28 л. первой паг.
69. Тестамент, или Завет Василия, царя греческого, к сыну его Льву Философу. СПб.: б.и., 1718. 68 л.
70. Тихонюк И.А. Чин поставления Дмитрия-внука // Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М.: ИИ СССР АН СССР, 1987. Вып.3. 695 с. С.604–607.
71. Турилов А.А., Федорова И.В. Игнатий Смольянин // Православная энциклопедия. Т.21. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2009. 751 с. С.151–152.
72. Ульянов О.Г. О времени возникновения инаугурационного миропознания в Византии, на Западе и в Древней Руси // Русь и Византия: Место стран византийского круга

во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 133–140.

73. Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы 862–1720 г. Кн.1. Харьков: Унив. тип., 1859. [2], 448 с.

74. Хождение Игнатия Смольнянина / Под ред. С.В. Арсеньева // Православный палестинский сборник. СПб.: Изд. Имп. православного Палестинского общества, 1887. Т.4. Вып. 3(12). 68 с.

75. Чичуров И.С. О датировке и актуальности поучений Василия I // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1987 г. М.: Наука, 1989. С.173–178.

76. Шевченко М.Н. Об эволюции чина венчания на царство российских монархов во второй половине XVI века // Вестник Оренбургского государственного педагогического ун-та. 2016. №3 (19). С.199–208.

77. Шапов Я.Н. К изучению «Чина венчания на царство» Ивана IV // Римско-константинопольское наследие на Руси: Идея власти и политическая практика: IX Междунар. семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму» (Москва, 29–31 мая 1989 г.) / отв. ред. А.Н.Сахаров. М.: Наука, 1995. С.213–225.

78. Constantine Porphyrogenetos. The Book of Ceremonies: With the Greek Ed. of the Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae (Bonn, 1829) / Intro., transl. and comment. A.Moffatt, M.Tall. Canberra: Australian National University, 2012. 2 vol.XXXVIII, 508; VI, 509–870 p.

79. Constantini Porphyrogeniti imperatoris. De cerimoniis aulae Byzantinae / E rec. J.J.Reiskii. Vol.I. Bonnae, 1829. 534 p.

80. George Codinus. De officialibus Palatii cpolitani et de officiis magnae ecclesiae liber. Bonnae: Impensis Ed. Weberi. 1839. 435 s.

81. Georgius (Codinus). De Officialibus Palatii Constantinopolitani, & officiis magnae ecclesiae. Commelinus, 1596. 448 p.

82. Georgius Codinus Curopalata. De officiis et officialibus magnae ecclesiae et aulae Constantinopolitanae. Parisiis: Apud Sebastianum Cramoisy. 1625. 363 p.

83. Georgius Codinus. Curopalata. De officiis magnae ecclesiae, et avlae Constantinopolitanae. Parisiis: E typographia regia [Cvrante Sebastiano Cramoisy], 1648. 422 p.

84. Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri IV / Ed.L. Schopen. Graece et latine / Vol.I. Bonnae: Impensis E. Weberi, 1828. 488 p.

85. Macrides, Ruth J., Munitiz, Joseph A., Angelov, Dimiter. Pseudo-Kodinos and the Constantinopolitan Court: Offices and Ceremonies. Farnham, Surrey: Ashgate, 2013. 540 p.

86. Pseudo-Kodinos. Traité des offices / trad. par Jean Verpeaux. Paris: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1966. 420 p.

87. Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries / By George P.Majeska. Washington, 1984. 463 p.

Олеся Плех

**ЮБИЛЕЙ ВОССТАНИЯ
ДЕКАБРИСТОВ НА
СТРАНИЦАХ НАУЧНЫХ
ЖУРНАЛОВ
СЕРЕДИНЫ 1920-х гг.***

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК

94(47).084

В статье рассматривается юбилейный исторический нарратив о движении декабристов, представленный на страницах научных журналов 1920-х гг. Анализ тематики исследований и характера научных дискуссий позволил увидеть, что историки обращались ко многим неизученным сюжетам, но противопоставить дореволюционным «легендам» новую стройную концепцию декабризма не смогли. На формирование исторического нарратива накладывало отпечаток сосуществование разных поколений ученых. Историки-марксисты, вооружившись идеологически правильной «схемой Покровского», изучали Южное общество, Общество соединенных славян и восстание Черниговского полка, а «буржуазные» исследователи, не отошедшие от «либеральных концепций», по-прежнему фокусировали внимание на изучении Северного общества и восстания 14 декабря.

The article examines the anniversary historical narrative about the Decembrist revolt, presented on the pages of the scientific journals of the 1920s. An analysis of the topics of research and the nature of scientific discussions made it possible to see that historians turned to many unstudied subjects, but were unable to contrast the pre-revolutionary “legends” with a new coherent concept of Decembrism. The formation of the historical narrative was influenced by the coexistence of different generations of scientists. Marxist historians supported the ideologically correct theory of Pokrovsky, studied the Southern Society, the Society of the United Slavs and Chernigov Regiment revolt, and “bourgeois” researchers, who did not move away from “liberal concepts”, continued to focus on studying the Northern Society and the revolt on December 14th.

Ключевые слова: декабристы; восстание декабристов; 14 декабря 1825 г.; юбилей; исторический нарратив; коммеморативные практики; историческая память.

Key words: Decembrists; Decembrist Revolt; 14 December 1825; anniversary; historical narrative; commemorative practice; historical memory.

E-mail: plekh@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ №23-18-00303 «Советский исторический нарратив 1920–30-х гг.: содержание, акторы и механизмы конструирования», <https://rscf.ru/project/23-18-00303/>.

*Помнишь ли ты нас, Русь святая, наша мать,
Иль тебе, родимая, не велят и вспоминать?*

Ф. Ф. Вадковский. Желания [62, с. 318]

Восстание 14 декабря 1825 г. стало одной из наиболее ярких страниц в истории Российской империи первой половины XIX в. С него началась эпоха правления Николая I, что во многом повлияло на оценки его государственной деятельности. Восстание и его последствия не только всколыхнули высшее общество, но и оказали сильнейшее влияние на развитие общественно-политической мысли в стране. Несмотря на то, что тема декабризма во второй четверти XIX в. была под запретом, именно в это время предпринимались первые попытки осмыслить произошедшее, причем не только со стороны репрессированных участников, но и самодержавия. Если ссыльные декабристы в своих мемуарах стремились дать, скорее, философское обоснование своих действий [31; 32; 33; и др.], то верховная власть приложила немало усилий для формирования официальной концепции [12], которая в наиболее завершенном виде была представлена в труде М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» [26]. Написанный по высочайшему повелению текст был тщательно отредактирован Николаем I, однако вышел в свет уже после его смерти, в 1857 г. Его основные идеи перекликались с позицией, изложенной в манифесте, обнародованном в день казни декабристов: 1) малочисленность заговорщиков («горсть молодых безумцев»), не имевших поддержки в массах и среди солдат, которые оказались «жертвами коварного подлога»; 2) «случайность» восстания и несвойственный для «покорной, преданной, богобоязливой, царелюбивой России» преступный замысел против царствующей семьи; 3) бессмысленность мятежа, во главе которого оказались люди, увлеченные чуждыми западными идеями и незнакомые с интересами населения¹. Пожалуй, нельзя не согласиться с М. В. Нечкиной, которая полагала, что эти тезисы должны были не только оправдать действия Николая I, но и «доказать» его «права на российский престол» [37, с. 170].

¹ В манифесте от 13 июля 1826 г. довольно ясно излагалась позиция верховной власти: «Не в свойствах, не во нравах русских был сей умысел. Составленный горстию извергов, он заразил ближайшее их сообщество, сердца развратные и мечтательность дерзновенную; но в десять лет злонамеренных усилий не проник, не мог проникнуть далее. Сердце России для него было и всегда будет неприступно. Не посягнется имя русское изменою престолу и Отечеству... Мы видели при сем самом случае новые опыты приверженности... видели все состояния соединившимися в одной мысли, в одном желании: суда и казни преступникам» [57, с. 109].

В.А.Голике. Портрет великого князя Николая Павловича. 1820-е гг.

Сочинение Корфа оживило интерес к декабристам, вызвав весьма противоречивые отклики. Монархически настроенные круги увидели в нем слишком откровенное изложение событий [15, с.239–284], а оппозиционные – подвергли резкой критике «раболепный» взгляд «николаевского сановника». К примеру, А.И.Герцен и Н.П.Огарев изложили свое отношение к восстанию, опубликовав в 1858 г. за границей совместную работу «14 декабря 1825 и император Николай: по поводу книги барона Корфа» [1, с.65–206]. Мнения разделились даже среди самих декабристов: одни не могли однозначно сформулировать свою позицию, поскольку весьма удивились тому, что власть решилась раскрыть для публики «царственную тайну» (В.И.Штейнгель, Е.П.Оболенский); другие акцентировали внимание на тенденциозности изложения («убийственной раболепной лести»), наличии многочисленных «умолчаний», стремлении «унизить уничтоженных» и исказить действия восставших (И.И.Пуцин, М.И.Муравьев-Апостол и др.) [1, с.41–43].

В последующие десятилетия правительственная «легенда о декабристах» получила развитие в официальной историографии, тогда как либеральная печать воодушевлялась другой «легендой», представленной, в первую очередь, в трудах Герцена. Ни та ни другая концепция не имели документальной опоры, и, несмотря на значительное количество публикаций, даже к 1917 г. ощутимый недостаток фактического материала

ла заполнялся домыслами и общими суждениями. После революции тема декабризма вновь приобрела особую актуальность. В преддверии 100-летнего юбилея исследователи получили доступ к ранее неизвестным документам, позволявшим переосмыслить роль и значение восстания в истории Российского государства.

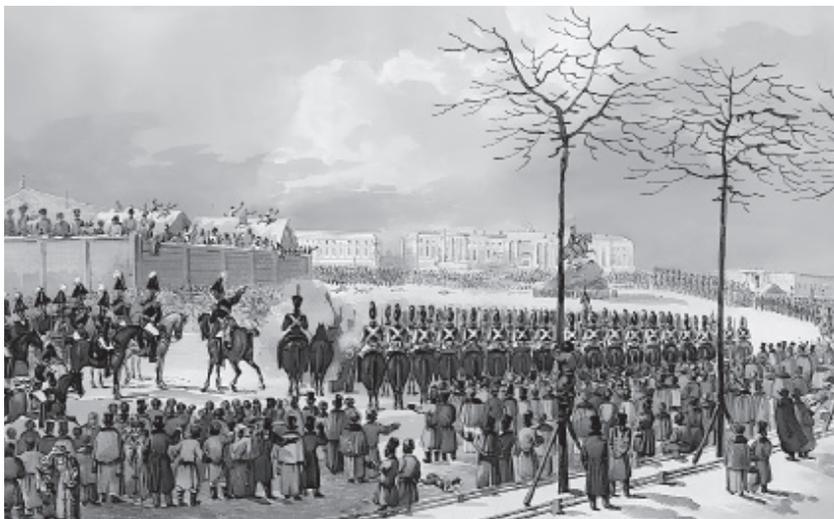
В современной литературе празднование юбилея восстания декабристов обращает на себя внимание историков главным образом в связи с активным изучением коммеморативных практик [4, с. 71–85]². В ходе настоящего исследования предпринимается попытка проанализировать характер дискуссий и специфику юбилейного исторического нарратива, нашедших отражение на страницах научных журналов середины 1920-х гг.: «Былое» (1906–1907, 1917–1926), «Историк-марксист» (1926–1941), «Каторга и ссылка» (1921–1935), «Красный архив» (1922–1941).

«Декабристам надо поставить памятник!»

Кардинальные изменения в политическом строе и общественной жизни России предопределили повышенный интерес к революционной тематике. В новых советских журналах подавляющее большинство публикаций было посвящено истории революционного движения [2; 24; 27; 53; 67], а восстание декабристов стало рассматриваться как его важный этап. Еще до Февральской революции В.И. Ленин в своих трудах и выступлениях заявлял, что это событие сыграло особую роль в «революционном воспитании русского народа». В частности, в январе 1917 г., выступая в Цюрихе на собрании швейцарской рабочей молодежи, он отметил: «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами» [29, с. 315]. Казалось бы, научный интерес к восстанию и «легитимность» празднования его 100-летнего юбилея не должны были вызывать разногласия, но в 1920-е гг. среди исследователей встречались и иные точки зрения.

В конце 1923 г. при Центральном архиве Москвы и при Обществе бывших политических каторжан и ссыльно-поселенцев начали работать специальные комиссии по подготовке празднования юбилея восстания 14 декабря 1825 г., что вызвало любопытную полемику на страницах газет. Так, в газете «Рабочая Москва» председатель Истпарта историк

²Исследователи только приступают к изучению юбилейного исторического нарратива. Так, в статье Д.И.Булдаковой и О.И.Киянской проанализированы газетные публикации, освещавшие 100-летие восстания декабристов [5, с.10–14].

К.И.Кольман. Восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. 1830-е гг.

М. С. Ольминский выразил недовольство деятельностью Общества бывших политкаторжан³, «замыслившего» юбилей декабристов⁴. Он напомнил, кем были декабристы («помещиками дворянами, включая и князей, и графов; кроме того, почти все они были офицерами, вплоть до генералов») и во имя чего вышли на площадь (ведомые «сословными предрассудками и сословными интересами»). Ольминский, полагая, что декабристы «не заслуживают того, чтобы памятью их чествовала революционная Россия», задался вопросом: «Понятно, что "столетний юбилей" объединит всех белогвардейцев, российских и заграничных. Но какое дело до него Обществу бывших каторжан?» [48, с. 319–320].

Однако научное сообщество в целом не поддержало такой взгляд. Так, видный деятель Общества бывших политкаторжан В. Д. Виленский-Сибиряков по поводу публикации Ольминского отметил, что «сто лет тому назад, при господстве крепостного права в России, не могло быть революционеров, стоящих на пролетарской точке зрения», и нельзя «ставить в вину декабристам, что они не были коммунистами-больше-

³ Ольминский не решился критиковать деятельность Комиссии Центрархива, появившейся раньше и возглавляемой М. Н. Покровским.

⁴ В Комиссию вошли А. В. Якимова, И. А. Теодорович, А. К. Кузнецов, М. М. Чернавский, В. А. Плесков, И. Н. Бороздин, Б. П. Козьмин и др. Цель ее работы заключалась в сборе и публикации материалов, освещавших жизнь и быт декабристов на каторге и в ссылке. Подробнее см.: [42, с. 300–301].

виками»: «Они были только буржуазными революционерами, и другими быть не могли... В ту эпоху, в порядке исторического дня стояла замена крепостнического строя строем буржуазным, который в свою очередь создал почву для подготовки строя социалистического» [48, с. 321]. Также Виленский-Сибиряков подчеркнул, что для «бывших политических каторжан это столетний юбилей массовой политической каторги, а затем и политической ссылки», и упрекнул Ольминского в «выдергивании» отдельных фраз из показаний «того или иного из декабристов»: «Из этого делать выводы и обобщения – это далеко не надежный метод для понимания исторического значения декабрьского восстания 1825 г. При помощи подобного метода можно поставить под сомнение все, что угодно» [48, с. 320–321].

«Наметить общие контуры явления, называемого восстанием декабристов»

В 1920-е гг. историография декабристского движения пополнилась большим количеством публикаций и к 1930 г. насчитывала уже более 5 тыс. библиографических единиц [6], из них не менее 650 вошло в свет в рамках празднования юбилея [39, с. 238]. Основным лейтмотивом исторического нарратива выступала борьба с «легендами» о декабристах, в первую очередь с той, которую культивировала верховная власть. В этом сходились и представители «старой школы», и молодые советские историки, однако пути достижения цели они видели по-разному. Первые считали главной задачей «восстановление» достоверной и полной картины событий, что оказалось затруднительно даже в отношении восстания на Сенатской площади. В частности, А. Е. Пресняков отмечал, что эти трудности произрастают «не от недостатка, а, напротив, от большого обилия свидетельств, которые во многих подробностях расходятся и противоречат друг другу» [50, с. 149]. В свою очередь, историки-марксисты полагали, что нужно «найти декабристам место, законное и обеспеченное, в развитии русской революционной идеологии», но для этого недостаточна «фактическая база» [47, с. V]. Следовательно, требуется сосредоточить усилия на публикации архивных материалов.

Общество бывших политкаторжан, знакомившее читателей «Каторги и ссылки» с деятельностью своей Комиссии по подготовке празднования юбилея, попыталось сформулировать задачи, которые стояли перед редакторами журнала при отборе публикуемого материала: в «статьях нашего издания будет рассмотрен вопрос о классовом составе заговорщиков, о взаимоотношениях между различными группами среди них

самих, а также между ними и другими слоями восставших масс, будут выяснены причины и условия возникновения движения декабристов, будут вскрыты истинные намерения и стремления руководителей и участников этого движения, будут обрисованы приемы и способы, которыми они хотели добиться своих основных целей, будут освещены причины неудачи, как всего заговора, так и устроенных декабристами восстаний. Наконец, будут отмечены последствия заговора и влияние декабрьских восстаний 1825 года на все последующее освободительное движение в России» [23, с. 178]. Иными словами, Общество политкаторжан наметило широкую исследовательскую программу, в итоге реализации которой требовалось получить не только ответы на поставленные вопросы, но и цельную концепцию декабризма, способную удовлетворить запросы молодой советской науки.

В.Ф.Тимм. Восстание 14 декабря 1825 года. 1853 г.

Однако содержание номеров «Каторги и ссылки» и других периодических изданий (как и в целом юбилейной литературы) показывает, что достичь этой цели не удалось. Богатое документальное наследие, хранившееся в царских архивах, позволило опубликовать весомый комплекс ценных материалов, раскрывавших не только собственно деятельность тайных обществ и организацию восстания, но и многие другие сюжеты. Что же касается исследовательских статей, то их на страницах журна-

лов оказалось совсем немного. Большая часть авторов сосредоточилась на рассмотрении частных вопросов, не пытаясь представить общий взгляд и вписать свои выводы в «новую» историю декабризма, а те, кто все же решился на обобщения, не смогли отойти от «старых» концепций.

«Розыски материалов о восстании декабристов»

Задача по обнаружению документов решалась вполне успешно.

В научном сообществе публикация источников, в первую очередь материалов суда и следствия, признавалась главным вкладом юбилейной литературы в разработку темы декабризма. Речь идет не только о крупных изданиях, подготовленных Центрархивом и Обществом бывших политкаторжан, но и о материалах, представленных на страницах исторических журналов, таких как «Былое», «Каторга и ссылка» и «Красный архив».

В научном сообществе публикация источников, в первую очередь ма-

териалов суда и следствия, признавалась главным вкладом юбилейной литературы в разработку темы декабризма. Речь идет не только о крупных изданиях, подготовленных Центрархивом и Обществом бывших политкаторжан, но и о материалах, представленных на страницах исторических журналов, таких как «Былое», «Каторга и ссылка» и «Красный архив».

Опубликованные в периодических изданиях документы, которые, по замыслу издателей, должны были углубить представления об истинных намерениях участников движения, оказались разнообразны и по типу, и по содержанию. Письма, записки, воспоминания декабристов и лиц из их окружения в основном содержали биографические подробности, в том числе касающиеся материального положения, взаимоотношений с родственниками и проч. [11; 17; 18; 22; 35; 44; 62; 63; 64; и др.]. С точки зрения мифотворчества, более интересными выглядят обнаруженные источники, запечатлевшие многочисленные слухи, «бродившие» по империи после восстания [19, с.252–260]. Особое внимание следует обратить на отрывки из дневника владимирского семинариста, опубликованные в журнале «Былое». Они позволяют судить не только о том, какие «новости» получали в провинции, но и о скорости их распространения. Так, в записи от 8 января 1826 г. семинарист отметил, что из Петербурга пришли вести о «бунте по случаю вступления на престол императора Николая Павловича». Уже 11 января автор конкретизировал эту запись, добавив, что бунтовщики принадлежали к «масонской секте» и возглавлял их «какой-то князь Вяземский», помогали «два московские полка, да батальон морского экипажа», а главной целью являлась «всеобщая революция». Запись от 20 февраля сопровождалась пометкой «известия, новости, слухи, догадки», и в ней сообщались уже «детали» бунта: «много погибло тогда невинных вкупе с виновными» (описывался случай, когда девушке, «которая сидела у себя в доме, оторвало ноги»), австрийский император участвовал в заговоре против Александра I и помогал

бунтовщикам, за что «они обещали ему на год Россию в подданство», «при параде среди С.-Петербурга расстреливали пятерых из бунтовщиков» (названы фамилии троих – Бестужев, Рылеев и Трубецкой). 7 марта, также с припиской «известия и слухи», отмечено, что в Петербурге «расстреляли из пушек еще несколько злоумышленников. Графиню Орлову, которая вышивала гербы для революции, высекли плетьюми» [58, с. 75–77]. В предисловии к публикуемому дневнику М. Шкапская справедливо указала, что семинарист не глуп. Сделанные им записи свидетельствуют, что он регулярно читал «Московские ведомости», знал фамилии многих сановников (к примеру, рассуждал о судьбе Милорадовича, с восхищением отзываясь о прославленном генерале), однако же в достоверности слухов почти не сомневался.

Для изучения процесса конструирования исторических мифов весьма любопытны документы, раскрывавшие действия Николая Павловича во время и после восстания. В «Красном архиве» были опубликованы выдержки из записок императора 1831 г., касающиеся событий ночи с 14 на 15 декабря и допросов декабристов. Советские исследователи понимали, что именно этот источник лег в основу «официальной» истории воцарения Николая I, но в то же время находили в нем доказательства «моральной» победы заговорщиков: «В моральном единоборстве с допрашиваемыми декабристами Николай нередко оказывался побежденным, и эту неприятную правду не могла закрыть ни от него самого, ни от других никакая ретушь, как бы густо ни накладывал ее в своем рассказе царственный мемуарист». Публикуемые отрывки должны были раскрыть «подлинный характер николаевского расследования», развенчать миф о великодушии самодержца: «"Собственноручные записки" сами достаточно выразительно изображают, как быстро соскакивала с него всякая игра в благородство, как сбивался он с тона и впадал в бешеную ярость, лишь только встречал со стороны своих "пленников" дух независимости, сознание собственного достоинства и верность данному слову, как не прочь он был свести при случае личные счеты, как мало останавливался его следовательский азарт даже перед явной болезнью и физическими страданиями его жертвы» [20, с. 223].

Доказательством мстительности и злопамятности должен был служить и отрывок из дневника академика А. В. Никитенко. Этот источник был хорошо известен историкам, однако в его дореволюционных изданиях находилось много цензурных пропусков, среди которых сюжет о декабристе В. С. Норове, характеризующий императора не с лучшей стороны [10, с. 87–89]. Судя по записям Никитенко, суровое наказание Норову,

А.И.Ладюрнер. Приход к Зимнему дворцу 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка 14 декабря 1825. 1852 г.

не участвовавшему в восстании, но знавшему многих его участников, являлось не более чем расплатой за «столкновение с великим князем Николаем Павловичем», имевшее место в начале 1820-х гг.

Согласно официальной «легенде», Николай I был милосерден и «отклонил от себя всякий приговор по делу пяти первых осужденных декабристов, поставленных верховным судом вне разрядов», следовательно, «казнь их – дело не его, а судей». Однако советские историки придерживались иного мнения, которое довольно ясно сформулировал Б.Е. Сырочковский: «Разгром декабристов на Сенатской площади, их аресты и допросы, следствие и суд над ними и самую их казнь Николай I, как известно, сделал своим личным делом, и дело это он вел твердо и без колебаний к тому концу, который для него был предreshен в первые же мгновения после победы еще в ночь с 14 на 15 декабря, – к казни суровой и беспощадной, которая должна быть возмездием для "убийц" и примером для других» [41, с. 174]. Публикуемые в журналах документы подтверждали эту точку зрения. К примеру, обнародованные в «Красном архиве» письма императора, написанные в дни казни декабристов, свидетельствовали о том, что он не только стремился поскорее «расправиться» с руководителями восстания, но и занимался «разработкой в подробностях самого обряда казни и наряда войск к ее исполнению» [41, с. 175–176].

Еще одним «доказательством» несостоятельности царской «легенды» являлись обнаруженные заметки Н. К. Шильдера, сделанные на полях упомянутой книги Корфа, из которых следует, что даже один из главных дореволюционных историографов был невысокого мнения об императоре и его распоряжениях во время восстания на Сенатской площади [14, с. 148–153]. В частности, многие действия Николая I историк объяснял трусостью, отчасти – лукавством и находчивостью. Отметил, что «все его ненавидели», из-за чего был подозрителен, недоверчив и установил «полицейский» режим, и вообще «всю жизнь только и требовал формы». По мнению Шильдера, император в полной мере осознавал, что отдал приказ «стрелять в невинных солдат», а относительно тех, кто побежал «вдоль Крюкова канала», уточнил, что стреляли еще и «в тыл». Рассказ о «великодушном прощении» солдат прокомментировал так: «Прощены, т. е. сосланы на Кавказ». Историк акцентировал внимание на многих сюжетах, представленных Корфом в искаженном виде, отметил и случаи откровенного «вранья». Кроме того, он явно сомневался в истинности утверждения, что восстание – дело рук «горсти молодых безумцев».

Среди архивных материалов сохранилось немало документов, отражающих проправительственный взгляд, и в 1920-е гг. они также допускались к печати, что вовсе не следует воспринимать как стремление к плюрализму. Подобного рода свидетельства служили, скорее, доказательством слепого раболепия, что было свойственно, в первую очередь, чиновникам разного ранга. Так, в «Красном архиве» представлен рассказ о 14 декабря И. Я. Телешова, в 1825 г. служившего в Министерстве финансов. Из этого рассказа следует, что, находясь на площади, Николай I проявлял себя как милостивый и добрый государь, отдававший «свои распоряжения с видом печальным, но с твердостью необыкновенною», тогда как окружавшая его свита «была в чрезвычайном смущении...», все «движения» придворных «выражали не только скорбь, но даже отчаяние», а их «наружный вид» искусно и проворно менялся «по обстоятельствам» [54, с. 286–287].

Весьма чувствительными для истории декабризма являлись показания отдельных участников движения, стремившихся всеми силами оправдать себя. К примеру, Н. И. Тургенев, во время восстания находившийся в Англии, имел прекрасную возможность «бросить в лицо Николаю всю правду, стать адвокатом дела замученных в царских тайниках товарищей перед лицом всего цивилизованного мира» [47, с. VII]. Но вместо этого он направил императору «позорно коленапреклонную» оправдательную записку, в которой не только отрекался от участия в загово-

ре, но и пытался доказать «ничтожность» тайных обществ [16, с. 68–70]. Не менее показательным поведением генерал-майора М. Ф. Орлова. Находясь под арестом, он изъявил желание оказать любое содействие в разоблачении виновных. «У меня и мысли нет щадить кого бы то ни было, даже самого себя, и я даю честное слово написать обо всем, что сохранилось в моей памяти», – заявлял Орлов в записке от 2 января 1826 г., адресованной генерал-адъютанту В. В. Левашову [30, с. 168].

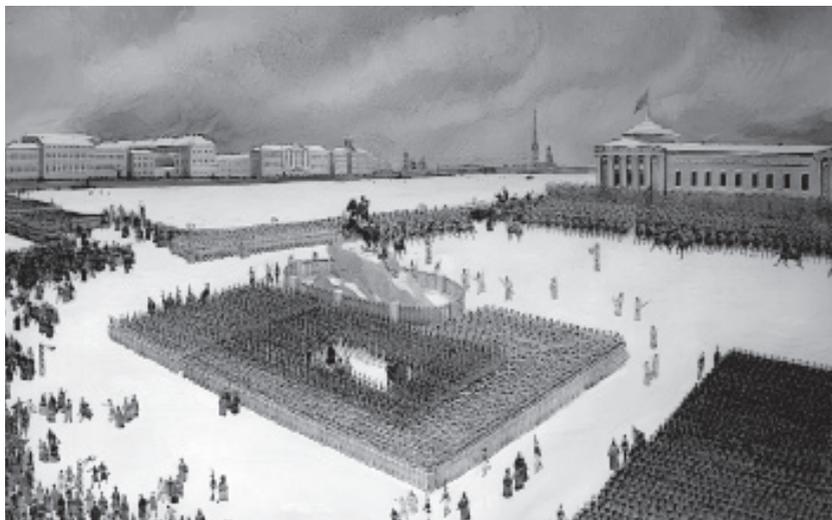
«Новой концепции декабризма юбилей не выдвинул»

Как уже отмечалось выше, юбилейная литература не смогла противопоставить дореволюционным легендам «новую концепцию», лишенную «многочисленных пробелов» и очевидных для советских историков «ошибок». Для научного сообщества такой итог оказался вполне ожидаемым. Так, по мнению Нечкиной, «бедность монографической разработки декабризма» была напрямую связана с «документальной неосведомленностью», а вновь опубликованные в юбилейных изданиях документы и вовсе привели к тому, что не осталось «ни одного труда о декабристах до юбилея, который... не устарел бы всецело или отчасти» [39, с. 238, 242]. В качестве заслуживающего уважения достижения историк представила широкое признание «схемы М. Н. Покровского»: «Все популярные брошюры и основная масса специальных статей, вышедших к юбилею, взяли ее за основу своего изложения». В «Обзоре юбилейной литературы» Нечкина подчеркивала, что «Покровский был первым ученым, давшим анализ классового существа декабристов... Он первый изучил их экономические корни, указал и раскрасил "легенду о декабристах", сложившуюся в прошлом веке и не умершую ныне. Им была разбита обычная схема движения декабристов, в центре которой было Северное общество и день 14 декабря на Сенатской площади, и выдвинута новая, в которой главное место занимают Южное общество с П. Пестелем, Соединенные славяне и восстание Черниговского полка» [39, с. 246]. Правда, ясно сформулировать позицию маститого ученого Нечкина так и не смогла, ограничившись лишь отдельными цитатами из разных публикаций, что неудивительно. В 1939 г. историки, критиковавшие Покровского за «извращенное» толкование исторических фактов, вполне справедливо указывали на многочисленные противоречивые высказывания о характере движения декабристов: в публикациях 1920-х гг. он то называл их революционерами, то вообще отрицал революционность движения [9, с. 27–28], не говоря уже о том,

что в 1907 г. рассматривал их как чуждую буржуазным идеям «кучку дворян», попытавшуюся совершить «последний дворцовый переворот» [28, с. 101, 102, 112]. Не умаляя его заслуг по публикации документально-го материала, следует отметить, что к юбилею из-под его пера не вышло ни одной крупной работы о декабристах. Результаты научных изысканий Покровского хорошо иллюстрирует сборник его статей, появившийся в 1927 г., где собраны несколько газетных заметок и предисловия к вышедшим под его редакцией изданиям [46].

Между тем в периодике середины 1920-х гг. был представлен ряд статей обобщающего характера. В первую очередь, необходимо выделить юбилейные публикации Преснякова [51; 52], на которые довольно резко отреагировал редактор журнала «Историк-марксист» А. В. Шестаков, отметив, что в них «любопытный читатель не найдет ничего нового, кроме старой трюхи о столкновении "самодержавной власти с новой нарождающейся русской общественностью", об "отчуждении правительственной власти от всех насущных общественных интересов – материальных и культурных" и т. п.». Он упрекал Преснякова в «кадетизме», которым веяло «от фраз: "разделение трона от народа" как причины декабризма, объяснение этого движения "разорением страны" после наполеоновских войн и пр.» [66, с. 305]. По всей видимости, такое отношение к творчеству историка «старой» школы разделяли не все ученые-марксисты. К примеру, Нечкина, хотя и поддерживала мнение, что его труды «по существу нового не дают», но в целом отзывалась о них положительно [39, с. 243]. В то же время при ближайшем рассмотрении критика выглядит вполне оправданной. Во-первых, Пресняков пренебрегал научным цитированием и не привел ни одной ссылки на документальные материалы, что не позволяло читателю увидеть круг источников, на котором базировалось его исследование. Во-вторых, в своем повествовании он придерживался публицистического стиля, воспроизводя многие ошибки и домыслы, не имевшие научного обоснования. В-третьих, его умозаключения в целом дублировали тезисы распространенных до революции «легенд» о декабристах, причем почерпнутые из разных источников, что привело к противоречивости его суждений. Так, статью «Восстание декабристов» он начинал с того, что называл восстание декабристов «первым опытом революции в России», а далее уже рассуждал о «военном заговоре», «офицерском перевороте», подчеркивая отсутствие сплоченности в среде заговорщиков [51, с. 3–27].

Следует также обратить внимание на опыт осмысления восстания декабристов, предпринятый Е. В. Сказиным, который хотя и не относился

А.А.Тронь. Морской гвардейский экипаж на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. 1983 г.

к историкам «старой» школы, но вполне воспринял идеи дореволюционной историографии. В своей статье он попытался восстановить хронологию событий 14 декабря 1825 г., при этом активно ссылаясь на работы Корфа, Шильдера, С. А. Панчулидзева и др. [59, с.65–86]. Как отметила Нечкина, автор пребывал «во власти либеральной концепции декабризма» и, «несмотря на усилия дать марксистское толкование, ему не удалось связать его [восстание. – О.П.] с эпохой, он ушел в исследование фактических деталей и тактики восстания, своеобразно им понимаемой» [39, с.243]. Обвинения в отсутствии связи с рассматриваемой эпохой выглядели не вполне справедливо, поскольку не только Сказин, но и историки, крепко стоявшие на марксистских позициях, да и сама Нечкина, в своих статьях не демонстрировали стремления «углубиться» в общеисторический контекст, ограничиваясь общими суждениями о развитии революционного движения.

В целом в юбилейной литературе уделялось слишком мало внимания политическому и социально-экономическому развитию России в первой четверти XIX в., что не позволило раскрыть причины и предпосылки декабризма. Отдельные замечания относительно эпохи и личности Николая I можно найти во многих публикациях, и все они, по сути, повторяют тезисы, бытовавшие со времен Герцена. Император, часто именовавшийся Палкиным, характеризовался как «сухой формалист, человек

мелочный, жестокий, недалекий, но чрезвычайно самонадеянный и самолюбивый» [59, с. 66]. Офицеры, дворяне и сановники его хорошо знали, но не любили, а потому видеть на престоле не хотели. Жандарм, стремившийся контролировать все и всех, раскрылся в нем с первых дней воцарения: стал «сыщиком и следователем, настойчиво выслеживающим нити и разветвления тайного общества» [21, с. 241]. При этом отдельные историки считали его одним из сильнейших Романовых, ставя в один ряд с Петром I, полагая, что и сам он был в этом искренне убежден [3, с. 138]. При оценке итогов правления всецело разделялось мнение, что «смерть Николая I вызвала вздох облегчения даже в тех кругах общества, которые были, казалось, преданы престолу» [34, с. 163].

Новая «схема движения декабристов»

Предложенная Покровским «схема движения декабристов» требовала особого внимания исследователей к событиям, происходившим

на юге страны, однако на этот призыв откликнулись немногие. Не считая публикаций, касавшихся отдельных эпизодов и личностей [7; 43; 49; 65], в этом направлении определенный вклад удалось внести Нечкиной, представившей сразу две статьи: «Восстание Черниговского полка» и «Общество соединенных славян». И тот и другой материал вызвал живой интерес в научном сообществе, что неудивительно – автор пришла к «революционным» выводам.

Во-первых, в ходе своего исследования она попыталась опровергнуть представление о декабристах как исключительно дворянском явлении. В связи с этим занялась поиском «революционеров-разночинцев» в Обществе соединенных славян [38, с. 154]. Она утверждала, что в движении декабристов это была совершенно самостоятельная «демократическая струя»: «Общество соединенных славян... резко отлично и по тактике, и по революционным планам и, наконец, по социальному составу от массы других декабристов. Оно выступило на революционное поприще как самостоятельная единица, не утратило основных черт своей физиономии и после слияния с Южным обществом и кончило свою революционную историю заговором в Зерентуйском руднике. Славяне организовали восстание Черниговского полка и вынесли огромную долю его тяжести на своих плечах. Им первым во всей революционной истории принадлежит мысль о революции народной. Они – первая организация, планомерно занимавшаяся пропагандой среди солдат и видевшая в солдате не пушечное мясо, хотя бы революционное, а со-

знательного участника революции, товарища-единомышленника. Пусть славяне все же революционеры, не нашедшие массы, – они хотели найти ее, они ее искали, и в этом их огромная заслуга. Они не понимали в революции нерешительности, постепенности, половинчатости. Они хотели действовать сразу, одним ударом» [38, с. 174].

Во-вторых, слияние Южного общества с Обществом соединенных славян, по мнению автора, не привело к полному поглощению последнего, что ярко проявилось во внутренней борьбе славян и С.И.Муравьева-Апостола в ходе восстания Черниговского полка. Доказывая решающую роль офицеров-славян, Нечкина, с одной стороны, вооружилась ранее неизвестными архивными материалами, но с другой – подкрепляла свои суждения выдернутыми из контекста фразами, якобы свидетельствовавшими об ошибках и нерешительности Муравьева-Апостола, размышляла по поводу того, как бы могло развиваться восстание, если бы руководитель поддержал «смелые планы» революционеров [36, с. 87–112]. Иными словами, историк явно преувеличивала значение Общества соединенных славян и идеализировала его членов. Все это было далеко от объективности, но вполне соответствовало «схеме Покровского».

Т.Г.Назаренко. Декабристы. Восстание Черниговского полка. 1978 г.

В рамках юбилейной литературы молодые историки-марксисты выдвигали и другие оригинальные концепции, среди которых особое внимание критиков привлекла статья Н.Л.Рубинштейна. В ней отрицалось наличие в начале XIX в. торгового капитала в городах и обосновывалось

существование «крестьянского капитализма», лежавшего в основе социальных противоречий между феодальным дворянством и нарождавшимся промышленным капиталом в деревне [56, с. 9–34]. Автор полагал, что декабристы отражали интересы этой «сельской буржуазии», растворенной в крестьянской массе и не способной сплотиться для борьбы за власть. Именно поэтому и восстание декабристов оказалось обреченным на неуспех в борьбе с крепостным хозяйством и его государственной организацией. Несмотря на столь смелые и слабо аргументированные утверждения, считается, что эта статья принесла ученому успех.

Наиболее резко на работу Рубинштейна отреагировал Шестаков: «С автором можно спорить, тем более что его аргументация страдает смешением традиционных для марксиста терминов, путаницей в анализе хозяйственных форм... Так, у него "феодальная реакция XVIII века" увлекается сельским хозяйством и агрономией, заботясь об усилении продукции своего помещного хозяйства в целях выгодного сбыта хлеба на основе монополии, вытеснения купца из торгового оборота и т. д. Типичная форма дворянского торгового капитала автором подменяется "феодальной" организацией хозяйства. Получается изрядная путаница. И такого рода методологическими "невязками" переполнена вся статья, претендующая дать новое освещение той экономической базы, на которой развернулось движение "декабристов"» [66, с. 304–305]. В свою очередь, Нечкина относительно новой теории хотя и высказалась, что автор представил «маловероятные домыслы», изложенные «аподиктически, с недостаточным аппаратом доказательств», но вступить в полемику не стала, «ожидая более подробного изложения его мыслей для возможности их последовательной критики», да и в целом посчитала изложенное в статье лишь «некоторым отклонением, частичным расхождением» со «схемой Покровского» [39, с. 243, 246]. Возможно, такое лояльное отношение связано с тем, что Рубинштейн успел зарекомендовать себя как настоящий приверженец взглядов Покровского. Еще в 1924 г. он опубликовал статью, в которой воспевал научные достижения «выдающегося историка», указывая на то, что в его лице «русская историческая наука едва ли не впервые стала устанавливать тенденцию исторического процесса» [55, с. 209].

Весьма своеобразную трактовку «схема Покровского» получила в украинской юбилейной литературе. Осознание того, что главные события в истории декабристов происходили на юге, истинными революционерами являлись члены Южного общества и Общества соединенных славян, а самым крупным стало восстание Черниговского полка,

всколыхнуло украинскую науку, в первую очередь националистически настроенные круги. Такие видные исследователи, как М. С. Грушевский, Д. И. Багалей, С. А. Ефремов и др., задались вопросом: «Украинские декабристы или декабристы на Украине?» Результатом их научных изысканий стала «концепция южного декабризма»: «украинские декабристы», политическая идеология которых базировалась на идее национального возрождения, являли собой пример борцов за независимую Украину. Стремление украинизировать декабристов привлекло внимание Нечкиной, представившей в «Историке-марксизме» обстоятельный разбор новой теории. Она отметила, что украинские историки воспользовались неразработанностью вопроса о Южном обществе в литературе: «Самая яркая и наименее исследованная страница декабризма оказалась своей, украинской, прямо-таки краеведческой... На всем украинском юбилее – печать украинской гордости, что есть-де украинские декабристы» [40, с. 187]. Проанализировав украинские юбилейные публикации, историк обнаружила домыслы, не имевшие документального подтверждения, случаи замалчивания одних и преувеличения других фактов, и пришла к выводу, что «новая общая концепция южного декабризма необоснованна и в существе неправильна» [40, с. 189].

«Индивидуалистическая замкнутость и отсутствие согласованности»

Появление специальных комиссий по подготовке празднования 100-летия восстания декабристов вовсе не означало, что юбилейная кампания стала делом государственной важности. Главная причина этого крылась не в социальном происхождении и политических взглядах декабристов. В декабре 1925 г. праздновался еще один юбилей, более значимый и важный для большевиков и молодого Советского государства – 20-летие революции 1905–1907 гг. Перед организаторами мероприятий стояла сложная задача – требовалось «мирно» размежевать юбилей, и историческое сообщество должно было оказывать активное содействие в достижении этой цели. В частности, «декабристские» комиссии не планировали ограничивать свою деятельность только изданием документов и результатов научных исследований. Они достигли соглашения с Литературно-художественной комиссией, изъявили готовность участвовать в организации театральных постановок, выставок, публичных лекций для широких масс трудящихся.

При планировании юбилейных мероприятий предполагалось, что исторический нарратив станет одним из способов конструирования

и трансляции «правильного» образа декабристов, однако сосуществование разных поколений историков обернулось несогласованностью, стихийностью юбилейного творчества. Как справедливо отметила Нечкина, «несмотря на многое ценное, что дал юбилей, в нем видна индивидуалистическая замкнутость нашей научной работы, отсутствие согласованности и общего плана. В большинстве случаев налицо обособленность исследователя от популяризатора» [39, с. 250]. Это не означало, что историки не откликнулись на призыв «нести знание в массы». Издавалось довольно много популярных брошюр, но почти все они подверглись жесткой критике. Авторам ставили в упрек то, что они отражали состояние предшествовавшей историографии: «Все новые издания источников, документов и весь статейно-монографический материал прошел мимо них» [39, с. 247]. В критических обзорах литературы звучали обвинения в непонимании потребностей целевой аудитории, искажении фактов и неверном освещении событий, а те из авторов, которые пытались популяризовать «идеологически» верную историю декабристов, как оказалось, испытывали трудности с доступным изложением материала [8; 39, с. 247–248; 60; 61].

Определенные результаты были достигнуты в организации юбилейных мероприятий и постановок, большая часть которых пришлось на декабрь 1925 г. Так, в Государственном академическом театре оперы и балета на вечере, посвященном памяти декабристов, были представлены два фрагмента оперы «Декабристы» Ю. А. Шапорина (работа над ней продолжалась до 1953 г.), в Большом театре впервые была поставлена опера «Декабристы» В. А. Золотарева. Успехом пользовалась пьеса молодого драматурга Н. А. Венкстерн «В 1825 году», премьера которой состоялась 27 декабря 1925 г. на сцене МХАТ-2. Автора хотя и упрекали в «отсутствии выявления социальных корней» трагедии декабристов, но признавали, что пьеса дает зрителю «конкретный материал, вполне правдивый и художественно-проработанный» [13, с. 69]. В Музее Революции открылась выставка по истории восстания декабристов, на которой экспонировались предметы, предоставленные Центрархивом, Эрмитажем и др. учреждениями, а также вещи, принадлежавшие семьям декабристов.

Со значительными трудностями пришлось столкнуться в ходе клубной культурно-просветительской работы, что, во-первых, было связано с недостатком литературы, которая выходила в свет несвоевременно, с большим опозданием. Даже к ноябрю 1925 г. список рекомендуемых

В.П.Псарев. Декабристы. 1981 г.

публикаций едва ли насчитывал 20 библиографических единиц⁵, среди которых половина появилась до начала юбилейной кампании. Практических пособий вовсе не имелось, и работники клубов, руководствуясь лишь общими наставлениями, самостоятельно осуществляли поиск необходимой информации и разрабатывали сценарии представлений. Во-вторых, требовалось не просто провести мероприятия, но также донести до публики, зачем вообще празднуется юбилей. В журнале «Советское искусство» С.И.Корев, описывая возможные формы художественной работы, подчеркнул, что «еще не так давно был весьма спорным вопрос – отмечать ли вообще столетие декабристов, и если этот вопрос возникал у наиболее видных представителей нашего рабочего класса и партии, то совершенно естественно, если он возникнет у членов клуба. И вот, объяснить рабочей массе, почему мы все-таки этот юбилей празднуем, с одной стороны, и провести линию через отделяющее нас от декабристов столетие, связать вспышку 1825 г. с нашими современными достижениями и задачами, с другой сторо-

⁵ В ноябрьском номере «Советского искусства» был представлен список изданий, рекомендованных для художественной клубной работы, насчитывавший 14 единиц: популярные брошюры, сборники стихов, хрестоматии, биографические очерки, воспоминания и т.п.

ны, – вот каково должно быть содержание вступительной части этого вечера»⁶ [25, с.24]. Более того, он считал, что главная задача организаторов заключалась в том, чтобы «обрисовать событие и уяснить значение, а не праздновать и не устраивать торжественных вечеров», поскольку «революционная вспышка 1825 г.» не может быть сопоставима с событиями 1905 г. и не должна их затмевать [25, с.25]. И в данном случае он выражал мнение многих деятелей культуры, не поддерживавших героизацию декабристов.

То, что для рабочих юбилей оказался чуждым, пришлось признать и Покровскому: «Масса населения, в первую голову учащаяся молодежь и рабочие, обратили внимание только на двадцатилетие пятого года; а наша старая интеллигенция занялась декабристами, о которых массы, увы, не вспомнили, хотя ежедневная печать – особенно сообщения о разных "открытиях" из Ленинграда – наводила их на это воспоминание достаточно усердно» [45, с.5].

Итоги юбилейной кампании

В 1920-е гг. в науке еще сосуществовали представители «старой» и «новой» школ, а исторический нарратив отражал относительный плюрализм мнений при рассмотрении восстания декабристов. Глава марксистской исторической школы Покровский призвал к борьбе с дореволюционными «легендами» и обосновал «схему движения декабристов», в центре которой оказались Южное общество, Общество соединенных славян и восстание Черниговского полка. Этой «схемой» вооружились историки-марксисты, тогда как «буржуазные» исследователи, пребывавшие во власти «либеральной концепции», по-прежнему фокусировали внимание на изучении Северного общества и восстания 14 декабря. На страницах научных журналов регулярно появлялись заметки, критиковавшие публикации и тех и других, но острой полемики не наблюдалось.

Одной из главных новаций юбилейного исторического нарратива стала характеристика декабризма как полноценного довольно крупного движения, не ограничивавшегося только подготовкой к восстанию. Рассматривая декабристов как первый этап развития русского революционного движения, историки видели в них революционеров, которые «боролись за новый, более прогрессивный экономический и политический строй». При этом исследователи подчеркивали отсутствие «единой революцион-

⁶ При подготовке художественного материала Корев предлагал ориентироваться на книгу Покровского «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.».

ной идеологии» и указывали на наличие различных взглядов на «революционную тактику» и существование самостоятельных течений, среди которых выделялась «демократическая струя» в лице Общества соединенных славян. Однако выработать определенную позицию по поводу социальной природы движения так и не удалось. Как и не удалось представить «новую» концепцию, лишенную пробелов и ошибок. Более того, советский исторический нарратив «впитал» и развивал многие мифы, имевшие распространение в дореволюционной либеральной печати.

В целом широкую программу исследований, озвученную юбилейными комиссиями, к началу 1926 г. полностью реализовать не смогли. Ученые обратились ко многим неизученным сюжетам, но численность обобщающих работ и публикаций, касавшихся дискуссионных вопросов, оказалась слишком мала. Считалось, что монографической разработке темы декабризма препятствует «документальная неосведомленность», в связи с чем весомым итогом юбилея стало выявление и обнародование большого комплекса архивных материалов. Гораздо хуже обстояло дело с популяризаторской деятельностью. Несмотря на желание наполнить юбилейную кампанию идеологическим содержанием, взаимодействие между историками и популяризаторами науки выстраивалось тяжело. Популярная литература не способствовала формированию «правильного» представления о декабристах и не объясняла значение празднуемого события. Для широких слоев населения оно оказалось в тени другого юбилея – 20-летия революции 1905–1907 гг.

Библиографический список

1. 14 декабря 1825 года и его истолкователи: (Герцен и Огарев против барона Корфа) / отв. ред. Е.Л.Рудницкая. М.: Наука, 1994. 453 с.
2. Алаторцева А.И. Журнал «Историк-марксист», 1926–1941 гг. М.: Наука, 1979. 287 с.
3. Бантке С. Петровская реформа в освещении С.М.Соловьева // Историк-марксист. 1929. №13. С.137–165.
4. Бахтурин В.В. Столетний юбилей восстания декабристов в социокультурном контексте 20-х годов XX века: варианты конструирования исторической памяти // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т.163. Кн.6. С.71–85.
5. Булдакова Д.И., Киянская О.И. Столетие восстания декабристов в советской периодике середины 1920-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. №11 (44). С.9–16.
6. Восстание декабристов. Библиография / сост. Н.М.Ченцов. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. XIX, 792 с.
7. Восстание Черниговского полка в показаниях участников / публ. подгот. Б.Е.Сыроечковский // Красный архив. 1925. Т.13. С.1–67.
8. Гофман Л. Н.М.Дружинин. Кем были декабристы и за что они боролись? // Былое. 1925. №6 (34). С.238–239.
9. Гохберг И. Об антиленинской концепции М.Н.Покровского по вопросу о декабристах // Исторический журнал. 1939. №6. С.22–31.
10. Декабрист В.С.Норов / публ. подгот. С.Шестериков // Былое. 1925. №2 (30). С.87–89.
11. Декабрист Е.П.Оболенский: Письмо к Я.Н.Толстому / публ. подгот. С.Шестериков // Былое. 1925. №1 (29). С.66–69.
12. Донесение Следственной комиссии. [СПб., 1826]. 95 с.
13. Е.Г. «В 1925 году» // Советское искусство. 1926. №1. С.69.
14. Заметки Н.К.Шильдера о восстании 14 декабря и имп. Николае I / публ. подгот. Е.В.Сказин // Каторга и ссылка. 1925. №2 (15). С.148–153.
15. Записка И.П.Липранди «Несколько слов о книге "Восшествие на престол императора Николая I"» // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах: Вып. XIII. М.: Редакция альманаха «Российский архив», 2004. С.239–284.
16. Записка Н.И.Тургенева / публ. подгот. Н.Ф.Бельчиков // Красный архив. 1925. Т.13. С.68–147.
17. Из архива декабриста Василия Львовича Давыдова: Неизданные письма с комментариями Н.К.Пиксанова // Историк-марксист 1926. Т.1. С.175–200.

18. Из архива К.Ф.Рылеева / публ. подгот. Б.Л.Модзалевский, П.Н.Карелин // Былое. 1925. №5 (33). С.28–44.
19. Из далекой старины // Каторга и ссылка. 1925. №8 (21). С.252–260.
20. Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г. / публ. подгот. Б.Е.Сыроечковский // Красный архив. 1924. Т.6. С.222–234.
21. Из переписки Николая I в декабре 1825 года // Красный архив. 1924. Т.5. С.241–247.
22. К истории освобождения крестьян декабристом И.Д.Якушкиным / публ. подгот. Н.Ф.Лавров // Красный архив. 1925. Т.13. С.250–257.
23. К столетнему юбилею декабристов. От Комиссии Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев по празднованию столетнего юбилея восстания декабристов // Каторга и ссылка. 1925. №1 (14). С.178–184.
24. Кантор Р.М. «Каторга и ссылка» за десять лет (1921–1930): Систематически-предметный указатель. М.: [Б. и.], 1931. 107 с.
25. Корев С. Декабрь в клубе // Советское искусство. 1925. №8. С.19–25.
26. Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I-го. СПб.: Тип.2 Отд.С.Е.И.В.К., 1857. XIV, 236 с.
27. Красный архив: исторический журнал. 1922–1941: Аннотированный указатель содержания / сост. Р.Я.Зверев. М.: [Б. и.], 1960. 251 с.
28. Левин К.Н., Покровский М.Н. Декабристы // История России в XIX веке. Т.1: Дореформенная Россия (1800–1840). СПб.: А. и И.Гранат, [1907]. С.67–137.
29. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.30: Июль 1916 – февраль 1917. М.: Издательство политической литературы, 1973. 562 с.
30. М.Ф.Орлов и 14 декабря / публ. подгот. П.С.Попов // Красный архив. 1925. Т.13. С.148–173.
31. Мемуары декабристов / сост. А.С.Немзер. М.: Изд-во «Правда», 1988. 572 с.
32. Мемуары декабристов. Северное общество / сост. В.А.Федоров. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. 400 с.
33. Мемуары декабристов. Южное общество / под ред. И.В.Пороха, В.А.Федорова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. 352 с.
34. Московские настроения в марте 1855 года (по неизданным материалам архива П.А.Кулиша) / публ. подгот. П.И.Рулин // Былое. 1925. №4 (32). С.163–170.
35. Неизданная рукопись декабриста Н.В.Басаргина / публ. подгот. Е.Е.Якушкин // Каторга и ссылка. 1925. №5 (18). С.161–173.
36. Нечкина М.В. Восстание Черниговского полка // Каторга и ссылка. 1925. №8 (21). С.87–112.
37. Нечкина М.В. Декабристы. М.: Наука, 1982. 183 с.
38. Нечкина М.В. Общество соединенных славян: предшественники революционеров-разночинцев среди декабристов (1825–1925 гг.) // Историк-марксист. 1926. №1. С.154–174.

39. Нечкина М.В. Столетие восстания декабристов в юбилейной литературе (1825–1925 гг.) // Историк-марксист. 1926. №2. С.238–250.
40. Нечкина М.В. Украинская юбилейная литература о декабристах // Историк-марксист. 1927. №3. С.187–195.
41. Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов / публ. подгот. Б.Е. Сыроечковский // Красный архив. 1926. Т.4 (17). С.174–181.
42. Обращение комиссии по подготовке празднования юбилея декабристов // Каторга и ссылка. 1924. №1 (8). С.300–301.
43. П.И.Пестель «Конституция Государственный завет» / публ. подгот. С.С.Мильман // Красный архив. 1925. Т.13. С.280–281.
44. Песня декабриста / сообщ. Е.Е. Якушкин // Красный архив. 1925. Т.3 (10). С.319–321.
45. Покровский М.Н. Два вооруженных восстания. 1825–1905 // Под знаменем революции. 1925. №12. С.5–16.
46. Покровский М.Н. Декабристы: Сборник статей. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 94 с.
47. Покровский М.Н. Предисловие // Красный архив. 1925. Т.6 (13). С.V–VIII.
48. Полемика по вопросу о чествовании столетнего юбилея декабристов // Каторга и ссылка. 1924. №2 (9). С.319–322.
49. «Практические начала политической экономии» П.И.Пестеля / публ. подгот. С.С.Мильман // Красный архив. 1925. Т.13. С.174–249.
50. Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года с приложением военно-исторической справки Г.С.Габаева «Гвардия в декабрьские дни 1825 года». М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 226 с.
51. Пресняков А.Е. Восстание декабристов // Былое. 1925. №5 (33). С.3–27.
52. Пресняков А.Е. Тайные общества и общественно-политические воззрения декабристов // Каторга и ссылка. 1925. №8 (21). С.35–64.
53. Пролетарская революция: Систематический и алфавитный указатель 1921–1929 гг. [М.]: Гос. изд-во, 1930. IV, 165 с.
54. Рассказ И.Я.Телешова о 14 декабря 1825 года / публ. подгот. Б.Е.Сыроечковский // Красный архив. 1925. Т.13. С.284–288.
55. Рубинштейн Н.Л. М.Н.Покровский – историк России // Под знаменем марксизма. 1924. №10–11. С.189–209.
56. Рубинштейн Н.Л. Экономическое развитие России в начале XIX в. как основа движения декабристов // Каторга и ссылка. 1925. №8 (21). С.9–34.
57. Саблин В.М. Декабристы и тайные общества в России. М.: Типо-лит. Русского товарищества печатного и издательского дела, 1906. 168 с.
58. Семинарист о событиях 14 декабря / публ. подгот. М.Шкапская // Былое. 1925. №5(33). С.75–78.
59. Сказин Е.В. 14 декабря 1825 г. // Каторга и ссылка. 1925. №8 (33). С.65–86.

60. Сказин Е.В. Ефим Грекулов. Первое вооруженное восстание против царизма (декабристы) // Каторга и ссылка. 1925. №6 (19). С.271–272.
61. Сказин Е.В. Н.Ашукин. Декабристы // Каторга и ссылка. 1925. №4 (17). С.276–277.
62. Стихотворение декабриста / сообщ. Е.Е.Якушкин // Красный архив. 1925. Т.3 (10). С.317–319.
63. Три письма декабриста Петра Борисова / публ. подгот. М.В.Нечкина // Каторга и ссылка. 1926. №6 (27). С.57–64.
64. Три письма Л.Н.Толстого к декабристу П.Н.Свистунову / публ. подгот. Б.Е.Сыроечковский // Красный архив. 1924. Т.6. С.235–242.
65. Троцкий И. Ликвидация Тульчинской управы Южного общества // Былое. 1925. №5 (33). С.47–74.
66. Шестаков А.В. Русские исторические журналы конца 1925 и начала 1926 гг. // Историк-марксист. 1926. №1. С.302–305.
67. Istorik-Marksist, 1926–1941: Cumulative index (author and subject) / by A.S.Powell. Millwood, N.Y.: Kraus International publ., 1981. XII, 404 p.

Любой городок или город
своей атмосферой обязан
людям, которых вы в нем
знаете.

Тибор Фишер

От своего города я требую:
асфальта, канализации
и горячей воды. Что касается
культуры, то культурен я сам.

Карл Краус

Алексей Белов

ВТОРОЙ «СТОЛИЧНЫЙ ГОРОД»:

ФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ МОСКВЫ В ХОДЕ «РЕФОРМЫ ГОРОДА» ЕКАТЕРИНЫ II

УДК

64(47)(035.3)

В ходе проведения административно-территориальной реформы второй половины XVIII в. шел процесс не только создания большого числа городов, но и создания при них инфраструктуры, необходимой для исполнения городами официально приписанных им административных функций (реформа города). Сановники, претворявшие в жизнь эту задачу на местах, повсеместно встречались с большой массой трудностей, необходимостью найти средства и здания. Администраторы постоянно искали компромисс между программными требованиями и имевшимися в их распоряжении возможностями. Тем не менее созданная в то время инфраструктура легла в основу современной системы управления и часто продолжает выполнять эти свои задачи и сегодня. В работе на основании архивных документов проанализирован процесс реализации планов реформы города на примере Москвы.

During the administrative-territorial reform of the second half of the XVIII century, there was a process of not only creating a large number of cities, but also creating with them the infrastructure necessary for the execution of cities assigned to him administrative functions (city reform). Reformers who implemented this task on the ground were everywhere faced with a lot of difficulties. The need to look for funds and buildings. Administrators were constantly looking for a compromise between software requirements and the opportunity at their disposal. However, the infrastructure created at that time formed the basis of a modern management system and often continues to fulfill these tasks today. The work on the basis of archival documents analyzed the process of implementing plans for the reform of the city on the example of Moscow.

Ключевые слова: русский город; дореформенный город; присутственные места; административная реформа Екатерины II; реформа города Екатерины II; функции города.

Key words: Russian city; pre-reform city; public places; administrative reform of Catherine II; reform of the city of Catherine II; functions of the city.

E-mail: belovavhist@mail.ru

Присутственные здания

В ходе административной реформы второй половины XVIII в. для размещения присутствий во многих древних городах России был избран детинец (Зарайск, Великий Новгород и др.). Это согласовывалось с пониманием крепости в качестве традиционного места пребывания власти и несло определенные удобства. Понятно, что аналогичный подход был продемонстрирован и в Москве.

Подготовленный губернским архитектором М.Ф.Казаковым проект возведения в Первопрестольной зданий присутствий был представлен императрице. В 1776 г. она утвердила планы и фасады сооружений и личным указом повелела приступить к их возведению [3, с.207].

Ответственность за строительство в начале 1781 г. нес губернатор Н.П.Архаров. Кроме того, стройка находилась под надзором главнокомандующего в Москве В.М.Долгорукова-Крымского [2, с.67–67об].

В 1776 – начале 1781 гг. в Кремле шло активное строительство. Судя по докладу Кремлевской экспедиции (вторая половина февраля 1781 г.) были осуществлены колоссальные работы, которые щедро финансировались: «отпускается в год сумма денег не малая». Из-за ее размера, а также большого числа задействованных специалистов («разные смотрители, архитекторы и каменной мастер»), подрядчиков и поставщиков даже возникла проблема хранения самого объема присылавшихся из Петербурга денег. На кремлевской стройке их просто было негде держать и некому защищать. Архаров писал: «...людей не имею, так же и места к хранению суммы» [1, с.26об.]. В связи с этим губернатор специально просил императрицу разрешить ему «принимать и хранить» деньги в помещении Кремлевской экспедиции и отдавать их под надзор московских приставов [1, с.26–26об.].

Масштабы строительства объясняются очень просто – Казаков возводил сооружение для органов управления городом, официально исполнявшим роль столицы империи. Поэтому здание должно было соответствовать этому высшему административному и городскому рангу. Императрица, согласная с такой постановкой вопроса, утвердила и проект фасада, но вскоре кардинально изменила свое отношение к кремлевскому сооружению.

К 1781 г. здание в основном было готово, предстояла лишь внешняя и внутренняя отделка. Присутствия уже «собирались заезжать» в подготовленное для них помпезное сооружение, но Екатерина II решила забрать его у властей Москвы и Московской губернии. Своим личным

указом в тот же год она передала кремлевские присутствия высшему общеимперскому органу власти – Сенату [4, с.208, 213].

Это здание существует и сегодня. Более того, помещения и интерьеры, приготовленные для органов Московской губернии, в наши дни хорошо известны во всем мире – в них располагается рабочая резиденция Президента Российской Федерации. Так, на экранах телевизоров часто появляется круглая зала, где проходят официальные части заседаний и международных встреч, хотя изначально она готовилась как место для собраний дворянского общества Московской губернии. Если бы Екатерина Великая не посчитала необходимым переместить в Москву часть Сената, а также выбрать для него весьма удачное «торжественное творение Казакова», сегодня в нем, скорее всего, располагались бы мэрия города Москвы или административные структуры Московской области.

Почему же императрица поступила именно так? Во-первых, Москва оценивалась как столица. Собственно, это было одновременно и причиной, и следствием появления в ней Сената. Подобное заведение должно было располагаться в соответствующем его статусу доме. Кремлевское сооружение Казакова, возводившееся в качестве статусного здания столичного города, подходило как нельзя лучше. Во-вторых, в распоряжении властей Первопрестольной (как увидим далее) не имелось хоть сколь-нибудь не только подходящего, но даже приличного сооружения, в котором мог расположиться имперский Сенат. А на новую стройку ни в городе, ни в России, которая вела тогда изнурительные войны по нескольким направлениям, денег просто не было.

Вместе с Сенатом в кремлевское строение Казакова были переведены «государственные казначейства и архив» [4, с.208, 213]. А в начале XIX в. здесь уже работали Кремлевская экспедиция, Межевая канцелярия, Статное и Остаточное казначейства, Государственный и Вотчинный архивы, Провиантское депо и Аудиторское отделение [15, с.83].

Взаимосвязь проекта присутственных мест Московской губернии и рабочих помещений главы России мало известна как дореволюционным знатокам истории города [15, с.83; 13, с.137–138], так и современным специалистам [14, с.64–65; 10, с.94]. В фундаментальном труде, посвященном Сенату и кремлевской резиденции Президента РФ, об истории этих помещений не говорится ничего. Лишь вскользь упоминается, что эти здания именовались как присутственные места. Но подается это только как старое название без исторического содержания, например: «Сенат строился в период с 1776 по 1787 г. по плану и под надзором Екатерины II "ради прославления державы российской"». Перед Казако-

вым, сообщают авторы, «стояла достаточно сложная задача... построить здание... высочайшего присутственно-чиновного учреждения» [11, с.97]. Исследовавшая архитектуру екатерининской Москвы Н.А.Евсина трактует образ московского Сената тоже исключительно из желания великого архитектора возвести «российский "храм закона" в духе просветительных идеалов времени» [12, с.64]. История с московскими присутствиями сегодня уже забыта полностью.

**Подготовка к передаче
кремлевского здания
присутственных мест Сенату**

В середине февраля 1781 г. московские власти получили приказ провести полную и подробнейшую ревизию строившихся в Кремле зданий

присутственных мест. Указ Сената требовал: «...все заготовленные к оному строению, из ассигнованной особо на производство онаго суммы материалы, как каменные, так и деревянные и железные и словом все, что до сего строения принадлежит, сделать достоверную всему опись. О сумме ж сделать сколько оной с начала сего строения было ассигновано, сколько в котором году и на что именно по принятии из штатов канторы употреблено, сколько имеется налицо, и сколько принять еще следует, из штатс канторы, и наличию оставшую из принятой сумму отдать по той ведомости, при том, сделав реестр заключенным по сему строению о поставке материалов договорами всем производимым делам, как кончанным так и недокончанным, отдать оная по описям же, равно отдать и по сему строению планы и сметы как генеральною так и прочие частные сметы, по которым особливо имеют заготовлятца вновь материалы, а за сим уже экспедиция никакого долгу не имеет в ходе от себя в подряд, и наем рабочих людей для сего строения: а все оное остается и принадлежит до распоряжения вашего превосходительства, отдачу же всего, что до сего строения принадлежит сделать тому, кто от вашего превосходительства приехать будет без промедления времени, дабы в будущее время к начатию работы сего строения с стороны экспедиции не могло последовать остановки» [1, с.29–29об]. С того момента все строительство передавалось «от Экспедиции строения кремлевского дворца» в ведение московского губернатора Архарова [1, с.29об].

В феврале 1782 г. непосредственно процессом возведения Сената руководили 14 человек («бывшая при сем же строении чины»). В их число входил статский советник Борисов, «надзиравший» над стройкой. Он же должен был отвечать за «ведения щетов» при получении и рас-

пределении денег. Чиновник имел свой делопроизводственный аппарат, в котором «состояло пристойное число канцелярских служителей» [1, с. 27–28]. При нем находился и архитектор Казаков. За работы в Кремле, возведение путевого Петровского дворца он получал в год жалованье «600 рублей» [1, с. 27–28]. При архитекторе были «прапорщик Константин Поливанов и Иван Еготов» (250 и 200 руб. соответственно), а также ученики Иван и Александр Пенчи (62 и 48 руб.) и «помощники по договору» Иван Ясныгин и Петр Поливанов (250 и 144 руб.)

Кроме них ведущую позицию на стройке занимал каменный мастер италиец Антон Ламони, получавший в год, как и архитектор, 600 руб. При нем работал каменщик с месячной оплатой в 10 руб. За прием материалов отвечал отставной подпоручик Никита Иваков, получавший в год 126 руб. 38 коп. Там находились еще три прапорщика (по-видимому, надзиравшие за работами) Василей Сивков (126 руб. 38 коп.), Сергей Бибилуров (126 руб. 38 коп.) и Иван Казлов (126 руб. 38 коп.) [1, с. 27об]. Общий размер годовых жалований «чинов» кремлевской стройки (за исключением статского советника господина Борисова) составлял 2779 руб. 52 коп. [1, с. 28].

Несмотря на солидное финансирование, в условиях роста цен на строительные материалы смета увеличивалась. Согласно составленному в середине февраля 1781 г. отчету («Примечание по строению в кремле корпусов для помещения присутственных мест») стоимость кирпича (за 1 тыс. штук) выросла с 5 руб. до 6 руб. 25 коп. Учитывая масштабы здания, эта разница приводила к внушительному удорожанию.

Для преодоления дефицита предложили «все орнаменты снаружи оннаго дому, как то базы, капители, карнизы, и прочие» выполнить не из «хорошевского» (как изначально планировалось по смете) камня, а из более дешевого «белого мячковского или пахорского» [1, с. 30].

Таким же образом решили удешевить оформление самого дорогого помещения – «большого зала для Собрания дворянства». Впрочем, такое стремление могло закончиться трагедией, ведь проектируемые восемь колонн («для поддерживания свода и каменных брантмауров») хотели сделать из «мячковского или пахорского камня». Для безопасности конструкции (которая, естественно, нарушалась) намеревались «свод и стропила под железную крышку зделать деревянные или и совсем внутри колонов не делать, а зделать прямо с стен деревянной купол» [1, с. 30–30об].

В 1782 г. возведение административных зданий в Кремле шло полным ходом [3, с. 67]. Видимо, властям необходимо было закончить их

к «открытию» губернии. С одной стороны, это соответствовало статусу города, принимавшего у себя столичные структуры, с другой – позволяло разгрузить местные губернские ведомства от обширных архивных хранений, доставшихся им в наследство от упраздненных коллегий.

В середине года по смете, «учиненной архитектором Казаковым», было первоначально отпущено 653 545 руб. 73 ½ коп. Деньги выдавались «погодно», и власти к январю 1786 г. сумму «получили всю сполна». Здание уже было «в черне отделано и железом покрыто, на что из вышепоказанной суммы употреблено по ныне 624 471 руб. 82 ¾ коп.». После этой траты «в наличности» от изначально выделенных средств оставалось «290,73 рубли 90 ¾ копеек» [4, с.207].

Из оставшихся не потраченными денег намеревались провести «расплату по контрактам за столярную и лепную работы, за лещеди на полы, и на dokonчание из дикого камня внутренних лестниц». Впрочем, для этого недоставало еще 3 363 руб. 69 коп. Кроме того, на завершение всех работ (согласно смете) не хватало 48 236 руб. 50 коп. Значит, предполагаемая стоимость строительства присутственных мест (Сената) оказалась превышена на 51 606 руб. 19 коп. [4, с.207об.].

Разбираясь в тратах, чиновники пришли к выводу, что было «употреблено в расход»: «1-е. По именному... указу от 25-го мая [1]782 г., коим повелено производить жалованья архитектору с его командою до 5 000 рублей в год, действительно издержано по нынешней [1]786 год 16 133 руб. 94 коп.; 2-е: имеющимся при каменном мастере у присмотру за работными месячными десятиком 2 757 руб. 9 коп.; 3-е: по учиненному от... графа Захара Григорьевича расписанию состоящим при строении московского арсенала разным чинам, которым з суммы по арсеналу ассигнованной на жалованье не доставало, выдано 2 300 руб. 43 ½ коп. 4-е разного материала отпущено, как в Арсенал, так и на построение тверской кордегардии на 3 046 руб.65 коп., всего сверх сметы издержано 24 238 руб.7 ½ коп.; к сему ж должно прибавить и то, что возвышением цен в материалах, а особливо в кирпиче, много послужило к показанному превосходству суммы, по смете положенной; ибо кирпич полагаем был в смете по 5-и рублей, а покупался по 6-и рублей 25-и копеек и по 6-и рублей 50-и копеек; по каковым обстоятельствам ассигнованная по смете сумма на dokonчание того строения достаточно быть не могла» [4, с.207об. –208].

После передачи здания государственным органам было высочайше предписано: осуществить «в сем строении перемены в рассуждении назначиваемого помещения в нем Правительствующего Сената, госу-

дарственных казначейств и Государственного архива» [4, с.213]. Однако на это потребовалось еще до 54 250 руб. В частности, необходимо требовалось установить для перевозимого архива нужное число «шкапов со стеклами и занавесками». За эту работу, а также покраску шкафов (с документами) и закупку для них замков ушло сверх сметы еще 32 тыс. руб. [4, с.210].

В отправленной императрице 28 января 1782 г. составленной Казаковым подробной сметы сверхплановых расходов («Примерная смета на докончание построению в кремле корпуса для присутственных мест сколько вдобавок к прежде учиненной генеральной смете к имеющимся налицо материалам заготовить надлежит и как на заготовление оных, так и на наем работных людей потребно суммы, о том значит ниже сего») сообщалось, что на «докончание строения» требовалось еще 105 850 руб. 19 ¼ коп. [4, с.207об., 209].

Кремлевские здания, спроектированные для присутственных мест Москвы и Московской губернии, а затем переданные общеимперским органам власти, должны были окончательно «отделать» к концу 1790 г. Таким образом, весь процесс создания сооружений занял не менее 14 лет [3, с.33], а потрачено было на их ежегодное «поддержание» (по ценам весны 1790 г.) 5 тыс. руб. [9, с.33об.].

Поиск мест для открываемых присутствий будущей Московской губернии

С начала 1781 г. главы Москвы и губернии активно искали выход из сложившегося положения. Согласно правилам проведения рефор-

мы города, здания присутствий требовалось строить целенаправленно под новые административные учреждения. Именно для них государство выделило особую «строительную сумму». Однако в связи с потерей в Кремле уже готовых присутственных мест рассчитывать на «повторение» столь же удобного и масштабного сооружения не приходилось. Тем более что поджимали сроки «открытия» губернии. Таким образом, необходимо было искать какие-то более или менее подходящие здания для их переоборудования и перевода сюда «временных присутственных мест». К решению этой задачи в феврале 1781 г. приступили главнокомандующий и губернатор [1, с.26].

В письме от 24 февраля Архаров известил Петербург, что под временные присутствия можно забрать помещения из числа принадлежавших ранее патриарху или его ведомству. Правда, сразу же оговорился, что такой вариант может оказаться неудобен, так как потребует вложения

больших дополнительных средств («что ж принадлежит до отыскания патриарших домов, то сверх таво, что станет весьма дорого»). На другие свои предложения он тоже испрашивал разрешения и «подносил» смету работ «во што станет переделка» [1, с.26].

В итоге внимание губернатора привлекли здания Придворной конторы [1, с.26]. В документах сооружения значились как «Запасной дворец, что у Красных ворот» [2, с.126об.]. Таким образом, императрица передавала на нужды городской реформы свою личную резиденцию, хоть и «запасную» (хозяйственную). Ее использование предлагалось в качестве временной меры («на первой случай»). При положительном решении вопроса в распоряжении Архарова оказывался «каменной корпус» [1, с.31], находившийся «поблизости» от дома московской полицмейстерской канцелярии [1, с.31 об.]. Дворцовую канцелярию предполагали «перевести в Лафертовский дворец, что в Немецкой слободе» [1, с.31 об.] (ныне здание Российского государственного военно-исторического архива).

Для размещения присутственных мест в покоях Дворцовой канцелярии каменный корпус предполагали полностью перепланировать. Для этого требовалось разобрать «некоторые пристенки и проломать вновь двери», «приделать деревянные галереи» и даже (как в наше время), «внутри поделав стеклянные переборки». Кроме того, на новых местах необходимо было установить печи. Как оказалось, здание внутри можно было удобно и просто переустроить. Причем все необходимые для этого работы оказались не очень затратными и их, возможно, удалось осуществить «с великою против Санкт-Петербургских присутственных мест выгодою» [1, с.31].

Необходимо было также изыскать место, пригодное для хранения документов архива. Для этого собирались специально «среди онаго дому вновь построить для сухости деревянной невысокой корпус, которой как внутри, так и с наружи обмазать алебастром, полы накатать каменную лещедью, в двери и онны затворы, и в крышу железною» [1, с.31].

Имевшиеся при корпусе две церкви хотели «хотя на время пребывания тут присутственных мест изспразнить» [1, с.31 об.]. Цель при этом была одна – использовать религиозные помещения для расположения в них органов управления губернией.

Власти собирались занять и два каменных (что важно) сооружения: здание расположенной поблизости московской полицмейстерской канцелярии и дом гвардии капитана Демидова, который предполагали выкупить у владельца. Эти помещения планировали переделать для разме-

шения там Губернского и Городового магистрата, Сиротского суда и зала для собрания мещанского общества [1, с.31 об.].

По имеющимся архивным материалам не совсем понятно, в какой степени был реализован проект использования здания у Красных ворот. Скорее всего, его осуществили лишь частично, так как дальнейших упоминаний о функционировании здесь крупных административных структур нет, между тем имеется описание проекта иного расположения московских присутствий. Позже здесь разместилось головное здание Министерство путей сообщения (ныне – Российские железные дороги), под нужды которого до неузнаваемости был перестроен в стиле конструктивизма корпус XVIII столетия.

Здание Запасного дворца, в котором изначально предполагалось разместить присутственные места Москвы. С картины рубежа XVIII–XIX вв. (Ф.Я.Алексеев и ученики «Вид Красных ворот и Запасного дворца»)

5 сентября 1781 г. главнокомандующий в Москве отправил к императрице губернатора Архарова, с которым передал свои соображения о размещении органов Губернского управления и суда. В этот раз приняли решение о возможном использовании следующих зданий: «некоторых партикулярных людей», монетный двор у Воскресенских ворот, Запасной дворец у Красных ворот, «строение у Варварских ворот стоящее»,

где размещались государственные коллегии [2, с. 126об]. Впрочем, на тот момент это здание пребывало в большой ветхости и «по малому пространству» не удовлетворяло заявленным требованиям.

Первый вариант вскоре отпал – владельцы заявили на свои дома «такие дорогие цены», что власти были вынуждены отказаться от их выкупа [2, с. 127], второй и третий – признали наиболее удобными. Вскоре был отдан приказ подготовить планы этих зданий, а также проекты их внутреннего переустройства под нужды присутствий.

Сам Долгоруков-Крымский полагал, что наиболее практичным будет использование для нужд местного управления помещения Монетного двора: «яко удобномогущей вместить все в высочайших учреждениях

Здание ОАО Российские железные дороги – в прошлом здание Запасного дворца. Современный вид с того же ракурса (фото автора)

назначенные судилища. А хотя часть оннаго и занимается ныне государственными казначействами, но оные, будучи в особливом отделении, могут без утеснения там оставаться» [2, с. 127]. Впоследствии именно в них станет работать основная часть органов управления. На этом месте возведут здание Московской городской думы (позже – Центральный музей В.И. Ленина; ныне – одно из зданий Государственного Исторического музея).

В случае нехватки помещений предлагалось расположить часть учреждений «в бывшем патриаршем дворе близ расположенной во оном коллегий экономии или в праздном теперь казенном оберкомендантском доме» [2, с. 127].

В первой половине марта 1782 г. в Москве активно велись работы для «исправления и отделки домов для помещения присутственных мест» [3, с. 13]. Власти торопились. Необходимо было как можно быстрее устроить их в городе, так как «открытие» Московской губернии затягивалось. Как только в апреле прекратились морозы и, как писал главнокомандующий, «началась весенняя погода», рабочие сразу «приступили уже к отделке домов для будущих присутственных мест» [3, с. 25].

Пользуясь летним периодом 1782 г., власти активизировали работы на всех знаковых стройках города. Кроме того, приводили в порядок сам город и, «не пропуская удобного времени», начали ремонт стен Китай-города [3, с. 67]. Находясь без дела, они давно разрушались, придавая центру Москвы неряшливый вид [3, с. 67 об.].

Активное обустройство присутственных мест шло в первую очередь у Воскресенских ворот [3, с. 67], где окончательно решили расположить их основное здание. Одновременно ускоренными темпами завершалось строительство здания Сената в Кремле [3, с. 67].

Расположение присутственных мест в первые годы после «открытия» губернии

В начале февраля 1788 г. московские губернские органы управления и суда так и не получили необходимого для исполнения их обязанностей помещения. Присутственные места продолжали ютиться в выделенных прежде и по случаю домах, которые все без исключения являлись «недостаточными» по своей площади и аварийными по техническому состоянию.

Когда в 1787 г. подняли вопрос о выделении дома для вице-губернатора, подходящего сооружения найти так и не смогли. Все имевшиеся здания оказались «ветхи», а их «возобновление» требовало «не малых денежных сумм». Кроме того, ни одно из административных сооружений не могло быть изъято из работы присутствий, испытывавших острый дефицит в помещениях. Находившаяся в их распоряжении «большая часть» домов все еще была занята «старыми присутственными местами, еще не уничтоженными». Там по-прежнему хранилось «множество дел, оставшихся после упраздненных мест, которые описывались и сдавались в Государственной архив» [7, с. 62].

ВТОРОЙ «СТОЛИЧНЫЙ ГОРОД»

Всего в распоряжении губернских органов власти в 1788 г. было 10 зданий, каждому из которых требовался незамедлительный ремонт [7, с.64].

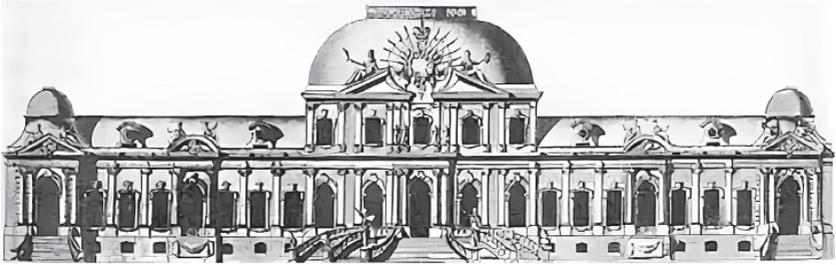
Казенные дома Москвы и их состояние на 10 февраля 1788 г.

№	Местоположение	Занимающие их государственные органы	Требуется на ремонт
В Китай-городе			
1	Между Ильинскими и Варварскими воротами	«Ревизион коллегию, камер коллежским департаментом, баталионною канцелярию, и делами бывших Юстиц коллегии, Судным приказом, Губернской канцелярии и винокуренной экспедиции»	28 020 руб. 94 коп.
2	Близ гостиного двора	Главным магистратом	---
3	Близ посольского двора	Соленой экспедицией	---
4	В Живорыбном ряду	«Прежде ямскою конторою, а ныне съезжим двором»	---
В Белом городе			
5	На Лубянке близ Кузнецкого моста	---	13 386 руб. 45 коп.
6	За Ивановским монастырем	«Иностранною Архивою»	---
7	У Покровских ворот	«Прежде Каменным приказом, а ныне Оружейной палаты и конторою»	---
8	На Тверской улице	«Межевою Канцелярию»	---
В Земляном городе			
9	У Красных ворот	Обер-полицмейстером	---
10	В Немецкой слободе (бывшее здание Сената)	---	18 382 руб. 60 коп.

Составлено А.В.Беловым по: РГАДА. Ф.16. Д.578. Ч.IV. Л.64.

Упомянутое в документах здание Сената относится к т. н. «Сенатскому дому», который был выстроен на территории Немецкой слободы архитектором Д.В. Ухтомским в 1753–1757 гг. [16, с. 170].

Летом 1788 г. некоторые ведомства общегосударственного характера покинули занимаемые ими помещения и переехали в новые кремлевские корпуса [7, с. 178]. Впрочем, скорее всего, туда на первых порах перевозили только архивы – государственные и ликвидированных ведомств. До 14 августа освободился дом у Варварских ворот, в который намеревались перевести Главное народное училище [3, с. 153–153 об]. Впрочем, после ревизии выяснилось, что состояние выбранного здания (как и прочих) удручающее. Еропкин писал императрице 14 августа:

«Сенатский дом» в Немецкой слободе (архитектор Д.В.Ухтомский, 1753–1757 гг.)

«Все они, особливо помянутые два (бывшее здание Сената и Межевая канцелярия. – *А.Б.*) ветхи и без починки не способны к занятию, а починка дороже придет, нежели чего они стоят (здесь и далее текст выделен мной. – *А.Б.*)». В итоге было решено продать здания с публичного торга, а вырученные деньги «отправить в то место, куда благо угодно быть может» [7, с. 154]. Судя по всему, власти оказались правы. Так, на ремонт старого Сената в Немецкой слободе требовалось 18 382 руб. 60 коп. [7, с. 64]. В начале января 1790 г. при продаже его с аукциона было выручено всего 8 380 руб. [7, с. 3об.].

**Источники финансирования:
«особая ежегодная строитель-
ная 20-тысячная сумма»**

В Московской губернии (как и в других регионах России) на возведение инфраструктурных сооружений выделили «особую», «отпускаемую ежегодно строительную сумму в 20 000 руб.» [5, с. 2об., 184об.]. Однако она была смехотворной даже для переустройства «столичной» Москвы, не говоря уже о прочих поселениях губернии, нуждавшихся в собственных административных и иных казенных зданиях. Об этом обстоятельстве писал в Петербург главнокомандующий города Еропкин [5, с. 2об.]. Уже в мае 1787 г. от «строительной суммы» не осталось ничего, «даже для окрашения того дому, в котором губернское правление палаты и другие присутственные места состоят». Еропкин просил императрицу «по недостатку определенной на Москву и губернию двадцати тысячной суммы, строительной называемой» выделить на покраску присутственных мест 792 руб., обещая вернуть их «заимообразно» [5, с. 184об.].

20 октября 1787 г. «особую» сумму «по случаю военных обстоятельств» не выдали [6, с. 30]. Та же ситуация должна была повториться

в 1788 и 1789 гг. [8, с. 75], поэтому главнокомандующий города вновь попросил императрицу выделить деньги – по причине «многочисленности строений» и угрозы «худших последствий» [8, с. 102–102 об.]. В случае отказа он предлагал разрешить ему взять те же деньги из Остаточного казначейства, сообщая, что, «как на многия и различные казенные строения в Москве и губернии состоящие, необходимо нужно иметь денежную сумму ежегодно, без которой могут строения приходить в такую ветхость, что с продолжением времени приключен быть может казне примечательный убыток» [6, с. 30]. В случае же несогласия государыни предоставить всю сумму, Еропкин просил ее оставить «хотя по крайней мере половину» [6, с. 30 об.].

В итоге в 1788–1789 гг. в Петербурге все же учли мнение наместника и «отпустили» ему «строительную сумму» в полном размере [8, с. 75 об.].

**Источники финансирования:
продажа казенной
недвижимости**

В 1788–1789 гг. в продажу поступила вся объявленная не подлежащая ремонту казенная недвижимость.

Решили продать даже старый Гостиный двор, о чем летом 1789 г. [8, с. 61] вышел именной указ Екатерины II. Из вырученной суммы выделялось 10 тыс. руб., которые власти имели право «употребить» на ремонт или покупку новых казенных зданий [8, с. 100].

Реализация этой недвижимости шла полным ходом, но в декабре 1789 г. произошел скандал. «Сверх чаяния» московских властей выяснилось, что у здания, где находился Главный магистрат, которое в мае 1788 г. было выставлено на продажу как казенное, оказался частный собственник. О своих правах на сооружение заявило купеческое общество Москвы. Торговые люди города ссылались на наличие у них купчей (наверняка была), по которой они и приобрели дом 4 марта 1745 г. у «статского советника Исаева жены» за 6 тыс. руб., взятых из общественной суммы. При этом по данным Казенной палаты сооружение являлось государственным [8, с. 121].

Главнокомандующий Москвы Еропкин пытался «приклонить купеческое общество чрез градского главу на уступку того дома казне, есть ли не возможно без денег, по крайней мере, со взятием заплаченной за него при покупке суммы». Однако «купечество не согласилось на то, представляя необходимые в нем для себя надобности» [8, с. 121–121 об.].

Разбираясь в причинах путаницы, генерал-губернатор выяснил, что уже приобретенный московскими купцами дом был записан и в реестре

как казенный. Сделать это мог только один человек – тайный советник Потапов. Будучи президентом «бывшей Ревизии-коллегии», он в период существования «старой» Московской губернии имел «все находящееся здесь присутственные дома в своем ведомстве» [8, с. 121 об.].

Могла ли произойти ошибка? Мог ли Потапов посчитать, что дом казенный, потому что учреждения занимали как нанятые частные дома, так и собственно государственные здания? Но тогда за чужой дом должны были платить, а этого не происходило! [8, с. 121 об.]. И чиновник знал это. Кроме того, учитывая ничтожное число казенных зданий в городе и их острую нехватку, допустить ошибку было нельзя. Скорее всего, используя свое служебное положение, Потапов сам продал дом купцам или способствовал этому. Во всяком случае, именно он записал уже приобретенное с его же ведома строение как казенное и не передавал новому владельцу положенную плату за использование теперь уже частного здания под государственные присутствия. При попытке отыскать Потапова стало ясно, что тот «по уничтожению коллегии от дел уволен и где ныне находится... не известно», почему «дальнейшего изыскания о сем произвести» не представляло никакой возможности [8, с. 121 об.].

Библиографический список

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 573.
2. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 574.
3. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575. Ч. I.
4. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576.
5. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578. Ч. II.
6. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578. Ч. III.
7. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578. Ч. IV.
8. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 578. Ч. V.
9. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582. Ч. I.
10. Гуляницкий Н. Ф. Ансамблевая застройка Москвы в последней трети XVIII– начала XIX в. // Русское градостроительное искусство. Москва и сложившиеся русские города XVIII – первой половины XIX веков / под общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1998. С. 92–129.
11. Девятов С. В. Московский кремль из глубины веков / С. В. Девятов, Е. В. Журавлева. М.: РОСССА, 2007. 304 с.
12. Евсина Н. А. Русская архитектура в эпоху Екатерины II: барокко–классицизм–неоготика. М.: Наука, 1994. 219 с.
13. Кондратьев И. К. Седая старина Москвы: исторический обзор и полный указатель ее достопамятностей. М.: Воениздат, 1996. 528 с.
14. Мак И. Кремлевский округ // Московское наследие. 2013. № 30. С. 8–13.
15. Малиновский А. Ф. Обзорение Москвы. М.: Московский рабочий, 1992. 256 с.
16. Михайлов А. И. Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. М.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1954. 372 с.

Если информация нам не нравится, это пропаганда. Если информация нам нравится – это информация.

Марвин Калб

Наши лучшие союзники – наши собственные войска.

Фридрих II

Библиотека – это храм учености, а ученость освободила больше людей, чем все войны истории.

Карл Рован

Пропаганда – это искусство
убеждать других в том, во
что сам не веришь.

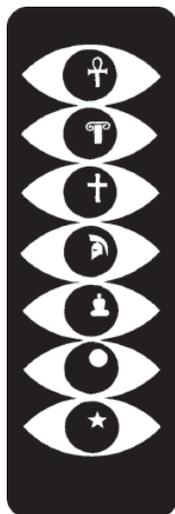
Абба Эбан

Тот, кто имеет союзников,
уже не вполне независим.

Гарри Трумэн

Тот, кто ничего не читает,
не имеет никаких преимущ-
еств перед тем, кто читать
не умеет.

Марк Твен

Игорь Татаринов

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

**СЕКРЕТНАЯ АГЕНТУРА
ВЧК – ГПУ – НКВД
НА ДОНБАССЕ
В 1920-х–1930-х гг.**

УДК

93/94+355.40 «192/193»

На основе изучения открытых источников и опубликованных материалов, автором предпринята попытка исследовать ряд особенностей организации информационно-аналитической работы спецслужб на Донбассе в 1920-х–1930-х гг. В основу легли неизвестные научной общественности документы, хранящиеся в архивных учреждениях Донбасса, и различные ранее опубликованные материалы известных отечественных исследователей. Сделан акцент на том, что в результате грамотной организации системы работы с секретными сотрудниками советскому руководству удалось рационально выстроить информационную работу. Органы ЧК-ГПУ-НКВД на Донбассе в первые же годы советской власти наладили эффективную работу по отслеживанию ситуации в регионе. Это дало возможность оперативно принимать соответствующие меры реагирования в случаях возникновения угроз государственной безопасности.

Based on the study of open sources and published materials, the author made an attempt to explore a number of features of the organization of information and analytical work of the special services in the Donbass in the 1920s – 1930s. It is based on documents unknown to the scientific community, stored in archival institutions of Donbass, and various previously published materials by famous domestic researchers. The emphasis is placed on the fact that the Soviet leadership managed to rationally build, as a result of competent organization of a system of work with secret employees, the Cheka-GPU-NKVD bodies in the Donbass in the very first years of Soviet power established effective work to monitor the situation in the region. This made it possible to quickly take appropriate response measures in cases of threats to state security.

Ключевые слова: ВЧК-ГПУ-НКВД, агентура, информационно-аналитическая и оперативная работа, секретные сотрудники, СССР, УССР, Донбасс.

Key words: Cheka-GPU-NKVD, agents, information-analytical and operational work, secret officers, USSR, Ukrainian SSR, Donbass.

E-mail: igortatarinov76@gmail.com

Краткая историография вопроса

Во все времена одним из важнейших компонентов и залогом успеха в работе органов государственной безопасности любого государства является организация эффективной агентурной работы. Будучи одновременно глазами и ушами соответствующих органов, полученная от секретных сотрудников информация позволяет отслеживать ситуацию в стране и принимать необходимые меры реагирования в случае возникновения угроз. Для исследователей истории советских органов государственной безопасности материалы по агентурной работе всегда представляли интерес, особенно с учетом их специфики и ограниченности доступа к подобного рода источникам. В то же время, несмотря на наличие определенного числа научных исследований, вопрос о роли и месте секретных сотрудников в работе советских спецслужб на Донбассе в 1920–1930-е гг. пока еще далек от своего оптимального освещения в силу специфики проблемы.

Следует признать, что проблема исследования роли и места секретных сотрудников в работе органов госбезопасности неоднократно находила свое отражение в научном дискурсе. Так, сложился определенный историографический массив, затрагивающий соответствующую деятельность в дореволюционный период [7–8; 11; 13; 19; 28; 38]. Причем публикации выходили как в советское время, так и после распада СССР.

Работы, посвященные становлению и функционированию агентурной работы непосредственно на Донбассе, выходили у луганского исследователя В. Семистяги [35; 39]. Автор, имея в свое время доступ в закрытый для большинства исследователей луганский архив СБУ, ввел в научный оборот ряд рассекреченной, но по-прежнему остающейся малоизвестной для большинства отечественных историков информации. Тенденциозно трактуя некоторые аспекты советской государственности, и работу советских спецслужб в частности, он все же значительно обогатил источниковую базу проблемы. Истории становления и деятельности органов госбезопасности Донбасса в 1919–1941 гг. посвящен коллективный труд В. Золотарева и В. Степкина [10]. Документальная работа построена в основном на архивных материалах, многие из которых публикуются впервые. Приводимые в сборнике биографические данные работников ЧК-ГПУ-НКВД дополняют исследуемые аспекты проблемы.

Заслуживают внимания обобщающие труды российского историка О. Мозохина [16–17], целью которого является объективное отобра-

жение деятельности советских органов государственной безопасности. Ценные документы ввел в научный оборот украинский ученый Р.Подкур. В сфере его внимания оказались вопросы информационно-аналитической и оперативной работы органов ВУЧК-ГПУ-НКВД [32], а также формы и методы выявления и сбора ими информации [33]. Следует упомянуть также базирующиеся на широкой документальной основе работы и В. Пристайко [34], В. Ченцова [36], Ю. Шаповала [37] и других.

Судьбу секретных агентов и масштабы уничтожения агентуры в 1920–1930-х гг. освещает в своей работе А. Тепляков [25–27]. Он также приводит многочисленные архивные данные о различных аспектах деятельности органов ВЧК, включая информационные и репрессивно-карательные. Особенности формирования и деятельность секретной агентуры центральных и местных учреждений политической полиции Российской империи осветила в своих работах М. Чудакова [30]. Интересную работу провели А. Федоров и А. Шахматов. Результатом их коллаборации стал коллективный труд, затрагивающий вопросы правового регулирования содействия гражданам – субъектам оперативно-розыскной деятельности – и историю оперативно-розыскной деятельности и сыска в целом. Монография построена на обширном нормативно-правовом материале и документальных источниках, ранее не доступных широкому кругу читателей [29].

В то же время, несмотря на наличие определенного круга работ, посвященных довольно специфической теме использования советскими органами госбезопасности агентуры в оперативной и информационной работе, особенности организации информационно-аналитической работы спецслужб непосредственно на Донбассе в 1920-х – 1930-х гг. пока еще не получили должного освещения. А сама проблема по-прежнему остается слабо изученной и довольно бедно представленной в историографии.

«Сотрудничество – явление сложное...»

Еще до революционных событий сложилась определенная нормативно-правовая база, регулирующая в некотором роде содействие

граждан органам – субъектам оперативно-розыскной деятельности, в том числе и органам госбезопасности. У истоков методики агентурного наблюдения стояли известные руководители Департамента полиции и московского охранного отделения М. И. Трусевич, Е. К. Климович,

А.М.Еремин, В.А.Брюн де Сент-Ипполит, М.Ф.фон Коттен и др. Так, определенное толкование предназначения агентов и правил привлечения к такого рода деятельности мы встречаем в положениях Инструкции по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения 1907 г. [22, с.213–229] и Инструкции по организации и ведению внутренней агентуры 1914 г. [24, с.2–15].

Кого же следовало привлекать в секретной работе? Так, в Инструкции 1907 года отмечалось, что вербовку секретных сотрудников надлежало производить в первую очередь среди лиц, арестованных по политическим преступлениям. Вообще, для успеха дела антитеррора, секретные сотрудники должны были состоять членами какой-либо революционно-террористической организации, или, по крайней мере, иметь тесные контакты с ее лидерами. Чем более высокий ранг занимал секретный сотрудник в террористической организации, тем более ценные сведения ему удавалось доставлять в Департамент полиции [22, с. 213]. Как правило, сотрудники «охранки» вербовали агентов среди «лиц слабохарактерных, сомневающихся в своих революционных идеях, колеблющихся в правильности своего выбора, обиженных на кого-либо из членов партии, считающих себя в партийной организации недооцененными, склонных к легкой наживе и т. п. При этом более всего ценились секретные сотрудники, добровольно и по своим внутренним убеждениям перешедшие на сторону правительства» [20, с. 149].

В Инструкции по организации и ведению внутренней агентуры 1914 г. указывается, что «состав агентуры пополняется лицами, непосредственно входящими в какие-либо преступные организации или прикосновенными к последним или же лицами, косвенно осведомленными о внутренней деятельности и жизни, хотя бы даже отдельных членов преступных сообществ. Лица, состоящие членами преступных сообществ и входящие в постоянный состав такой агентуры, называются "агентами внутреннего наблюдения" или "секретными сотрудниками". Лица, которые хотя и не входят в преступные организации, но, соприкасаясь с ними, постоянно содействуют делу розыска, исполняя различные поручения и доставляя для разработки материал по деятельности партии, в отличие от первых носят название "вспомогательных агентов". Лица, доставляющие сведения, хотя бы и постоянно, но за плату за каждое отдельное свое указание на то или другое революционное предприятие или выступление какого бы то ни было сообщества, называются "штучниками"» [24, с.2].

Заметим, что в то время не предъявлялось особых требований к профессионализму и индивидуальности человека, согласившегося содействовать розыскному органу. Изначально на деловые и личностные качества секретного сотрудника не обращали достаточного внимания, однако постепенно этот компонент стал все больше учитываться. Прежде всего, что вполне закономерно, обращались к интеллектуальной составляющей – умению последовательно и логически мыслить. От того, как агент умеет отбирать и систематизировать сведения, имеющие ценность, зависела важность информации, а также характер и реакция на нее. Учитывались также такие качества, как коммуникабельность, склонность к конструктивному диалогу, инициативность, способность четко формулировать устную и письменную речь (при необходимости изыскиваться условленным невербальным языком и видоизмененным почерком). Отметим также важность индивидуально-психологических качеств сексота. От его стрессоустойчивости в экстремальной обстановке, высокой адаптивности к меняющимся условиям среды, наличия объемной и продуктивной кратковременной и долговременной памяти порой зависело многое. Важнейшими компонентами работы секретного сотрудника накануне революций 1917 г. стали его способность визуально диагностировать психические свойства человека и психологический климат в группе, способность прогнозировать и оценивать поступки людей и ситуацию, склонность к оправданному риску [21, с.208–209].

Примечательной категорией среди секретных сотрудников были указанные выше «штучники» – лица, требующие вознаграждения за каждую, даже самую незначительную информацию о деятельности террористического подполья. Согласно Инструкции 1914 г. их привлечение считалось «ненормальным явлением и вообще "штучники" нежелательны, так как, не обладая положительными качествами сотрудников, они быстро становятся дорогим и излишним бременем для розыскного органа» [24, с.3]. Сведения от таких лиц следовало подвергать дополнительной проверке и относиться к ним с большой осторожностью. Вообще желательно было внедрять несколько секретных сотрудников в одну и ту же террористическую организацию (при этом они ни в коем случае не должны были знать об этом): это не только увеличивало шансы на получение более точной информации, но и позволяло проверять достоверность поставляемых сведений и своевременно уличать сотрудников в измене [20, с.150].

Весьма показательны воспоминания начальника Киевского охранного отделения А.И. Спиридовича. Он отмечал: «Сотрудничество –

явление сложное; причины, толкающие людей на предательство своих близких, знакомых, часто друзей, различны. Они должны быть или очень низменны, или, наоборот, очень высоки» [23, с. 193]. Имеющиеся инструкции предусматривали использование и тех, кто «будучи убеждены в бесполезности своей личной революционной деятельности, нуждаются в деньгах и, хотя не изменяют коренным образом своих убеждений, ради денег берутся просто продавать своих товарищей» [6, с. 187]. Глава киевской «охранки» Спиридович обращал внимание на финансовую сторону вопроса: «Получать несколько десятков рублей в месяц за сообщение два раза в неделю сведений о своей организации – дело нетрудное, если совесть позволяет. Однажды сознательный БУНДист явился с кипой прокламаций и объяснил, что более двух месяцев разносит литературу по районам, а комитет не выполнил обещания купить ему калоши. Озлобленность его на обман с калошами была так велика, что я, прежде всего, подарил ему именно новые калоши. ...И проваливал же он потом своих сотоварищей, проваливал с каким-то остервенением. Вот что наделали калоши» [23, с. 194].

Важным направлением работы «охранки» было использование агентуры для слежки за политически неблагонадежными элементами. В частности, одним из таких объектов наблюдения в начале XX века был известный на Донбассе революционер Климент Ефремович Ворошилов. В его отношении также проводился комплекс указанных мероприятий. Приведем фрагменты обращений и донесений на имя начальника Екатеринославского губернского жандармского управления о революционной деятельности К. Ворошилова, работавшего в 1902–1903 гг. в литейном цехе завода Донецко-Юрьевского металлургического общества (ныне – Алчевский металлургический комбинат, АМК, г. Алчевск, ЛНР. – *И.Т.*) электротехником на кране.

Так, 2 ноября 1902 г. на имя начальника Екатеринославского губернского жандармского управления пришла телеграмма, в которой Особый отдел Департамента Полиции МВД просил «уведомить в самое непродолжительное время, не подтвердилось ли сообщенное Вам начальнику Курского губернского жандармского управления в отношении от 23 минувшего октября за №2493 заявление крестьян Никиты Ануфриева и Павла Остроухова о преступной деятельности рабочего Юрьевского завода Клима Ефремова Ворошилова и, в утвердительном случае, какая получены Вами по этому делу сведения» [2, л. 1].

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	Господину Начальнику Екатеринославского Губернского Канцарского Управления.
ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ	
Особому Отделу	Департамент Полиции имеет честь
2-го ноября 1902 г.	просить Ваше высокоблагородие уведомить, в
№ 2493.	случае на <u>не</u> пределенном <u>определенном</u> времени, подтвер-
	дилось ли сообщенное Вам Начальнику Кур-
	ского Губернского Канцарского Управления в
	отношении от 23 числа того октября, за № 2493
	заявление крестьян Никиты А н н о в а и Павла Остро-
	ухова о преступной деятельности Троицкого Львовского завода
	Клима Фремова В о р о т и л о в а и, в утвердительном
	случае, какия, получены Вами по этому делу сведения.
И. д. Директора:	/подпись/
За Заведующего Отделом:	/подпись/
	стр. 1.
	К о п и я. -
	С е к р е т н о. -
Н а ч а л ь н и к	
Курского	
Губернского Канцарского	22 сего октября ко мне явились
Управления	крестьяне: деревни Чохотинки, Иванецкой
23 Октября 1902 г.	волости Лыговского уезда, Курской губ.
№ 2493	Никита Ильин Анурьев и села Кутиц
г. Курск	Игуменского уезда, Минской губернии,
	Павел Грихантов (Остроухов, проживающий в
	<i>д. Мисовка близ Кутиц Курской губернии</i>)
	селе Кресельки, при чем первым из них заявить следующее: с 1897
	по 1900 год он Анурьев служил на Државском заводе, близ гор.
	Луганска в Славянособорском уезде, Екатеринославской губернии,
	где познакомился с рабочим неким Климом Фремовым Ворогитловым,
	затем 30 Мая сего 1902 года проездом через Државский завод

Телеграмма Особого отдела Департамента Полиции МВД от 2 ноября 1902 г.

Начальник Курского губернского жандармского управления полковник А. Вельк в отношении от 23 минувшего октября за №2493 под грифом «секретно» сообщал следующее: «22 сего октября ко мне явились крестьяне деревни Вохотинки Иваницкой волости Льговского уезда Курской губ. Никита Ильин Ануфриев и села Кухтиц Игуменского уезда Минской губернии Павел Михайлов Остроухов, проживающий в селе Киреевки Льговского уезда Курской губернии, причем первый их них заявил следующее: с 1897 по 1900 год он, Ануфриев, служил на Юрьевском заводе, близ гор. Луганска в Славяносербском уезде Екатеринославской губернии, где он познакомился с неким Климом Ефремовым Ворошиловым. Затем 30 мая сего года проездом через Юрьевский завод он по просьбе Ворошилова остановился у него переночевать. На другой день, т.е. 31 мая Ворошилов рано ушел на работу, а Ануфриев, рассматривая лежавший на столе журнал "Родина", заметил между листами какие-то 3 книжки, напечатанные фиолетовой краской. Когда вернулся Ворошилов, то Ануфриев спросил его: что это за книжки. Ворошилов долго не хотел объяснять, но затем, когда они распили бутылку водки, рассказал, что в этих книжках пишут о бунтах, что призывают народ дружно соединиться против насилия правительства, причем прочел из одной из этих книжек стихи, в которых говорилось о соединении всех рабочих для борьбы с правительством» [2, л.2].

Вероятно, «охранку» интересовала вся цепочка поставок запрещенной полиграфии. В приводимом выше документе содержалась некоторая информация по этому вопросу. Крестьянин Ануфриев докладывал, что «книжки эти Ворошилов получает от сельского учителя села Васильевки... Семена Мартыновича, неизвестного Ануфриеву по фамилии. И от заводских двух учительниц (имена и фамилии коих также неизвестны заявителю). При этом Ворошилов добавил, что он скоро будет записан в члены какого-то тайного общества и сам лично будет получать книги от какого-то комитета. ...1 сего октября Ануфриев прибыл на родину и по совету своего соседа Павла Михайлова Остроухова решил заявить обо всем жандармскому Начальнику. ...Преступные книжки Ворошилов прячет большею частью в подъемных электрических кранах» [2, л.2].

В тот период факта хранения нелегальной литературы было достаточно для уголовного преследования. Однако такового в отношении Ворошилова не последовало. Начальник Екатеринославского губернского жандармского управления переправил материалы своему помощнику в Славяносербском и Бахмутском уездах, предложив тому собрать в от-

ношении лиц, указанных в сообщении Ануфриева, «нелегальные сведения о политической благонадежности ...и если будут получены указания на преступную деятельность в политическом отношении..., то провести у них обыск и по результатам обысков, возбудить дознание... О результатах обысков и возбуждении дознания мне донести немедленно по производству организованных следственных действий» [2, л.3].

Один из документов был составлен и подписан помощником начальника Екатеринославского губернского жандармского управления в Славяносербском и Бахмутском уездах ротмистром Леусом на основе изучения информации от агентуры из окружения Ворошилова, а также полученных путем слежки. Среди прочего выяснилось, что «Ворошилов получает книги и брошюры преступного характера» [2, л.4]. Ротмистр

Климент Ефремович Ворошилов. Фото 1905 г.

Леус установил также личности двух учительниц, передававших литературу Ворошилову. Ими оказались сестры Ольга и Мария Васильевна Крюковы, а указанным выше сельским учителем был Семен Мартынович Рыжков, которые в сентябре 1902 г. переехали в Луганск и «состоят теперь учителями в школе при Гартманском машиностроительном заводе» [2, л.4]. Как было выяснено с помощью слежки, у указанных сестер Ворошилов и его кум Иуда Виногреев, бывали довольно часто «под видом совместного репетирования ролей к предстоящему любительскому спектаклю» [2, л.5]. Леус также выяснил источник поступления нелегальной литературы, имевший заграничное происхождение.

Что интересно, ротмистр Леус не нашел иных компрометирующих сведений о Ворошилове, воздержавшись в итоге «от производства обыска в порядке Положения об Охране... направив дальнейшее наблюдение и выяснение действительных целей собраний у Крюковых..., а также установления факта обращения между ними изданий нелегального

характера» [2, л. 5]. Более того, Леус сетовал на задержку производства обыска ввиду полного отсутствия одиночных камер в Луганской тюрьме, а «может возникнуть крупное дознание, требующее нескольких арестов» [2, л. 6]. Дальнейшие мероприятия ротмистр Леус отложил до принятия на баланс нового корпуса Луганской тюрьмы, заверив начальника Екатеринославского губернского жандармского управления, «что по получению наблюдением сколько-нибудь удовлетворительных результатов, я безотлагательно приступлю к производству обысков в порядке Положения об Охране у названных выше лиц» [2, л. 6].

Как видим, будущего первого маршала Советского Союза, как и многих других донбасских революционеров-подпольщиков, жандармы весьма плотно окружили негласным наблюдением и агентурой. В итоге, к моменту распада Российской империи в государстве сложилась довольно эффективная практика привлечения агентуры для решения информационно-оперативных задач. В то же время такая работа пока еще не носила массового характера, выступая всего лишь в качестве дополнения к таким традиционным мерам, как слежка, розыск, допросы, провокация и пр. Как правило, секретным агентом в те годы являлся информатор, систематически либо на непостоянной основе предоставлявший сведения о неблагонадежных элементах либо об их противозаконной деятельности в территориальные органы имперского Департамента полиции.

Создание агентурной сети советскими органами государственной безопасности на Донбассе

С распадом Российской империи задачи по привлечению органами госбезопасности агентов к информационной деятельности никуда не исчезли.

Практически с первых дней работы им были поставлены задачи налаживания информационно-аналитической и оперативной работы. Так, в «Положении о чрезвычайных комиссиях на местах», одобренном Всероссийской конференцией Чрезвычайной комиссии от 1 июня 1918 г., указывалось, что Комиссии должны ежечасно осуществлять: «...б) надзор за местной буржуазией и по направлению выявления в ее среде контрреволюционной работы; в) доведение до сведения местной и центральной власти о творимых беспорядках и прекращении их...» [33, с. 342]. В итоге, в различных сферах экономики, в различных организациях и институтах, а также в жилых домах была довольно быстро создана особая сеть полномочных представителей (полпредов) и их помощников, агентов и информаторов. Полпреды и их помощники, в свою очередь, имели сеть агентов и информаторов, от которых они получали необходимую информацию о местных событиях.

Глава ВЧК Ф.Дзержинский в письме к партийным деятелям указывал на необходимость сосредоточиться на наблюдении за работой коммунистических ячеек фабрик, заводов, мастерских, за профсоюзными и молодежными организациями, внедрении в их среду агентуры, подготовке ежемесячных сведений на указанном направлении деятельности. На уездных и волостных комиссаров возлагалась функция осуществлять «...надзор за революционным порядком в своем районе, следить за тем, чтобы не было контрреволюционной, погромной агитации, внимательно следить за местной буржуазией, проводить дознание, осуществлять надзор за ненадежными контрреволюционными элементами, кулаками и другими врагами советской власти» [33, с.342–343].

М.И.Лацис – глава отдела ВЧК по борьбе с контрреволюцией

На необходимость вести учет и наблюдение за так называемыми «классово чуждыми элементами» указывал один из руководителей ВЧК М. Лацис: «...контрреволюционны целые классы. ...необходимо учредить наблюдение... за всею крупной и мелкой буржуазией...» [15, с.38]. Лацис продолжал: «Мы должны знать каждого бывшего царского сановника, генерала, жандарма и полицейского, каждого помещика, фабриканта, банкира и духовника. Мы должны знать, чем заняты они, эти люди из другого мира». Политический сыск должен был контролировать и их, учреждая «внутреннее наблюдение за всеми советскими учреждениями в тылу и на фронте» [12]. Однако практическая работа по вербовке и руководству

секретными сотрудниками наталкивалась на проблемы дефицита профессионального опыта. Эти обстоятельства обуславливали копирование форм работы царского Департамента полиции, их методики организации внутренней агентуры, вербовки и работы с информацией.

Архивные документы свидетельствуют, что средствами к осуществлению задач политического контроля в то время стали: «...осведомление,

розыск, наблюдение, арест, высылка, обыск, дознание, предварительное следствие и регистрация; а) соби́рание... подлежащим государственным учреждениям всех сведений... как в области политической, так и экономической; б) агентурное наблюдение за преступными или подозрительными лицами, группами и организациями на территории РСФСР и за кордоном; ...д) просмотр почтово-телеграфной и иной корреспонденции, как внутренней, так и заграничной; ...и) регистрация уличенных и заподозренных в преступных деяниях лиц и их дел; регистрация неблагонадежного административного и руководящего персонала...; регистрация и суммирование ненормальных явлений жизни в целях выяснения их причин и последствий...» [1, л.437].

Что интересно, еще в п.8 Инструкции по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения 1907 г. секретным сотрудникам запрещалось «состоя членами революционных организаций... заниматься так называемым "провока́торством", т.е. самим создавать преступные деяния и подводить под ответственность за содеянное ими других лиц, игравших в этом деле второстепенные роли» [22, с.221]. Однако в арсенале царской «охранки» эти методы имелись, несмотря на запрет. И в первые годы становления советских органов госбезопасности к подобного рода мерам чекисты также вынуждены были прибегать, прежде всего, с целью выявления политически неблагонадежных элементов. В то же время следует признать, что в соответствии с приказом №2 от 15 января 1921 г. начальника Центрального управления ЧК Украины В.Манцева, секретным сотрудникам запрещалось быть организаторами антисоветских акций [37, с.206], а сами методы провокации перешли в разряд нелегальных приемов.

На Донбассе, территориально входившим в сферу деятельности Донецкой ГубЧК, функции осуществления информационно-аналитической и оперативной работы возлагались на секретно-оперативные отделы, которые на начало 1921 г. состояли из ряда отделов. В частности, выделим информационно-статистическую часть, политотдел, экономический отдел, отдел по борьбе с бандитизмом, секретный отдел, оперативную часть, бюро внешней разведки, общую группу, канцелярию. Одной из ведущих считалась информационно-регистрационная статистическая часть, которая осуществляла региональный учет членов бывших политических партий, иностранных подданных, всех политически неблагонадежных лиц, заводила литературные дела, собирала и регистрировала сообщения информаторов. Для этого на предприятиях, в организациях, учреждениях, местах проживания граждан создавалась специальная сеть уполномоченных, их помощников и информаторов, работавших в направлении выявления и сбора информации [33, с.345–346].

Через сеть информаторов органы губернских ЧК контролировали работу государственных органов и влияли на партийные, профсоюзные комитеты. Информация о политическом и экономическом положении на Донбассе, о настроениях среди различных слоев населения тщательно отбиралась и прорабатывалась в каждом окружном отделе ГПУ, а затем передавалась в губернский центр и учетно-информационное управление ЧК–ГПУ–НКВД УССР в столице республики г. Харьков.

Важно отметить определенную субъективность информационных материалов партинформаторов. Их сведения грешили недостоверностью и очень часто не находили своего подтверждения. Как и не редки были случаи сведения личных счетов. Однако органы ГПУ–НКВД предпочитали давать такой информации ход. Например, 25 марта 1929 г. Луганский окружком КП(б)У передал окротделу ГПУ за №25/т информацию партинформатора Рудницкого о подозрении в шпионской деятельности в Донбассе и Харькове учителей и преподавателей вузов Луганска Афониной, Винниченко, Драги, Глядковской, Коликовой, Черкасской [5, л. 135]. Губернское ГПУ установило за ними наблюдение, несмотря на то, что на самом деле они участвовали лишь в работе городского кружка по изучению экономических вопросов. Более того, в 1933 и 1938 гг. они были репрессированы [39, с. 106].

Кроме этого, с первых дней образования информационных отделов местных партийные органы активно способствовали сбору и передаче органам госбезопасности сведений через секретарей партийных организаций. Так, например, Донецкий губком КП(б) У в циркуляре №226/т от 30 октября 1923 г. за подписью секретаря губкома Криницкого и председателя губернской контрольной комиссии Яковенко не только убеждали, что без «поддержки партийных организаций собственными силами поставить информацию ГПУ не в состоянии», но и требовали, чтобы все партийные органы дали на места соответствующие директивы, которые бы обязывали «партийных ответственных работников давать органам ГПУ через секретарей окркомов сведения по вопросам, которыми интересовались органы ГПУ». Одновременно губернская контрольная комиссия обязывалась следить, чтобы «все сведения поступали полностью и своевременно, чтобы выделенные для этого товарищи выполняли партийные задачи по линии ГПУ», а органы ГПУ, в свою очередь, сообщали губЧК «о всех случаях нарушения и невыполнения этого письма» [4, л. 20]. При этом, Донецкий губком КП(б) У требовал от партийцев не смотреть на такое сотрудничество с ГПУ как на «жандармскую работу» [3, л. 134].

Следует иметь в виду, что взаимоотношения органов ГПУ–НКВД, прокурорского надзора и суда в тот период регламентировались специальными

постановлениями Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета (ВУЦИК), а затем Верховного Совета УССР, которые часто дополнялись подзаконными актами и секретными инструкциями. Например, постановление ВУЦИКа о взаимоотношениях правоохранительных органов от 10 октября 1928 г. было дополнено общей специальной секретной инструкцией ВУЦИКа и СНК УССР, позволявшей вызывать в суд секретных сотрудников ГПУ в качестве свидетелей лишь с согласия Главного политического управления [31].

Кроме этого, органы госбезопасности тщательно отслеживали религиозную ситуацию, в том числе и на Донбассе. В одной из инструкций ГПУ УССР указывалось, что «...от кандидатов необходимо ультимативно требовать сведения... об активных контрреволюционерах из духовенства. Сведения эти не должны носить секретно-агентурного характера, а должны быть даны в виде официальных заявлений и свидетельских показаний, которые при надобности могут быть использованы для судебных процессов в Ревтрибе. Подобный прием, кроме того, дает возможность сексотам официально через "Живую Церковь" дать материал на контрреволюционное духовенство, не навлекая на себя подозрения в связи с ГПУ» [14, с. 121].

Считалось, что наиболее оптимальным для подобных целей являлось такое положение секретного сотрудника в организации, где он выступал бы в роли пособника или посредника в конспиративных делах. В этом случае его деятельность ограничивалась только участием в обсуждении или приготовлении к определенным действиям. Это полуправильное положение позволяло ему оставаться в стороне от формального дознания и следствия, а следовательно и от официального ареста, и одновременно не вызывало бы недоверия и сомнений среди террористов.

Важно указать на несомненные успехи органов госбезопасности в деле ликвидации и искоренения политического бандитизма. Свою лепту в эти достижения также внесли секретные сотрудники. Благодаря успешной организации их работы на Донбассе в начале 1920-х гг. удалось полностью ликвидировать политический бандитизм. В частности, отметим в связи с этим длительную борьбу органов госбезопасности с действовавшей на Донбассе бандой Каменюки, имевшей более 600 штыков, несколько пулеметов и 1 артиллерийское орудие. При ликвидации этой неуловимой банды особо отличился глава Старобельской уездной ЧК Д. Медведев, ставший в 1922 г. начальником особого отдела Донецкой ГубЧК, впоследствии полковник госбезопасности. В результате решительных, грамотно спланированных и осуществленных дезинформаци-

Глава Старобельской уездной ЧК Д. Н. Медведев

онных мероприятий и внедрения сотрудников ЧК в ряды банды, а также информаторов из среды местного населения, удалось склонить к сдаче большую часть группировки, а самого главаря Каменюку ликвидировать. За «умелую и усиленную борьбу с бандитизмом» коллегия ДонгубЧК наградила Д. Медведева именными золотыми часами [9, с. 21–23].

В информационных материалах нашли свое отражение также основные формы и методы борьбы с повстанческим движением. Так, в отчете ГПУ УССР за первое полугодие 1922 г. перечислялись: «организация летучих подвижных истребительных отрядов и отдельных групп, имевших задачу уничтожения живой активной вооруженной бандитской силы; ликвидация подпольных организаций, ячеек и повстанческих штабов; изъятие оружия среди крестьянства; организация широкой агентурно-информативной сети в деревне; вербовка информаторов и активных работников из числа амнистированных бандитов; укоренение секретных сотрудников в бандах; введение института ответчиков; разложение бандитизма и подрыв его авторитета среди населения путем проведения усиленной агитационной работы в деревне» [18, с. 367].

Интересно обратиться к портрету типичного секретного сотрудника на Донбассе в исследуемые годы. Среди них доминировала беспартийная малограмотная крестьянская молодежь. Более 80% из них имели средний возраст 28–30 лет, 17% были в возрасте до 45 лет, а 3% – около 60 лет. Это были авторитетные в крестьянской среде и среди бывших красных партизан умелые земледельцы, имевшие опыт участия в различных вооруженных формированиях против австро-немецкой и деникинской армий. Как правило, с органами ГПУ сотрудничали по несколько лет. Национальный состав – преимущественно украинцы, добывавшие информацию в украиноязычной среде. Часть из них (около 7%) привлекалась к внутрикамерным разработкам задержанных, а впоследствии арестованных лиц, проходивших по делу [35, с. 109].

Крайне интересные сведения об одном из них приводит В. Семистяга: «... уроженец Успенского района А.Д. Птаха до 18 лет работал по найму. В годы первой русской демократической революции примыкал к большевистскому крылу РСДРП. В 1905 г. Активно участвовал в вооруженном выступлении рабочих Донбасса в г. Горловка. Скрыв участие в вооруженном восстании против царизма, был призван в армию. Будучи писарем воинской части, в 1907 участвовал в первомайском митинге в г. Бахмут (Артемовск), за что был арестован. Вскоре освобожден, тайно снабжал сослуживцев, укрывшихся от ареста, документами военного управления. Уличен в этом, вынужден был дезертировать. Скрываясь по поддельным документам в Германии, Австрии, Польше, неоднократно подвергался арестам. Выселен из Пруссии в 1910 году. Был арестован, поражен в правах и заключен в Николаевскую крепость в Санкт-Петербурге. Возвратившись на Украину, арестовывался во время австро-немецкой оккупации за распространение листовок с обращением к рабочим Донбасса выступить против произвола оккупантов и политического режима гетмана П. Скоропадского. Бежав из-под ареста, вступил в партизанский отряд. После поражения войск А. Деникина и образования Донецкой губернии служил в Луганском губернском, а затем уездном батальоне особого назначения при местной ЧК. Демобилизовавшись, тайно сотрудничал с Луганским окружным отделом ГПУ. С началом массовой коллективизации, считая, что руководство страны осуществляет ошибочную политику на селе и не владеет ситуацией на местах, лично обращался с изложением своих предложений и собственного видения ситуации к председателю ЦИК СССР М.И. Калинину и Председателю ВУЦИК Г.И. Петровскому, в органы союзной и республиканской прокуратуры. Неоднократно выступал против произвола местных властей, за что подвергался гонениям» [35, с. 111]. Очевидно, А. Д. Птаха, имея богатый опыт и разнооб-

разные связи, небезосновательно считался одним из наиболее ценных секретных сотрудников Донецкого оперативного сектора ГПУ №2.

Кроме этого, В.Семистяга отмечает в целом высокую степень информированности о ситуации на местах, ее часто объективный характер и инициативность секретных сотрудников в получении информации. Например, секретными сотрудниками Д.Савенко и П.Колесниченко передавалась исчерпывающая информация о политических настроениях различных слоев населения, в среде бывших красных партизан и участников гражданской войны, управленцев районного звена, низового сельского актива и т. п. Ими были предотвращены несколько террористических актов на территории Новосветловского и Успенского районов Луганщины [35, с. 110].

Однако методы работы сексотов не всегда были законными. Тот же Д.Савенко, пытаясь добыть сведения о наличии антисоветских проявлений в среде бывших красных партизан Луганского района, устраивал в своем доме собрания, во время которых, собрав присутствовавших, поощрял подвыпивших и нетрезвых граждан вступать в политические дискуссии на запрещенные законодательством темы. А заранее спрятанные в доме представители местной власти фиксировали происходившее на бумаге. Как правило, собравшихся разгоняла местная милиция, а добытая таким путем информация накапливалась в отделах ГПУ как компромат на отдельных лиц [35, с. 110].

К аналогичным методам прибегал и другой сексот – А.Птаха. В камерах Новосветловской милиции и Луганского городского отделения ГПУ, общаясь с арестованными и задержанными сельчанами, он пропагандировал газетные материалы о проводившемся в это время в Харькове процессе над членами контрреволюционного Союза освобождения Украины (СОУ, укр. – СВУ – *И.Т.*). Называя руководителей этой организации защитниками и освободителями крестьянства, предлагал сокамерникам вступать в якобы возглавляемый им местный ее филиал. При этом объяснял, что большая часть членов СОУ все еще находится на свободе и продолжает национально-патриотическую деятельность. Провокационно призывал к открытым выступлениям против существующего советского режима, проводимой политики коллективизации и раскулачивания, что было самоубийственным для невинных людей [35, с. 110].

В дальнейшем названные выше сексоты были репрессированы. На допросах, инициированных сотрудниками районного ГПУ, секретные сотрудники Д.Савенко, П.Резниченко, А.Птаха и другие «подтвердили» сведения о повстанческой и антисоветской деятельности, «раскаялись» в содеянном и перечислили всех якобы причастных к повстанческой деятельности. Это

позволило оперативно арестовать и наказать несколько десятков человек – ядро сфабрикованной организации, обвинив их в преступлениях по статьям 54–4, 54–11, 54–12 и 7–81 УК УССР. Причем, за неимением доказательств 2/3 из них были наказаны с формулировкой «за недоносительство органам ГПУ о существовании антисоветских повстанческих устремлений» [35, с. 110–111].

Примечательно, что секретные сотрудники А. Птаха, П. Резниченко, А. Соловьев, Д. Криворученко и ряд других постановлением № 127/310 судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР от 23 ноября 1931 г. были освобождены из-под стражи, а дела на них прекращены. Лишь Д. Савенко, которого посчитали как не представлявшего особой агентурной ценности, исключили из агентурно-информационной сети и выслали в Сибирь на 3 года. В дальнейшем целый ряд секретных сотрудников органов ГПУ, задействованных в указанной разработке, очень активно использовались Ворошиловградским городским отделом НКВД, а затем и Управлением НКВД Ворошиловградской области. Например, оставшиеся в обойме секретных сотрудников А. Птаха и М. Ермошкин [35, с. 111].

Историки отмечают масштабность секретной агентурной сети не только на Донбассе или в УССР, но и практически во всех общественных организациях и политических партиях СССР. В качестве подтверждения этому явлению приведем следующий весьма характерный факт. В небольшом педагогическом коллективе бывшей средней школы № 3 Ворошиловграда (ныне – г. Луганск, ЛНР. – *И.Т.*) из 20 штатных работников 13, то есть 65%, были секретными сотрудниками Ворошиловградского городского отдела НКВД. Эти сотрудники проходили под псевдонимами «Красный», «Глаз», «Сотый», «Степановский» и др. Они фиксировали каждый шаг и взгляд, брошенные слова фигуранта разработки, его разговоры дома, во время поездок в общественном транспорте, среди коллег на рабочем месте, выявляя орфографические ошибки в записанных и подписанных им протоколах профсоюзного собрания педагогического коллектива школы [35, с. 111–112].

Важно также коснуться материальной составляющей подобного рода сотрудничества. За свою службу секретные сотрудники часто получали повышение по работе, материально и морально поощрялись. Так, более 30 лет активным секретным сотрудником органов ГПУ–НКВД на Киевщине, Запорожье и на Донбассе был «Квитко». В качестве вознаграждения за услуги, оказанные органам ГПУ–НКВД, ему была дана возможность одновременно получить должности заведующего кафедрой литературы и декана литературного факультета в одном из крупнейших педагогических вузов Украины. Со временем он был переведен на руководящую работу в вузы

Западной Украины, оставаясь при этом активным секретным сотрудником органов МГБ–КГБ [35, с. 113–114].

Кроме этого, поощрение секретных сотрудников имело и более выраженные финансовые формы. А частности, как свидетельствует приказ №32 по дорожно-транспортному отделу ГУГБ НКВД Южно-Донецкой железной дороги от 19 декабря 1937 г. «О награждении сотрудников ГТО ГУГБ и ОДТО ГУГБ Южно-Донецкой железной дороги за активную работу с контрреволюцией», кроме 41 наиболее отличившихся сотрудников НКВД, были поощрены секретные сотрудники «Легкий», «Семенов» и «Скромный». Вместе с вынесенными благодарностями они получили денежное вознаграждение по 200–300 рублей каждый [35, с. 114].

В завершение следует отметить, что в 1920–1930-х гг. множество тайных агентов по стране было подвергнуто репрессиям. На Донбассе наблюдалась аналогичная картина. Масштабы уничтожения агентуры, как отмечает А. Тепляков, в целом соответствуют колебаниям советской карательной политики. Автор пояснял, что «массовость негласной сети являлась залогом того, что подходящий сексот для оформления группового дела найдется всегда. Даже самые известные и заслуженные сотрудники, отработав свой срок, репрессировались ради возможности разоблачить очередную "шпионскую организацию"» [27, с. 115]. Фабрикуя многочисленные дела различных контрреволюционных организаций, органы госбезопасности сами отдавали под трибунал либо на рассмотрение внесудебных органов собственных секретных сотрудников. Таким способом из агентурно-информационной сети убирались малоинициативные и «вялые» сексоты, подстегивая оставшихся к более активному поиску и предоставлению необходимой информации. Тем самым придавалась значимость разрабатываемым и сфабрикованным делам, а органы госбезопасности пытались повысить свой статус в качестве карающего меча государства.

Заключение

После административно-территориального разделения Донбасса 3 июня 1938 г. на Ворошиловградскую и Сталинскую области были ликвидированы единые управления НКВД, взамен которых создавались два областных. При них стали формироваться и новые агентурно-информационные сети, особенно с учетом «чистки» агентуры во время Большого террора 1937–1938 гг.

В заключение следует отметить, что к моменту распада Российской империи в государстве сложилась довольно эффективная практика привлечения

агентуры для решения информационно-оперативных задач. В то же время работа с информаторами пока еще не носила массового характера, выступая всего лишь в качестве дополнения к таким традиционным мерам, как слежка, розыск, наблюдение, допросы и пр.

С первого дня своего существования советские органы госбезопасности начали создавать сеть тайных информаторов, которая постепенно охватила все без исключения слои общества. При этом местные партийные органы активно помогали в сборе и передаче информации. По большей части органы ГПУ–НКВД на Украине дублировали структуру центрального аппарата политической полиции. Естественно, структура секретно-информационного аппарата украинских спецслужб, формы и методы сбора информации также дублировали общесоюзные. Структура органов госбезопасности на Донбассе была идентична региональной и не имела существенных отличий. В то же время на протяжении 1920–1930-х гг. размер и форма агентурной сети видоизменялись в зависимости от политической ситуации, финансирования и способностей местных «чекистов».

В результате грамотно и оперативно проведенной организационной работы в структуре органов госбезопасности выделилось ядро командного и оперативного состава, был оформлен строго централизованный аппарат с усовершенствованной структурой и наработками методов ведения борьбы практически со всеми видами угроз государственной безопасности. Оптимально организованная система секретных сотрудников позволила органам ЧК–ГПУ–НКВД на Донбассе уже в первые годы советской власти наладить эффективную работу по отслеживанию ситуации в регионе. Это дало возможность оперативно принимать соответствующие меры реагирования в случаях возникновения угроз государственной безопасности.

Сегодня совершенно очевидно, что в связи с дефицитом специальных исследований необходимо объединить усилия многих ученых: историков, юристов, политологов – с целью создания солидной научно-документальной базы по исследуемой проблематике для ее качественного, более полноценного освещения. Тем самым будет придан новый импульс к изучению места и роли секретных сотрудников системы органов государственной безопасности в политической истории советского общества того времени.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1235. Оп.39. Д.86.
2. Государственный архив ЛНР (Госархив ЛНР). Ф.П-2. Оп.1. Д.53.
3. Госархив ЛНР. Ф.П-34. Оп.1. Д.1.

4. Госархив ЛНР. Ф. П-34. Оп.1. Д.2.
5. Госархив ЛНР. Ф. П-34. Оп.1. Д.665.
6. Агафонов В.К. Заграничная охранка. Петроград: Книга, 1918. 389 с.
7. Брачев В.С. Заграничная агентура Департамента полиции (1883–1917). СПб.: Стомма, 2001. 183 с.
8. Волков А. Петроградское охранное отделение. Петроград: Знание – сила, 1917. 16 с.
9. Единожды приняв присягу... Рассказы о чекистах. Донецк: Донбасс, 1990. 106 с.
10. Золотарев В.А., Степкин В.П. ЧК-ГПУ-НКВД в Донбассе: Люди и документы 1919–1941. Донецк: Апекс, 2010. 512 с.
11. История сыска в России: в 2-х кн. / авт. – сост. П.А.Кошель. Мн.: Литература, 1996.
12. Лацис М.Я. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией / М.Я.Лацис. М.: Госиздат, 1921. 62 с.
13. Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы / Политический сыск в России. 1649–1917. СПб.: Час пик, 1992. 412 с.
14. Мазырин А.В. «Требование заполнения анкеты сексота необязательно». Инструкция ГПУ Украины по организации групп «живой церкви» / А.В.Мазырин // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2011. Вып. 5 (42). С.111–123.
15. Майшев, С.Е. Создание агентурной сети органами государственной безопасности Советской России в 1917–1922 гг. / С.Е.Майшев // Кант. 2015. №1(14). С.38–41.
16. Мозохин О.Б. Лубянка. ВЧК-ОГПУ карающий меч диктатуры пролетариата. М.: Язуа, 2004. 448 с.
17. Мозохин О.Б. ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928) М.: Кучково поле, 2007. 528 с.
18. Отчет о полугодичной деятельности (январь–июнь 1922 года) // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 1997. №1/2. С.367.
19. Павлов П. Агенты, жандармы, палачи. Петроград: Былое, 1922. 85 с.
20. Палухина Е.С., Симон Г.В. Внутренняя агентура в системе мер противодействия терроризму: ретроспективный аспект // Материалы Всерос. науч.-теоретич. конференции курсантов и слушателей вузов МВД РФ «Перспективы государственно-правового развития России в 21 веке»: в 2 частях. Ростов-на-Дону, 2015. С.147–153.
21. Перегудова З.И. Политический сыск России 1880–1917. М.: РОССПЭН, 2000. 430 с.
22. Сватиков С. Русский политический сыск за границей (по документам Парижского архива заграничной агентуры Департамента полиции). М.: X-History, 2002. 268 с.
23. Спиридович А.И. Записки жандарма. М.: Художественная литература, 1991. 263 с.
24. Тайны политического сыска: Инструкция о работе с секретными сотрудниками. Петербург: С.Петербург. гос. ун-т, 1992. С.2–15.

25. Тепляков А.Г. Деятельность органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты / Алексей Тепляков. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 439 с.
26. Тепляков А.Г. «Мальчишки-шпионы», или как не следует писать об истории органов госбезопасности (возражение ведомственным историкам) / А.Г.Тепляков // Проблемы истории общества, государства и права: сборник научных трудов, Екатеринбург, Выпуск 10. Екатеринбург: ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», 2020. С.308–320.
27. Тепляков А.Г. «Отработанный материал»: массовая ликвидация секретной агентуры советских спецслужб в 1920–1930-е гг. / А.Г.Тепляков // Российская история. 2013. №4. С.101–115.
28. Тютюнник Л.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением на рубеже XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. 198 с.
29. Федоров А.В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность / А.В.Федоров, А.В.Шахматов. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005 (ООО Тип. Правда 1906). 335 с.
30. Чудакова М.С. Секретная агентура Департамента полиции (1907–1917 гг.) / М.С.Чудакова // Новый исторический вестник. 2010. №1(23). С.22–34.
31. Вісті ВУЦВК – 1928. – 25 жовтня.
32. Подкур Р.Ю. Документи радянських спецслужб як джерело до вивчення політичних, соціально-економічних, культурних процесів в Україні (20–30-ті рр. XX ст.): Автореф. дис. канд. істор. наук. Київ, 1998. 21 с.
33. Подкур Р.Ю. Інформаційно-аналітична робота як один з напрямків діяльності спецслужб в 20–30-х роках // 3 архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1998. №1–2. С.342–356.
34. Пристайко В., Шаповал Ю. Справа «Спілки визволення України»: невідомі документи і факти. Київ: Інтел, 1995. 447 с.
35. Семистяга В.Ф. Документальні матеріали ДГА СБУ про секретних співробітників в інформаційній діяльності ГПУ–НКВД у 20–30-і рр. XX ст. // Бахмутський шлях. 2011. №3/4. С.103–115.
36. Ченцов В.В. Політичні репресії в радянській Україні в 20-ті роки. Тернопіль: Збруч, 2000. 481 с.
37. Шаповал.Ю., Пристайко В., Золотарьов В. ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. Київ: Абрис, 1997. 608 с.
38. Шинджихашвили Д.И. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск: б.и., 1973. 67 с.
39. Volodymyr Semystiaha. The role and place of secret collaborators in the informational activity of the GPU-NKVD in the 1920s and 1930s (on the basis of materials of the Donbass region) // Cahiers du Monde russe, 42/2–4, Avrill-decembre 2001. Pp. 231–244.

Кирилл Киржа

**О НЕКОТОРЫХ
АСПЕКТАХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
РОССИИ И СЕРБИИ
В ГОДЫ
ПЕРВОГО СЕРБСКОГО
ВОССТАНИЯ**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
394.912; 94(367)

Период национально-освободительной борьбы за восстановление сербской государственности в XIX в. традиционно занимает особое место в изучении истории российско-сербских связей. И хотя политико-дипломатические отношения России и Сербии в первой половине XIX в. имеют хорошую научную проработку, в т.ч. благодаря капитальным исследованиям югославских (сербских) и советских (российских) историков, ряд аспектов, имеющих важное значение для понимания эволюции развития двусторонних связей, нуждаются в дополнительном изучении. Один из таких периодов – двусторонние отношения в годы Первого сербского восстания 1804–1813 гг., имевшего важное значение не только в истории Сербии, но и всего Балканского полуострова. Цель автора – затронуть лишь некоторые узловые моменты российско-сербских отношений на этом этапе, остановившись на деятельности миссии первого дипломатического агента – К.К.Родофиникина.

The period of national liberation struggle for the restoration of Serbian statehood of the 19th century. traditionally occupies a special place in the study of the history of Russian-Serbian relations. Although the political and diplomatic relations between Russia and Serbia in the first half of the 19th century. has good scientific ground thanks to extensive research by Yugoslav (Serbian) and Soviet (Russian) historians, a number of aspects that are crucial for understanding of the evolution of the development of bilateral relations require additional study. One of these periods was bilateral relations during the years of the First Serbian Uprising in 1804–1813, which was essential for the history of Serbia as well as for the entire Balkan Peninsula. Within the framework of this work the author aims to touch upon only some key aspects of Russian-Serbian relations at this stage, focusing on the activities of the mission of the first diplomatic agent – Konstantine Rodofinikin.

Ключевые слова: национально-освободительная борьба за восстановление сербской государственности; политико-дипломатические отношения России и Сербии в первой половине XIX в.; Первое сербское восстание 1804–1813 гг.; Константин Родофиникин.

Key words: national liberation struggle for the restoration of Serbian statehood; political and diplomatic relations between Russia and Serbia in the first half of the 19th century; the First Serbian uprising of 1804–1813; Konstantin Rodofinikin.

E-mail: kir_k@internet.ru

Несмотря на утрату в результате турецкого завоевания в середине XV века национальной независимости, сербский народ бережно хранил память о своем славном и героическом прошлом, не теряя надежды на восстановление государственности. Стремительно усугублявшийся внутренний кризис Османской империи, отразившийся в затяжных мятежах против власти султана, а также кардинальные изменения в системе международных отношений в Европе в эпоху наполеоновских войн – контекст, в котором в феврале 1804 г. сербы приняли решение о начале вооруженного восстания на территории Белградского пашалыка.

На первых порах народное выступление было вызвано стремлением вернуть ранее дарованные Портой привилегии, ликвидированные в период власти дахий (командиров соединений янычар) в Белградском пашалыке. Они разделили между собой его территорию, разорили население налогами и поборами, усилили эксплуатацию крестьян, разрушали торговые связи, что вызвало резкое неприятие среди местного населения и стало одним из катализаторов восстания.

На волне национально-освободительного подъема после первых военных успехов народное выступление переросло в полномасштабную войну за освобождение от турецкого владычества. В радикализации требований восставших, по-видимому, заметную роль сыграл ориентировавшийся на Россию господарь соседней Валахии грек-фанариот К. Ипсиланти (1760–1816), выступавший за обретение Грецией независимости. На начальном этапе сербского восстания он был уполномочен Портой вместе с господарем Молдавии к посредническим переговорам с сербами. По-видимому, с его подачи последние обратились к русскому посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому. Показательно, что впоследствии турецкий султан обвинил валашского правителя в подстрекательстве сербов к восстанию.

Представляется справедливой оценка российского исследователя М. В. Белова, который со ссылкой на классика сербской исторической науки С. Новаковича (1842–1915) отмечает, что «именно мысль о восстановлении сербской государственности превратила стихийную "буну против дахийев" в освободительное восстание, райю в народ, а Белградский пашалык в Новую Сербию» [1, с. 39–40]. Первое (1804–1813) и Второе (1815) сербские восстания в совокупности в историографии нередко называют «сербской революцией». Этот термин был введен выдающимся прусским историком Леопольдом фон Ранке в его работе "Die Serbische Revolution", вышедшей в свет в 1829 г. Тем самым автор хотел

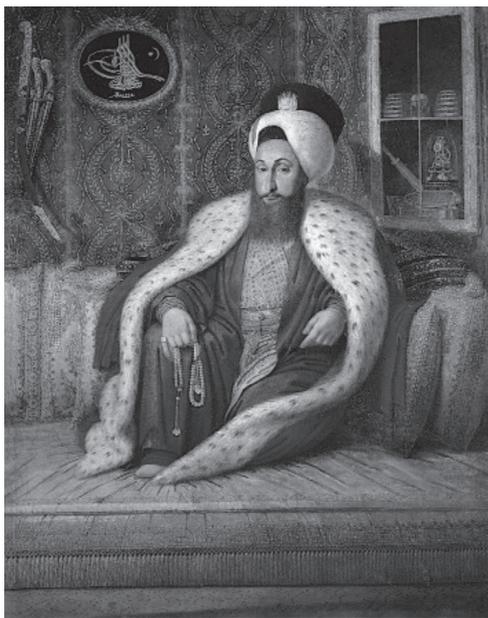
подчеркнуть всенародный характер восстания сербского народа против турецких угнетателей.

Россия оказала сербским инсургентам сначала дипломатическую, а позднее и прямую военную и финансовую помощь. Одним из первых обращений восставших к России стало письмо «сербских кнезов и представителей духовенства с жалобами на бесчинства дахийев и с просьбой о помощи и покровительстве России», направленное послу в Константинополе А. Я. Италинскому в мае 1804 г. Тем самым к моменту прибытия первой делегации сербов в Санкт-Петербург царское правительство уже имело некоторое время для оценки ситуации и разработки первоначальных шагов в отношении происходящих в Сербии событий. Итогом этой работы стали инструкции, направленные генеральному консулу России в Яссах И. Ф. Болкунову. В них содержалась комплексная задача – дипломату предписывалось избегать огласки контактов с сербами, однако при этом оказывать им поддержку.

Члены прибывшей в столицу Российской империи осенью 1804 г. первой делегации сербских восставших под руководством протоиерея М. Ненадовича озвучили, пусть и не в виде четко сформулированной программы, свои основные требования к турецкому султану: управление наподобие «республики Ионической» (группа островов у берегов Пелопоннеса с центром на о. Корфу, в течение длительного времени входившая в состав Венецианской республики, по Кампо-Формийскому миру 1797 г. перешла к революционной Франции, затем с 1815 г. эти территории оказались под «дружественным протекторатом» Великобритании, с 1864 г. – в составе Греческого королевства), т. е., оставаясь в зависимости от Порты и платя ей дань, быть под покровительством России. Тогдашний министр иностранных дел Российской империи (1804–1806 гг.), впоследствии ставший ярым противником российского государства и одним из лидеров польской революционной эмиграции, А. Чарторыйский заверил сербов в готовности оказать им дипломатическую помощь. Одновременно, правда, посоветовал продолжить восстание («не покидать оружия и продолжать военные действия свои» [2, оп. 541. д. 102. л. 1–5.], добываясь выгодных для себя условий.

Осторожность Санкт-Петербурга к происходившим на территории Белградского пашалыка Османской империи событиям объяснялась хитросплетениями военно-политической обстановки в Европе того времени, где дело шло к формированию очередной (третьей) антифранцузской коалиции. В России внимательно следили за растущим по мере новых побед Наполеона влиянием Парижа на турецкого султана-реформатора

Селима III. Заключенный 25 июня 1802 г. в Париже франко-турецкий договор положил конец длившейся с 1798 г. войне между странами. Подписание этого соглашения способствовало сближению Франции и Турции.

Турецкий султан Селим III, худ. Joseph Warnia-Zarzecki

Свою протурецкую политику Наполеон рассматривал как инструмент давления на Великобританию и Россию. Затеявший модернизацию Турции (этот курс получил название «низам-и джедид») Селим III, в свою очередь, надеялся (как показало время – безуспешно) на то, что Париж окажет масштабную поддержку перевооружению его армии. Правительство Александра I понимало, что активизация действий России на Балканах грозила ухудшением отношений с Османской империей, с которой она на тот момент была связана Константинопольским союзным договором 1799 г., а возможно и весьма нежелательной перспективой войны с ней. Положение усугубляла напряженная обстановка по всему периметру российских границ – помимо военных действий против Наполеона входящая в полосу внутривосточного кризиса Швеция надеялась взять реванш в вековом противостоянии с Россией на Балтике, а в Закавказье с весны 1804 г. шла война с Персией, не смирившейся с потерей

контроля над Восточной Грузией. В этих условиях царская дипломатия стремилась избежать осложнения отношений с Портой, добившись при этом мирным путем принятия мер, которые могли бы улучшить положение ее христианских подданных.

В этом смысле, как представляется, не стоит недооценивать предложенную сербам дипломатическую помощь России, как минимум, по двум обстоятельствам. Во-первых, имевшееся у царского правительства соглашение с Портой о военном союзе технически облегчало правительству Александра I задачу по установлению контактов с турками по «сербскому вопросу». Во-вторых, в условиях борьбы против Наполеона монархи Европы не питали особых симпатий к национально-освободительным движениям в целом, рассматривая их как угрозу «старым устоям». Россия также выступала с консервативных позиций. Обращают на себя внимание инструкции императора Александра I дипломатическим представителям, в которых государь, в частности, писал: «Я никогда не буду принимать никакого участия в междоусобных раздорах, потрясающих другие государства, и какова бы ни была форма правления, которую по общему желанию устанавливают нации, они могут сохранять доброе отношение с моей империей, если только они руководствуются по отношению к ней подобным же духом справедливости» [6, с. 50].

Заметим, что венский двор традиционно был не прочь реализовать собственные «виды» на Балканы, причем после заключения в декабре 1805 г. Пресбургского мира стремился не к возврату утраченных в ходе войны с Францией территорий на Адриатике (эту задачу после военного поражения французского императора австрийцы при поддержке Великобритании успешно реализуют дипломатическим путем в ходе Венского конгресса 1815 г.), а с согласия Парижа хотел получить новые, преимущественно в сербонаселенных территориях.

Наибольшее же беспокойство Вены, как и прежде, вызывал возможный переход контроля над Дунайскими княжествами и Сербией к России. С началом восстания в Белградском пашалыке австрийское руководство стало проявлять все большую обеспокоенность в связи с возможным сербским сепаратизмом. Австрийцы не без оснований опасались, что в случае восстановления государственности Сербии проживавшие на территории Австрийской империи этнические сербы при поддержке Санкт-Петербурга могли бы потребовать воссоединения с братьями по другую сторону Дуная – начавшееся в апреле 1807 г. на территории Военной границы (в Среме) крестьянское восстание против феодальных порядков лишь укрепило эти опасения. В связи с этим

за действиями австрийского правительства в отношении восставших усматривался, пожалуй, ключевой мотив – любыми средствами не допустить укрепления в регионе российского влияния и по возможности вовлечь лидеров восставших в сферу влияния Габсбургов. Эта борьба австрийцев за влияние на Балканах, как известно, растянется на весь XIX век и, перейдя в век XX-й, во многом послужит прологом к началу Первой мировой войны.

Будучи в ту пору единственным внешнеполитическим союзником сербского народа в реализации его национально-освободительных устремлений, правительство Александра I, несмотря на упомянутую сложность своего внешнеполитического положения, выразило готовность обратиться к турецкому султану с ходатайством об удовлетворении части требований восставших. В депеше А.Чарторыйского российскому послу в Константинополе А.Я.Италинскому от 4 декабря 1804 г. (с содержанием этих инструкций был также подробно ознакомлен географически наиболее близкий к месту событий генеральный консул в Яссах И.Ф.Болкунов) содержалось предписание «обратиться с советом» к Селиму III предоставить сербам новые привилегии. Предлагалось вывести турецкие войска из Сербии, разрешить сербам избрать своего правителя и судей, а также сформировать собственные вооруженные силы численностью 5 тыс. чел., которые бы действовали «как для охранения того края от набегов разных разбойнических партий, так и противу врагов Порты». При этом планировалось, что сербы продолжат выплачивать Турции дань.

Турецкой стороне также направлялся проект письма российского императора с предложением возобновления ранее заключенного союза (упомянутого договора 1799 г.). А.Я.Италинскому было дано указание «возбудить Турцию принять достаточные меры к удержанию безмерного властолюбия нынешнего правителя Франции» [8, оп.541. д.102. л.1–5.]. В результате Порты приняла решение подписать с Россией в сентябре 1805 г. новое «перестраховочное» соглашение сроком на 9 лет. Однако впечатляющие победы Наполеона над третьей антифранцузской коалицией, итогом которых стало подписание Пресбургского мира, ловкие антироссийские (и антибританские) интриги талантливого посла Франции в Константинополе Г.Себастьяни (Себастиани), а также неспособность султана обуздать усилившийся в его владениях произвол янычар способствовали тому, что Османская империя продолжила политику сближения с Парижем на антироссийской основе. В этот период Франция резко активизировала свою восточную политику. Париж стремился со-

здать союз Франции, Турции и Персии, направленный против России. Французский император считал необходимым поддержать внутреннюю целостность этих двух стран. Наиболее четко эта программа была прописана в инструкциях Наполеона послу в Константинополе Г.Себастиани от 20 июня 1806 г. «...Тройной союз – я, Порты и Персия – против России...; я нигде не буду поддерживать бунтовщиков...; закрыть Босфор для русских, закрыть все порты, возвратить Турции ее абсолютное господство над Молдавией и Валахией; я не хочу раздела Константинопольской империи, даже если мне предложили бы три четверти ее, я хочу укрепить и усилить (*прим. автора.* – “je veux reaffirmer et consolider”) эту великую империю и использовать ее такой, какой она есть, как противовес России» [4, р.60].

В результате подстрекательства французской дипломатии Турция в декабре 1806 г. объявила России войну (правда, не без колебаний). Демонстрируя жесткий внешнеполитический курс, Селим III надеялся тем самым разрядить взрывоопасную для него внутривосточную обстановку, отослав беспокойных янычар подальше от столицы на театр боевых действий. Однако этот расчет не оправдался – уже в мае 1807 г. султан-реформатор был свергнут в результате бунта и вскоре убит. Не получила Порты и других ощутимых выгод от сближения с Францией. Впрочем, успехи французской дипломатии в Турции, основанные преимущественно на интриганстве, нежели на долгосрочной стратегии, оказались недолговечны – свое вторжение в Россию в июне 1812 г. Наполеон, как известно, начал без военной поддержки турок.

Правительство императора Александра I на протяжении всего рассматриваемого периода оставалось внешнеполитической опорой для восставших в феврале 1804 г. сербов. С началом же войны с Турцией заметно возросла потребность в ответной военной помощи Петербурга. К тому моменту инсургентам уже удалось самостоятельно добиться ощутимых успехов в антитурецкой борьбе, освободив почти всю территорию Белградского пашалыка. Представители Карагеоргия вели с Портой переговоры о заключении перемирия (т.н. Ичков мир). Предварительные условия соглашения во многом соответствовали еще довоенным предложениям России. Предлагалось, что Сербия останется вассальным Турцией государством (с обязательством ежегодной выплаты дани), однако из ее городов будут выведены турецкие гарнизоны (за исключением, возможно, нескольких сот военных, наделенных полицейскими функциями, в крупных центрах). На заседании Правительствующего совета (высший коллективный орган гражданско-правового регулирования

восставших) в марте 1807 г., однако, было принято решение о продолжении военных действий против турок. Несмотря на дискуссию среди историков об оправданности этого шага, на взгляд автора, в условиях внутривосточной нестабильности в Турции в рассматриваемый период вряд ли всерьез стоило ожидать, что Порта, укрепившись, не разорвала бы эти договоренности. Развитие событий в Белградском пашалыке после заключения Бухарестского мира 1812 г., полагаем, служит тому подтверждением.

В Санкт-Петербурге, однако, рассчитывали на то, что Сербия продолжит военные действия. Этот призыв был доведен до сведения вождя (предводителя) Первого сербского восстания Карагеоргия (тур. «Черный Георгий», настоящее имя лидера восставших – Георгий Петрович). В активную коммуникацию с ним вступил в прошлом один из усмирителей пугачевского бунта командующий русской армией на Днестре (с началом военных действий против турок возглавил сформированную Дунайскую/Молдавскую армию) генерал от кавалерии И.И. Михельсон.

Генерал от кавалерии И.И.Михельсон (1740–1807), портрет неизвестного художника, не ранее 1778 г. Государственный Эрмитаж

К.К.Родофиникин (1760–1838),
портрет работы В.Боброва

Восставшим направлялись значительные финансовые субсидии, а также военные инструкторы. Были также сделаны первые шаги для развития политико-дипломатических контактов с сербами: в целях изучения ситуации в европейских владениях Турции в августе 1806 г. в Валахию прибыл сотрудник МИД России, действительный статский советник К.К.Родофиникин.

С началом русско-турецкой войны одной из его главных задач было оказание политического содействия русскому командованию в том, чтобы убедить лидеров сербского восстания не расплывать силы на другие направления ударов по туркам и сконцентрироваться на поддержке

действий Дунайской армии. Этому придавалось особое значение еще и потому, что в Санкт-Петербурге стало известно о разрабатываемых Францией планах по переброске войск из Далмации в Дунайские княжества через Боснию и Сербию.

О некоторых аспектах отношений России с лидерами Первого сербского восстания

в условиях быстро менявшейся военно-политической обстановки в Европе. Преобладавшая среди руководителей восставших нервозность, впрочем, вполне объяснимая в судьбоносные периоды истории народа, борющегося за независимость в откровенно враждебном окружении,

На протяжении всех этапов Первого сербского восстания¹ взаимоотношения России с Карагеоргием и его окружением развивались

¹ В опубликованном в 1980 г. советско-югославском сборнике архивных документов, представляющем собой совместную работу коллективов Института славяноведения и балканистики Академии наук СССР и Сербской академии наук и искусств (серб. САНУ), предложена следующая периодизация отношений Сербии и России в период Первого сербского восстания: накануне и в начале восстания (1804 г.), Россия и восстание до русско-турецкой войны (1804–1806 гг.), война России против Турции 1806–1812 гг. и сербское восстание, поход Наполеона на Россию 1812 г. и поражение Первого сербского восстания в 1813 г.

усилилась после того, как с переходом наполеоновских войск к активным действиям на адриатическом побережье Балкан большая европейская война фактически вплотную приблизилась к территории Белградского пашалыка.

Еще раньше, после того, как Россия ввела войска в соседние с Сербией Дунайские княжества в ответ на односторонние действия Турции (в ноябре 1806 г. султан сменил их господарей в обход имевшихся договоренностей, предусматривавших согласование такого решения с Санкт-Петербургом), восставшие заметно воодушевились, увидев в этом возможность для того, чтобы поставить более амбициозные цели своей национально-освободительной борьбы вплоть до обретения полной независимости. Карагеоргий проинформировал представителей России о готовности продолжить военные действия. Позже это решение подтвердил Правительственный совет. Пользуясь замешательством турок, в январе 1807 г. сербы заняли Белград, что имело огромное политическое, стратегическое и морально-психологическое значение.

В ходе кампании 1807 г. русская армия под командованием И. И. Михельсона столкнулась с неудобным противником – рущукским аяном (впоследствии на непродолжительное время занял пост великого визиря) Мустафой Байрактаром (Алемдар Мустафа-паша).

И, хотя в начале войны нестабильность внутри Османской империи сохранилась (глубину внутриполитического кризиса в стране, пожалуй, наглядно иллюстрирует тот факт, что совместно с русской армией против султанских войск выступило также несколько глав приграничных с Россией областей Турции), военные действия против Турции шли непросто, оттягивая значительные ресурсы. Главные усилия России были сосредоточены против Наполеона в Восточной Пруссии в рамках участия России к тому моменту уже в четвертой по счету антифранцузской коалиции. При этом русская армия вела так-

Примерное изображение Мустафы Байрактара, источник: H.F.Helmolt (ed.): History of the World. New York, 1901

же военные действия против Персии, а с февраля 1808 г. еще и Швеции, антирусские амбиции которой были спровоцированы Великобританией, недовольной присоединением официального Санкт-Петербурга к континентальной блокаде по итогам Тильзитского мира. Для оказания поддержки Дунайской армии требовалась координация действий с сербами. В мае 1807 г. на помощь Карагеоргию был отправлен вспомогательный отряд символической численностью в 1 тыс. чел. (направление больших сил считалось нецелесообразным, поскольку могло бы вызвать нервную реакцию Австрии) под командованием генерал-майора И.И.Исаева. Ему удалось расположить к себе повстанцев. Он добился их признания личной храбростью, участвуя в сражениях плечом к плечу с сербами. Последовавшая вскоре совместная русско-сербская победа у Неготина обнадежила сербов, укрепив их веру в военную мощь России. Дополнительный оптимизм придавали и известия из Константинополя, где в ходе дворцового переворота был свергнут султан Селим III. Это позволяло надеяться на естественное для любого междоусобицы замешательство турок.

Генерал И.И.Исаев (1748–1810), портрет неизвестного художника

Упомянутые настроения получили поддержку с приездом к Карагеоргию в конце июня 1807 г. эмиссара императора Александра I полковника Ф.О. Паулуччи. Его миссия оказалась успешной – удалось не только подорвать позиции проавстрийской партии при руководителе восстания, но и по итогам переговоров заключить «конвенцию Карагеоргий – Паулуччи». Документ де-факто признавал суверенитет российского монарха над сербами, которые просили поставить над ними управителя с целью содействия созданию полноценной системы госуправления. В тексте содержались договоренности о прибытии из России в Сербию чиновников, в т. ч. для формирования полноценной сербской армии. Необходимы были также медики для обустройства госпиталей и технические специалисты для создания основ промышленности – обо всем этом с просьбами к российской стороне через главнокомандующего Дунайской армией неоднократно обращался Карагеоргий. Большинство этих прошений оперативно удовлетворялось. Тем самым российскому воинству в который раз в истории выпала миссия быть в авангарде обустройства мирной жизни².

Анализируя текст конвенции, стоит подчеркнуть, что как раз сербская сторона настаивала на максимальной интеграции с Россией. В результате российско-сербские отношения могли бы выйти на беспрецедентный за всю их историю уровень. Однако, руководствуясь общим принципом избегать ненужных осложнений с Наполеоном после заключения 25 июня 1807 г. Тильзитского мира, закреплявшего среди прочего отказ Парижа от военной помощи Турции, император Александр I эту смелую по своей программе конвенцию так и не ратифицировал.

Период 1807–1808 гг. стал непростым в антитурецкой борьбе сербов. Повстанцы испытывали острую нехватку продовольствия и боеприпасов, в т. ч. ввиду того, что власти Австрии, недовольные их сближением с Россией, часто без предупреждения перекрывали уже согласованные поставки. Затянувшееся определение статуса Сербии в переменчивой международной обстановке позволяло французской и австрийской агентуре сеять недоверие к политике Санкт-Петербурга, особенно после того, как в августе 1807 г. между Россией и Турцией было подписано Слободзейское перемирие, негативно воспринятое сербами³. Искусственно подогревались разногласия среди руководства восстанием, представляв-

²На дополнительные размышления на эту тему автора подтолкнул известный российский востоковед, Чрезвычайный и Полномочный Посол М.А.Конаровский в ходе своего выступления перед студентами МГИМО 15.02.2023 г.

³Благодаря достигнутым военным успехам, среди участников восстания господствовали настроения продолжить боевые действия и с помощью России освободить остальные сербонаселенные балканские владения Турции.

шего собой конгломерат довольно разных по своим взглядам глав региональных отрядов (воевод), некоторые из которых, что особенно видно в исторической перспективе, страдали от неудовлетворенного тщеславия. Карагеоргий, будучи сам крестьянского происхождения, пользовался доверием простого народа и находился на тот момент еще в начале пути укрепления собственной власти. Когда дело касалось отдельных известных предводителей восстания, он подчас с трудом мог их контролировать – будучи «первым среди равных», он зачастую мало что мог им противопоставить, кроме личной храбрости.

Напомним, что множество видных и родовитых сербов, осуществлявших подготовку к восстанию против дахий, были уничтожены практически в одночасье в ходе проведенной янычарами на опережение карательной операции на территории Белградского пашалыка еще в январе 1804 г. (т.е. до избрания Карагеоргия лидером восстания в с. Орашац 15 февраля 1804 г.), сопровождавшейся массовыми арестами и казнями. В историографии это событие получило название «резня князей». Одним из его прямых следствий стал «дефицит кадров» – не только знатных, но и попросту имевших военный опыт лиц, способных организовать и руководить народным выступлением. Одним из немногих выживших был ранее служивший в австрийской армии участник войны против Турции 1787–1791 гг. 41-летний Георгий Петрович (Карагеоргий), который и возглавил восставших. Весьма примечательными представляются оценки генерал-майора И.И.Исаева – в одном из донесений главнокомандующему русской Дунайской армией, участнику войн елизаветинской и екатерининской эпох генерал-фельдмаршалу А.А.Прозоровскому в феврале 1808 г. он писал, что каждый комендант⁴ «имеет своих телохранителей, готовых защищать господина своего и против Черного Георгия, почему тот обязан уважать богатство и слушать их советы».

Нельзя не сказать и о непростом характере самого Карагеоргия, о чем неоднократно упоминали его современники. Нередкие перемены в его настроении оказывали негативное влияние на контакты с российскими представителями. Будучи от природы человеком вспыльчивым, он тяжело переживал военные неудачи (хотя за свои победы на поле брани заслужил высокой оценки самого Наполеона, которому докладывали о его храбрости). И тогда не стеснялся в бурном порыве выражать недовольство в т.ч. действиями России, упрекая ее за недостаточную поддержку сербов. Подобные приступы гнева, по-видимому, имели вполне прикладную задачу – сохранить авторитет в глазах соратников, перенеся

⁴Руководитель регионального отряда восставших.

на русских разочарование в связи с неудачами в антитурецкой борьбе. Разумеется, это нисколько не способствовало взаимопониманию с представителями царского правительства, как военной, так и дипломатической миссии К.К.Родофиникина (с последним у вождя сербского восстания отношения и вовсе складывались напряженно, об этом ниже). В своих донесениях они не щадили Черного Георгия. Учитывая имевшие место контакты восставших с австрийскими представителями и работу французской агентуры⁵ в регионе, эти оценки подчас не были лишены подозрений в политическом двурушничестве лидера сербского восстания и его закулисных переговорах за спиной Санкт-Петербурга.

Одним из стабильно сложных моментов в отношениях царского правительства с восставшими оставался вопрос об оказании им материально-технической помощи. Находившиеся в действительно непростом положении сербы, настойчиво требовали все новых поставок оружия, боеприпасов и выделения финансовых средств. Вместе с тем об истинных размерах поступавшей из России помощи многие руководители восстания (даже из «ближнего круга» Черного Георгия) имели лишь общее представление. Находившимся при Карагеоргии или контактировавшим с ним представителям России приходилось терпеливо объяснять ему все сложности, с которыми сталкивалась сама русская армия в условиях растянутости коммуникаций, а также параллельно ужесточать контроль над поставками боеприпасов и финансовыми средствами, выделяемыми Сербии.

Важно упомянуть, что на определенных этапах сербского восстания часть предназначенной сербам помощи по их ходатайству и с согласия России отправлялась черногорцам, оказывавшим в 1805–1807 гг. в регионе Боко-Которского залива поддержку эскадре адмирала Д.Н.Сенявина (известна как «Вторая архипелагская экспедиция», была отозвана после заключения Тильзитского мира). С началом войны с Турцией она вела борьбу на два фронта – против французов на Адриатике и против турок в акватории Эгейского моря. Даже в этих условиях русскому флоту удавалось достаточно успешно не только сдерживать французское продвижение в южной Далмации и Боко-Которской, но и угрожать Константинополю. Тот факт, что славянское население региона обратилось с просьбой о принятии в подданство России, на наш взгляд, наглядно демонстрирует его восприятие нашей страны, сохранившееся, несмотря

⁵ В АВПРИ, в частности, сохранились подробные материалы о т.н. «деле купца Корадина», которые дают некоторое представление о методах французской «тайной войны» в тот период.

на все искусственные попытки извне его изменить, до сих пор. На территории современной Черногории, к слову, остались отдельные следы российского присутствия в те годы, в т. ч. непродолжительной работы (1804–1806) открытого по указу Александра I в г. Которе консульства.

В окружении Карагеоргия на фоне военных успехов Франции, однако, росли опасения относительно того, что Сербия может столкнуться с несколькими угрозами по мере дальнейшего продвижения наполеоновских войск на Балканах: присоединение ее территории к Французской империи (проводимая Наполеоном политика в отношении европейских народов вряд ли давала повод кому-либо всерьез надеяться на то, что французы с пониманием отнесутся к национально-освободительным устремлениям сербов), либо к Австрии (особенно после того, как французский император породнился с венским двором⁶); не исключали восставшие и возвращения страны под власть Порты в результате неких политических «разменов» между турками и Наполеоном с последующим проведением против нее масштабной карательной операции и ликвидацией даже тех привилегий, которые сербы имели прежде.

После заключения Слободзейского перемирия (соглашение было весьма непрочным, однако на практике все же соблюдалось) положение еще более усугубилось. В Санкт-Петербурге условиями договора были недовольны, в частности, потому, что предполагалось, что русская армия будет выведена из Дунайских княжеств. Касательно же сербов турки обязались не осуществлять репрессий в отношении участников восстания – соответствующие заверения были получены через французского посла Себастиани. Главнокомандующий Дунайской армией А.А.Прозоровский советовал восставшим укреплять оборону границ и обещал им в случае необходимости всемерную поддержку России. Русским представителям стоило немалых усилий объяснить мотивы царского правительства, пытаясь унять эмоциональное возмущение инсургентов, а впоследствии, уже после прекращения перемирия в марте 1809 г., побудить их продолжать военные действия в координации с Дунайской армией.

Неудачное продолжение Россией турецкой кампании при осаде Браилова весной 1809 г. спровоцировало череду весьма болезненных поражений сербов. Туркам удалось значительно продвинуться вглубь Белградского пашалыка, что серьезно надломило боевой дух восставших. В одной только легендарной Чегарской битве у Ниша в конце мая 1809 г. погибло не менее 4 тыс. повстанцев, а само сражение вошло в сербский

⁶ Имеется в виду брак Наполеона с дочерью австрийского императора Франца I Марией-Луизой в марте 1810 г.

национальный эпос. Пожалуй, весьма точно описал настроения восставших направленный в Сербию с задачей по формированию отряда добровольцев («сербских казаков») русский генерал-майор Е.Г.Цукато. В своем рапорте командующему Дунайской армией Н.М.Каменскому 20 апреля 1810 г. он писал: «...закрываю я, что дела сербов в критическом положении находятся... кажется, что потери ими, ранее понесенные, отняли у народа дух бодрости до того, что не полагается он уже на старейшин своих, *кои со своей стороны сваливают на сих несчастных последствия собственной ненависти, раздоров и взаимных измен*⁷...народ видит свою слабость и отказывается теперь большей частью подымать оружие и, кажется, не согласится к тому иначе, *как только прибудет в Сербию корпус русских войск для поддержания их усилий*». Предупреждая начальство, генерал добавлял: «Сие неприятное расположение народа колеблет начальников, которые со своей стороны волнуются между страхом и амбицией, начиная без разбора обращаться то к французам, то к австрийцам и предаются друг на друга крайностям взаимных подозрений и личной ненависти» [9, оп.560, л. 120].

К началу 1811 г. отношения России и Франции настолько обострились, что всем стала очевидна перспектива близкой войны между ними. К явному беспокойству сербов рост напряженности между Санкт-Петербургом и Парижем оказывал непосредственное влияние на ход боевых действий против турок на Балканах – так, для усиления группировки на западных границах империи Александр I приказал главнокомандующему (на тот момент уже пятому по счету с начала войны) Дунайской армией Н.М.Каменскому выделить пять дивизий, отправив их за Днестр, а с остальными войсками ограничиться обороной занятых в регионе крепостей. Тем самым численность русской армии на Дунае уменьшилась практически вдвое, составив чуть более 45 тыс. чел. Им противостояла турецкая группировка в 70 тыс. чел. Командующему армией предписывалось поспешить с заключением мира, но с непременным условием признания границы по реке Дунай. Уже в марте 1811 г. эта непростая миссия, требовавшая дипломатических талантов не меньше, чем военного искусства, была доверена будущему победителю Наполеона генералу от инфантерии М.И.Голенищеву-Кутузову, сменившему тяжело (как оказалось впоследствии, смертельно) заболевшего Н.М.Каменского.

В некоторых письмах вождя сербского восстания в тот период подчас можно уловить ноты отчаяния – под влиянием своего окружения он все

⁷Курсив автора.

более впадал в мрачное расположение духа и попеременно опасался то неминуемого французского вторжения, то австрийской оккупации, а то и (пророчески) предвидел кровавую турецкую резню сербов. В отдельных бумагах усиливаются ранее проскальзывавшие сомнения в военном успехе русской армии. Так, обращаясь к своим «доверенным лицам» в Бухаресте еще зимой 1810 г. он, по-видимому, с умыслом, осознавая, что эта информация дойдет до Санкт-Петербурга, напрямую задается вопросом – сможет ли русская армия удержаться в Валахии и Молдавии. Можно только представить, скольких усилий требовалось состоявшим при нем представителям, чтобы развеивать эти опасения. «Брожения умов» в рядах восставших самым активным образом продолжали использовать в своих интересах Австрия и Франция.

О первой российской дипломатической миссии в Сербии в годы Первого сербского восстания

Обозначившееся соперничество великих держав за влияние в Сербии по мере расширения антитурецкого восстания ставило задачу

направления российского политического представителя к Карагеоргию. Подбирая кандидатуру дипломатического агента (на первых порах при действующей на Дунае армии), в Санкт-Петербурге остановились на чиновнике Азиатского департамента МИД действительном статском советнике К.К.Родофиникине (греческого происхождения), у которого уже был похожий опыт. Прежде он состоял при 1-й Подольской армии в ходе участия России в третьей антифранцузской коалиции, а в битве при Аустерлице находился для исполнения поручений при императоре Александре I. Предполагалось, что имевший представления о национальном, политическом и конфессиональном положении на Балканах грек (тут стоит оговориться, что К.К.Родофиникин был в третьем поколении российским подданным) сможет разобраться в хитросплетениях внутрисербской политики. При этом, по-видимому, подходящим в рамках существовавшей в Российской империи чиновничьей иерархии («Табели о рангах») оказался и его чин – достаточный, чтобы продемонстрировать уважение и особое внимание царской администрации к делам сербов, не акцентируя при этом чрезмерно статус его миссии, что могло бы осложнить отношения с другими европейскими игроками, а также, в случае неудачи, привести к ненужным издержкам для репутации России.

В Сербии кандидатура российского представителя, однако, особого одобрения не вызвала прежде всего по причине его греческого происхо-

ждения. Среди простых сербов (впрочем, как и у некоторых других балканских народов) тогда преобладало настороженное отношение к грекам, а точнее, к грекам-фанариотам, которых рассматривали едва ли не как коллаборационистов из-за их лояльности к туркам. Не устраивала лидеров сербского восстания и установившаяся в соседних Дунайских княжествах модель управления, при которой молдаване и валахи были лишены права на самостоятельное избрание собственных правителей, которыми с 1711 г. бессменно становились (точнее, назначались султаном) греки-фанариоты. По этой причине одним из требований упомянутого «Ичкова мира» было согласие султанского правительства на то, чтобы Сербию возглавил этнический серб.

Информация о сомнениях сербской стороны относительно кандидатуры российского представителя с некоторой задержкой поступила в Санкт-Петербург. Уже утвержденное назначение пересматривать, однако, не стали. Не обошлось, правда, без слухов о том, что К.К. Родофиникин якобы подкупил окружение Карагеоргия для того, чтобы поспособствовать в утверждении своего назначения. Надо сказать, что подозрительность Карагеоргия к грекам сохранялась на протяжении почти всего восстания. С поражением Первого сербского восстания отношение к грекам остро нуждавшегося в союзниках Карагеоргия изменилось. Уже находясь в изгнании в Бессарабии, в 1817 г. он вступил в тайное общество борцов за греческую независимость «Фелики Этерия», выразив согласие начать новое сербское восстание синхронно с греческим.

Эти настроения Черного Георгия во многом были вызваны его натянутыми отношениями с белградским митрополитом Леонтием (грек-фанариот), которого современники упрекали за выжидательную позицию на начальном этапе антитурецкой борьбы. Впоследствии владыка весьма сблизился с прибывшим в Белград российским представителем. Их совместный отъезд из Сербии в августе 1809 г. (который многие, включая самого Карагеоргия, тогда восприняли как бегство) способствовал возникновению среди сербов мифа о т. н. фанариотском заговоре против Первого сербского восстания.

Стоявшие перед первым российским дипломатическим представителем в Сербии задачи были разнообразны и многочисленны. Помимо традиционного отслеживания внутривосточной ситуации и, как бы сегодня сказали, информационно-разъяснительной работы среди руководителей восстания (в царских инструкциях это было сформулировано так: «...укреплять надежды первых людей народных в силу высочайшего покровительства народа российского над сербским») К.К. Родо-

финикин должен был решать и сугубо прикладные задачи военного времени – в частности, собирать сведения о численности местного населения, способного в случае необходимости быть призванным под ружье. Согласно планам тогдашнего главнокомандующего Дунайской армией И.И. Михельсона, сербские повстанцы к тому же должны были стать связующим звеном в контактах России с черногорцами в Санкт-Петербурге. В связи с этим видится справедливой оценка сербского исследователя М. Йовановича, который, комментируя цели миссии К.К. Родофиникина, заметил, что со стороны России «дискурс, в котором рассматривались сербское восстание и предполагаемая роль Сербии в дальнейшей российской политике на Балканах был широким и всеохватывающим» [5]. В рамках настоящей работы мы остановимся лишь на некоторых, на наш взгляд, наиболее примечательных аспектах.

По приезде в Белград в начале августа 1807 г. (некоторая заминка была вызвана необходимостью дождаться в сербско-валахском приграничье подтверждения/уточнения имевшихся инструкций из Санкт-Петербурга после заключения Тильзитского мира) К.К. Родофиникин приступил к активной деятельности. Однако общий фон для начала миссии первого российского дипломатического представителя в Сербии был неблагоприятный – помимо недовольства заключением Слободзейского перемирия по Белградскому пашалыку поползли слухи (видимо, «заботливо» пущенные агентурой одной из заинтересованных европейских стран) о том, что турки «продали» всю его территорию Австрии в счет долга, причем активное участие в этой сделке, мол, приняли именно греки [2, 35–36]. Заключение Тильзитского мира между Россией и Францией, войска которой стояли фактически на пороге Сербии, само по себе, разумеется, не вселяло в восставших оптимизм.

Не сложились и личные контакты российского представителя с Карагеоргием, а также большинством его приближенных. Будучи по происхождению пусть из небогатого, но дворянского рода, К.К. Родофиникин не разделял увлечений так до конца и не овладевшего грамотой вождя сербского восстания (о чем тот, кстати, сожалел всю жизнь – в отечественных архивах сохранились его по-человечески трогательные обращения к российской стороне с просьбой о содействии в обучении молодого поколения сербов, в т. ч. собственных детей) и, судя по его донесениям, не понимал глубинных причин крутого нрава Черного Георгия, который соответствовал духу его эпохи⁸. Между тем вождь сербского восстания,

⁸ Рельефно отдельные идейно-философские основы сербского восстания и роль личности Карагеоргия в нем описаны в упомянутой выше работе М.В. Белова [1]

как представляется, умело улавливал звук камертона души народа, поддержка которого, по сути, и давала ему возможность удерживать власть (и в известной степени сохранять жизнь, что показало развитие событий после поражения Первого сербского восстания). Достаточно сдержанный российский представитель, по-видимому, тяготился (хотя по долгу службы и принимал в ней участие) той кутежно-рисковой жизнью, которую вел стремившийся к единоличной власти Карагеоргий.

Не нравились К.К.Родофиникину и стихийно установившиеся в Сербии порядки, в т. ч. сложившаяся система управления – уже в первом письме главе МИД России А.Я.Будбергу 24 августа 1807 г. он охарактеризовал положение в стране как «хаотическое». Карагеоргий об этих настроениях и оценках российского дипломата знал и платил ему недоверием. А в окружении вождя сербского восстания не раз намекали командующему Дунайской армией, что грек, мол, не справляется с возложенной на него миссией и надо бы его заменить.

К.К.Родофиникин пробыл в Белграде всего два года (с августа 1807 по август 1809 г.), затем формально продолжил исполнять поручения при штабе Дунайской армии. Это был весьма насыщенный событиями период. Одним из важных направлений его деятельности стало оказание помощи сербам в области государственного строительства. Российский дипломат содействовал работе специальной комиссии, состоявшей из членов Правительствующего совета (к слову, к моменту его приезда этот формировавшийся на смешанной основе орган собирался эпизодически), на рассмотрение которой был внесен документ о формировании государственных институтов Сербии под названием «Основание правительства Сербского», известный в историографии также как «проект конституции Родофиникина». В нем в значительной мере копировалась законодательная модель и госустройство Российской империи.

Решение это, однако, не получило поддержки в Санкт-Петербурге (официальной причиной отказа послужило то, что К.К.Родофиникин, мол, не имел полномочий для написания сербской конституции). Однако можно предположить, что ему и здесь выпала участь «громоотвода» – видя недовольство европейских держав усилением позиций России в Сербии, в Санкт-Петербурге, вероятно, не захотели нагнетать ситуацию. Тем более что при российском дворе тогда боролись разные мнения относительно того, какой должна быть дальнейшая политика России в Сербии⁹. Эта работа в целом не прошла даром – прежде всего,

⁹ В итоге возобладала линия относительно нецелесообразности насильственного утверждения в стране нужного России государственного устройства. Признавалось право

хоть как-то были разграничены полномочия между сформировавшимися (пусть и находившимися еще в зачаточном состоянии) ветвями власти молодого сербского государства¹⁰, а отдельные положения «проекта», касавшиеся, в частности, организации суда и армии, были частично реализованы на практике уже в ноябре–декабре 1807 г. Ряд предложений впоследствии войдет в «конституционный акт» Сербии 1811 г.

Однако оказание помощи сербам в области государственного строительства было хоть и несомненно важной, но долгосрочной задачей миссии К.К.Родофиникина. Первоочередное же значение имело обеспечение принятия сербами условий Слободзейского перемирия между Россией и Турцией. Российский представитель принял на себя все недовольство восставших, в подавляющем числе слабо разбиравшихся в военно-политической обстановке того времени. Стоит оговориться, что император Александр I, оставаясь в целом недоволен условиями соглашения с турками, понимал, что оно даст время для перегруппировки сил, учитывая, что «стараниями» Франции Россия на тот момент вела войны практически на всей протяженности своих границ. При этом в Санкт-Петербурге были хорошо осведомлены о внутривнутриполитической нестабильности в Турции, где нельзя было исключать, что новый султан Мустафа IV ввиду шаткости своего положения может вслед за своими предшественниками попытаться выйти на мирное решение конфликта с сербами.

Осенью 1807 г. Порта действительно выразила готовность обсуждать вопрос предоставления Сербии автономии. Посредником в этих переговорах выступил константинопольский патриарх, направивший к Карагеоргию митрополита Авксентия (греческого происхождения). В Белграде тем самым одновременно оказалось трое греков (считая российского представителя), которые, по-видимому, вели себя столь самодостаточно, что спровоцировали поддерживаемые австрийской агентурой слухи о готовящемся «фанариотском заговоре» против Сербии.

Важное значение в рамках миссии К.К.Родофиникина в Сербии имело противодействие антироссийскому влиянию со стороны европейских стран. Свои основные усилия он сосредоточил на нейтрализации проав-

«внутреннего суверенитета» сербского народа. Этот вопрос подробно освещен в работе М.В.Белова «Специфика раннего этапа в становлении новой сербской государственности и роль России». Как отмечает российский исследователь, хотя право сербов на самостоятельное внутреннее управление было закреплено, оно существенно отступало назад от модели «полной автономии», характерной еще для начала восстания.

¹⁰ Митюрин Д.В. «Константин Родофиникин – «русский грек» среди восставших сербов» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://balkanist.ru/konstantin-rodofinikin-russkij-grek-sredi-vosstavshih-serbov> (Дата обращения: 22.10.2023).

стрийской партии. Задача была не из простых – последняя пользовалась поддержкой богатых купцов, проживавших в приграничном с Белградом австрийском Земуне и, по сути, контролировавших поставки из Австрии продовольствия и вооружения восставшим. Странников сближения с Австрией принято ассоциировать с председателем Правительствующего совета Сербии воеводой М. Миловановичем (впоследствии занимал пост премьера и военного министра в правительстве повстанческой Сербии), которому благоволил сам Карагеоргий (да и российский представитель был вынужден признать его способности). Расположение вождя сербского восстания к этому человеку было вызвано его личной храбростью в ходе кампании 1806 г., когда был освобожден крупный город Крушевац.

Ввиду противоречивости сохранившихся архивных свидетельств довольно сложно разобраться в хитросплетениях последовавшего в мае 1808 г. заговора в окружении Карагеоргия. Известно, что еще в конце марта 1808 г. Карагеоргий обратился к главнокомандующему Дунайской армией А. А. Прозоровскому с просьбой направить в Белград русский гарнизон для защиты от австрийской оккупации. Одновременно К. К. Родофиникин сообщил о состоявшемся разговоре с М. Миловановичем, который якобы спрашивал у него совета, как можно устранить Карагеоргия от власти. Выражая собственное мнение, он указал на нецелесообразность такого шага ввиду особой популярности Черного Георгия у народа. Все это проходило на фоне спровоцированных Слободзейским перемирием австрийско-сербских переговоров, которые как раз и курировал М. Милованович. Среди прочего стороны обсуждали установление покровительства Вены над Сербией по модели Военной границы Австрии, отказ от заключения мира с Турцией до освобождения Ниша и ряда других удерживаемых турками сербских областей, бесперебойное снабжение повстанцев продовольствием и боеприпасами.

К. К. Родофиникин сделал все возможное, чтобы информация о попытке переворота дошла до сведения Карагеоргия. После этого его отношения с вождем сербского восстания внешне на некоторое время заметно улучшились. Однако ненадолго – видимо, оба не могли преодолеть накопившиеся друг к другу взаимную неприязнь и недоверие. Влияние российского представителя неуклонно падало – уже к началу 1809 г. большинство важных вопросов Карагеоргий и его ближайшее окружение открыто пытались решать напрямую в переписке с главнокомандующим Дунайской армией. Для того, чтобы как-то исправить ситуацию, «в помощь» К. К. Родофиникину по распоряжению А. А. Прозоровского

был направлен надворный советник Ф.И.Недоба (впоследствии кишиневский знакомый поэта А.С.Пушкина). Грек видимой обиды в адрес начальства, разумеется, не проявил, заметив в письме А.А.Прозоровскому, что прибытие нового сотрудника «обрадовало его до высочайшей степени» [10, ф.ВУА, д. 394, ч.5, л. 251–252 об.].

Стоит отметить, что к истории вокруг «заговора» по смещению Карагеоргия среди исследователей принято относиться критически. Высказываются сомнения относительно того, что М.Милованович, испытывавший неприязнь к К.К.Родофиникину, по своей инициативе мог бы обратиться к нему за советом, тем самым добровольно подставив себя под удар (причем не только в политическом плане, но и в финансовом – он был одним из кураторов поставок оружия и продовольствия из Австрии через земунских купцов).

В связи с этим хотелось бы сделать несколько замечаний. Прежде всего отметим, что о контактах с австрийцами российская сторона в целом была осведомлена достаточно подробно от самих сербов. Даже будучи обеспокоены подписанием русско-турецкого перемирия, восставшие отдавали себе отчет в том, что Санкт-Петербург дает им максимальную «свободу рук» в реализации целей национально-освободительной борьбы, альтернативу которой Вена никогда бы не предложила. Вместе с тем в неспокойной военно-политической обстановке того времени игнорировать соседнюю Австрию сербы просто не могли. Карагеоргий, разумеется, все эти обстоятельства должен был учитывать. В связи с этим не вызывает удивления тот факт, что, казалось бы, совершивший «предательство» М.Милованович в дальнейшем не только не понес наказаний, но и смог сохранить свои позиции, а затем даже породнился с вождем сербского восстания, приняв активное участие во внутриполитической борьбе в Сербии.

Примечательно и дальнейшее развитие событий. Так, 14 мая 1808 г. Правительствующий Совет в письме А.А.Прозоровскому пожаловался на коварство Австрии, готовящейся к насильственному захвату Сербии. В течение двух следующих дней к Белграду были стянуты повстанческие отряды для обороны города от возможного нападения. А уже 18 мая Карагеоргий написал письмо руководителю австрийской делегации, в котором известил о прекращении австрийско-сербских переговоров.

В ходе пребывания в Белграде К.К.Родофиникин продолжил отслеживать политику европейских держав в Сербии. Однако неудачное продолжение боевых действий русской армии против турок в марте 1809 г. все более затрудняло его и без того сложные отношения с Карагеоргием.

В августе 1809 г. К.К.Родофиникин покинул страну вместе с митрополитом Леонтием. Формальным поводом стала необходимость представиться очередному главнокомандующему Дунайской армией П.И.Багратиону. Некоторые из современников-сербов тогда восприняли его отъезд как бегство.

Характеризуя итоги миссии первого российского представителя в Белграде, довольно сложно избежать эмоциональных оценок. Объективному изучению сербского периода его деятельности мешают также искусственно навешанные ярлыки, многие из которых, как представляется, «пристали» к личности К.К.Родофиникина незаслуженно. Его работа в Сербии, разумеется, не была лишена ошибок, в т. ч. вызванных особенностями его личности. Однако можно ли их было избежать, учитывая отсутствие опыта постоянного дипломатического представительства на этом направлении у российской дипломатии? В быстро меняющейся военно-политической обстановке в Европе и турбулентной внутривнутриполитической ситуации в самой Сербии многие решения К.К.Родофиникину приходилось принимать, как бы сегодня сказали, «с колес», нередко они затем корректировались. Однако с главной задачей дипломат справился – были заложены основы российско-сербского политического взаимодействия, в т. ч. в области содействия учреждению институтов молодого сербского государства. Россия стала полноценным фактором внутривнутриполитических процессов в Сербии.

В мае 1812 г. после длительных переговоров был подписан Бухарестский мирный договор, положивший конец затяжной русско-турецкой войне. В ст. 8 содержались положения о внутреннем самоуправлении сербов. Однако в среде восставших не скрывали разочарования, на что неоднократно прямо указывал в письмах своим российским адресатам Карагеоргий. Он выражал сожаление по поводу того, что интересы Сербии якобы были обойдены. Этот нарратив впоследствии надолго задержался в сербской историографии. Объяснить же сербам мотивы принятия этих решений российской стороной не хватало времени – Россия спешно готовилась к нашествию Наполеона.

В Санкт-Петербурге не оставляли попыток дипломатическим путем добиваться от Порты выполнения обязательств в отношении сербов – в частности, за этим внимательно следил посол в Константинополе А.Я.Италинский. В конце 1812 – начале 1813 гг. он предпринял ряд

демаршей в отношении султанского правительства, которые показали, что турки не намерены выполнять свои обязательства по Бухарестскому миру в отношении сербов [11, оп.592. д.2289. л.5–10]. И в этом им на руку были действия самих восставших, которые упрямо отказывались сдавать занятые ими крепости, что «противоречило условиям трактата». В своих донесениях дипломат не исключал, что неконструктивная позиция сербов, грозящая им лобовым столкновением с турками, будет губительна, и не исключал, что на неконструктивную позицию сербов оказывалось влияние извне.

Заграничный поход русской армии 1813–1814 гг. не позволил Александру I сконцентрироваться на оказании поддержки продолжавшим отчаянно бороться сербам. Добиться от Порты исполнения статей Бухарестского мира в тех условиях не представлялось возможным. Отсутствие внешней помощи привело к быстрому поражению Первого сербского восстания от турок.

В итоговых документах Венского конгресса 1815 г. Санкт-Петербургу удалось согласовать совместное заявление великих держав о «моральном оправдании вооруженного выступления сербов» против турецкого произвола. Отечественная дипломатия тонко улавливала антиросийские настроения, постепенно охватывавшие европейские страны по мере того, как отступала угроза со стороны наполеоновской Франции. В этих условиях добиться от вчерашних союзников большего по сербскому вопросу становилось невозможно. В итоге Санкт-Петербург, продолжив оказывать восставшим поддержку, занял более осторожную позицию в отношении начавшегося в апреле 1815 г. Второго сербского восстания, сделав акцент на политико-дипломатических методах.

Библиографический список

1. Белов М.В. Сербская повстанческая государственность и ее идейное обоснование // Двести лет новой сербской государственности: К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. / под ред. В.К.Волкова, СПб.: Алетейя, 2005 г.
2. Грачев В.П. Сербский вопрос в период Слободзейского перемирия (апрель 1807 – апрель 1808 гг.) // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия: сб. науч. ст. / Отв. ред. И.В.Чуркина. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992.
3. Митюрин Д.В. Константин Родофиникин – «русский грек» среди восставших сербов [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://balkanist.ru/konstantin-rodofinikin-russkij-grek-sredi-vosstavshih-serbov/> (Дата обращения: 22.10.2023).
4. Driault E. La politique orientale de Napoléon: Sébastiani et Gardane, 1806–1808. Paris: F.Alcan, 1904.
5. Janković D. Srpska država prvog ustanka. Beograd: Nolit, 1984.
6. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы российского Министерства иностранных дел/ Министерство иностранных дел СССР, Комиссия по изданию дипломатических документов при МИД СССР; Д-р экон. наук А.А.Громыко (пред.) и др. М.: Госполитиздат, 1960.
7. АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе, 1804 г. Оп.541. Д.39.
8. АВПРИ. Ф. Консульство в Яссах, 1804 г., Оп.541. Д.102.
9. АВПРИ. Ф. Из архива главнокомандующего русской Дунайской армией... Оп.560.
10. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА, Д.394.
11. АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1813 г., Оп.592.

Светлана Архипова

**У ИСТОКОВ
КАБИНЕТА ВОСТОКА
ИСТОРИЧЕСКОЙ
БИБЛИОТЕКИ:
К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
ОТКРЫТИЯ**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
02(091)

Статья посвящена организации специализированного научного читального зала Исторической библиотеки – Кабинета Востока и его роли в истории отечественного востоковедения. У истоков Кабинета Востока стояли крупнейшие ученые, по инициативе и замыслу которых он создавался одновременно как информационный центр, читальный зал и клуб для объединения разобщенных востоковедов Москвы. Организация подобного комплексного подразделения в системе публичных библиотек Москвы явилась первым опытом в данном направлении. В статье использованы архивные материалы и фотографии, публикуемые впервые.

The article is devoted to the organization of a specialized scientific reading room of the Historical Library – the Cabinet of the East and its role in the history of Russian Orientalistics. The Cabinet of the East was founded by the largest scientists, on whose initiative and plan it was created simultaneously as an information center, a reading room and a club to unite the disunited orientalists of Moscow. The organization of such an integrated unit in the Moscow public library system was the first experience in this area. The article uses archival materials and photographs published for the first time.

Ключевые слова: история библиотек; история Исторички; организация научных читальных залов; Кабинет Востока; комплексное подразделение; Великая Отечественная война, московское востоковедение; просветительская роль.

Key words: libraries' history; the Historian library's history; scientific reading rooms organization; Cabinet of the East; comprehensive unit; The Great Patriotic War; moscow oriental studies; educational role.

E-mail: teach@shpl.ru

1939 г.

Открытие

История крупнейших библиотек представляет собой одно из актуальных направлений научных исследований на современном этапе (Афанасьев М. Д., Бордаченков И. А., Коваль В. А., Коваль Л. М., Матвеева И. Г., Низовский А. Ю., Шапошников К. А.). Библиотеки на переломных этапах истории, в годы Великой Отечественной войны и перестройки, ответы библиотек на вызовы времени в науке и образовании – эти и многие другие темы привлекают неравнодушных исследователей. Особое место среди публикуемых трудов занимают изучения специализированных библиотек, располагающих информационными ресурсами определенной тематики или области знаний – к их числу относится Историческая библиотека, среди читальных залов которой есть Кабинет Востока, ориентированный на обслуживание востоковедов. В текущем году Кабинету Востока исполняется 85 лет, на протяжении своей истории он неоднократно менял официальное название, но это его единственное, ушедшее в народ, имя сохранилось неизменным на протяжении всего указанного периода.

Читальный зал «Истории стран зарубежного Востока» (впоследствии «Истории стран Азии и Африки»), или, как его сразу стали называть, «Кабинет Востока», открылся 7 марта 1939 г. Идея создания при Историчке специализированной базы для изучения стран Востока принадлежала Игнатию Юлиановичу Крачковскому (1883–1951), который будучи накануне этого времени в Москве, выразил надежду, что Кабинет Востока послужит основной литературной базой для представителей разобщенных на тот момент московских востоковедных центров.

Перед открытием Кабинета сотрудниками библиотеки была проведена большая работа по формированию его подсобного фонда. Из книгохранения Исторички выбирались как целые коллекции (коллекция П. В. Зубова, коллекция А. А. Бобринского), так и отдельные тематические издания [№8, с. 204]. А так как библиотека в то время еще не располагала систематическим и предметным каталогами, приходилось просматривать весь фонд целиком и отбирать книги прямо с полок. Однако костяк изначального подсобного фонда Кабинета составили другие вливания – из библиотеки Коммунистического Университета Трудящихся Востока, откуда поступала актуальная для того времени литература о советизации кавказского и азиатского регионов в 1920-х – 1930-х гг. [№1, с. 85].

Некоторые отдельные издания и даже целые книжные собрания попадали в Кабинет Востока из других городов. Так, Н. К. Крупская, стоявшая

у истоков Исторички и способствовавшая обретению здания в Старосадском переулке, 19 мая 1938 г. писала: «Придется уже с самого начала позаботиться о передаче этой библиотеке (т.е. Историчке. – С.А.) фондов некоторых других библиотек, крайне плохо используемых, так, например, в Казанской университетской библиотеке имеются весьма значительные материалы по истории ряда монгольских народностей и др. народов (эти материалы гораздо лучше могли бы быть использованы в новой Исторической библиотеке)» [№6, VI, с.55].

Торжественная церемония открытия Кабинета Востока состоялась 15 апреля 1939 г. и ее посетило более 80 человек [№8, с.204]. Среди них были представители АН СССР, МГУ, Музея Восточных культур, Восточного отдела Государственной Библиотеки им. Ленина, Исторического музея, Иностранного отдела Верховного совета СССР. На церемонии Кабинету Востока был преподнесен список сборника произведений Абу Хамида аль-Газали («Воскрешение наук о вере» и «Эликсир счастья»), датированный месяцем сафаром 1100 года хиджры (25.11 – 23.12.1688 г.). На первом листе сборника сохранилась памятная карточка с печатью ГПИБ, подписью директора и машинописной надписью «Восточному кабинету Государственной Исторической Библиотеки в дар от Библиотеки Института Востоковедения имени Нариманова в день открытия кабинета. 25.III.39 г.» [№3, с.256]. Эта дата представляет собой загадку: по документам, Кабинет Востока распахнул свои двери для читателей 7 марта, торжественная церемония открытия прошла 15 апреля, а на карточке указано третье число, нигде более не упомянутое! К сожалению, архивные материалы не позволяют прояснить эту разницу.

1939–1941 гг.

Консультанты-востоковеды

Большую помощь в формировании подсобного фонда Кабинета Востока оказывали консультанты – профессиональные востоковеды, в их числе Владимир Александрович Гордлевский и Борис Николаевич Заходер, который впоследствии вступил в Библиотечный совет Исторички [№7, с.133]. Помимо рекомендаций по отбору и описанию специализированной литературы, консультанты читали ознакомительные лекции для библиотечарей об особенностях восточных книг. Вещественной памятью о том периоде стало «кресло Гордлевского», которое служило ученому персональным рабочим местом во время описания фонда и последующих посещений Кабинета в качестве читателя и которое было отреставрировано незадолго до ремонта здания библиотеки в 2013–2018 гг.

Среди консультантов был также японист Иван Петрович Плышевский – он читал лекции о японской письменности и транскрибировании. Но его фигура загадочна: ни в каких справочниках и энциклопедиях это имя не фигурирует. Хроники, которые велись в ГПИБ на протяжении 1950х гг., содержат единственную запись, которая, возможно, относится к этому человеку: «19 мая 1955 г. корреспондент "Правды" И.П.Плышевский поделился с читателями и сотрудниками библиотеки своими впечатлениями о конференции стран Азии и Африки в Бандунге» [№4, X, с. 133]. Однако действительно ли это был тот самый Иван Петрович Плышевский, который описывал для Кабинета Востока японографичную литературу, неизвестно.

Б.Н.Заходер в Кабинете Востока

Работа консультантов оплачивалась, что было совсем не характерно для советских реалий конца 1930-х гг. Во всяком случае, Н.К.Крупская перед открытием Исторички писала: «...нужно предусмотреть в профиле, в положении о штатах и ставках... [что] в штате библиотеки должны быть предусмотрены консультанты-специалисты [по] истории» [№6, VI, с. 56].

Все отобранные книги каталогизировались и классифицировались: на русском и западно-европейских языках в библиотечном Отделе обработки, на турецком, арабском и персидском языках сотрудниками Кабинета Востока под руководством Б.Н.Заходера и В.А.Гордлевского, на японском – под руководством И.П.Плышевского. Издания на китайском языке, за исключением в то время контактов с китаеведами, были обработаны позднее.

**Кабинет Востока
и Московское востоковедение
в предвоенное время**

Здесь нужно сказать несколько слов об общей ситуации в московском востоковедении, сложившемся к концу 1930-х гг., ибо с этим связана дальнейшая судьба Кабинета Востока. В Москве долгое время параллельно существовало несколько востоковедных центров, функционировавших независимых друг от друга. После 1917 г., в связи с изменением политической ситуации, начались попытки реформирования крупнейшего Лазаревского Переднеазиатского института, который в 1919 г. был преобразован сначала в Армянский институт, в следующем 1920 г. – в Центральный Институт Живых Восточных Языков, а в 1921 г. – в Московский институт востоковедения (МИВ), которому в 1925 г. было присвоено имя председателя ЦИК Союза ССР Наримана Наджаф-оглы Нариманова [№2, с.222]. МИВ заканчивали такие известные в последующем специалисты, как японовед Игорь Александрович Латышев (1949), китаевед Лев Петрович Делюсин (1950), арабист и журналист-международник Фарид Мустафьевич Сейфуль-Мулюков (1954). Выпускники получали специальность страноведения, но, по ряду отзывов, теоретические знания преподавались им в недостаточном объеме и их впоследствии приходилось набирать самостоятельно, в ходе практической работы.

Востоковедное сообщество Москвы остро нуждалось в информационном центре, где была бы сосредоточена теоретическая литература для студентов и преподавателей. Выполнение этой задачи взяла на себя Историчка, выделив помещение и фонды для Кабинета Истории Зарубежного Востока. Так как организация подобного комплексного подразделения в системе публичных библиотек Москвы явилась первым опытом в данном направлении, перед организаторами стояли интегративные задачи: создать одновременно профильный читальный зал и специализированную платформу для профессионального общения читателей-востоковедов. Это означало соединение информационного центра с фактором публичности в формате читального зала и клуба. То есть Кабинет Во-

стока изначально был открыт для всех читателей, обладавших соответствующей языковой подготовкой, так как подсобный фонд располагал литературой на многих восточных языках: китайском, корейском, монгольском, арабском, персидском, турецком, малайском, японском, хинди, урду, пенджаби, бенгали, санскрите, хауса, банту, суахили, берберском и др. Направления, по которым велось комплектование, были обусловлены как тематическим планами востоковедных центров, так и общим положением в востоковедении конца 1930-х гг., что позволяло расширить профиль комплектования.

Востоковедение к тому времени еще не дифференцировалось, и социальная история не была отделена от филологии, экономики, философии и др. наук, особенно в области древности и средневековья, выступая как единый комплекс. Востоковеды не имели узкой специализации и совмещали в одном лице историка, филолога, этнографа, лингвиста, археолога, религиоведа, искусствоведа, каллиграфа, а нередко занимаясь также политической и религиозной деятельностью. Например, автор «Восточных мотивов» В.В.Розанов (1856–1919) позиционировал себя последовательно (а иногда и одновременно) как активного монархиста, черносотенца и социал-демократа. Китаист А.Н.Вознесенский считался «одним из столпов» комиссариата иностранных дел (НКВД). Известные священники Аввакум (Дмитрий Честнов) и Иннокентий Серышев, архимандриты Палладий (Кафаров) и Иакинф (Бичурин), а также востоковед-журналист Алексей Павлович Хионин, являвшийся выпускником духовной семинарии в Астрахани, внесли неоценимый вклад в отечественную науку о Востоке.

Нередко востоковеды параллельно работали в иных сферах, занимаясь публицистикой, журналистикой, литературой и даже библиотечным делом. Например, в Ленинграде В.В.Бартольд некоторое время являлся сотрудником и консультантом Публичной библиотеки, И.Ю.Крачковский с 1944 г. состоял членом ее Ученого Совета, а А.Я.Гаркави (1839–1919) с 1872 г. до конца жизни прослужил в ней штатным библиотекарем. В Москве ученица И.Ю.Крачковского арабист Х.И.Кильберг возглавляла Отдел библиографии, а позднее стала заместителем директора Исторической библиотеки.

Заметки о Корее в петербургской газете «Новое время» под псевдонимом Сигма публиковал журналист-востоковед С.Н.Сыромятников [№ 11, с. 52–53]. А в послевоенное время известный писатель-публицист В.В.Овчинников считался одним из ведущих специалистов по Японии и Китаю. Арабист В.А.Эберман издал стихотворный сборник «Венок

сонетов», а профессор МГУ египтолог В.И.Авдиев с ранней юности и на протяжении всей жизни писал стихи в духе Серебряного века. Эта специфика многогранности отразилась в наполнении подсобного фонда Кабинета Востока, где была представлена литература не только на разных языках, но и значительно более широкого профиля, чем в подсобных фондах других читальных залов.

**И. Ю. Крачковский. Эвакуация
в Москву в 1943–1944 гг.**

Отдельное место в истории Кабинета Востока занимает период 1943–1946 гг., когда многие ленинградские востоковеды оказались

в эвакуации в Москве. В это время судьба Кабинета особенно тесно соединилась с судьбой московского востоковедения. По свидетельству сотрудницы Кабинета Востока и ученого секретаря Исторички М.Д.Мериакри, сохранившемуся в архиве ГПИБ, «в годы войны Кабинет Востока был как бы центром востоковедения в Москве. Здесь проводились встречи с учеными (И.Ю.Крачковский, В.А.Гордлевский, Варшавский). Сюда приходили наши преподаватели (преподаватели МГУ. – С.А.), которые нас здесь консультировали, используя фонд зала и библиотеки. В зале занимались и ученые, и студенты, а сотрудники С.А.Лыкова и Р.А.Гекфорд своим теплым и внимательным отношением помогали всем читателям без различия чинов» [№5, с.152–153]. Что же влекло людей в эти стены в самые тяжелые военные годы?

Центральной фигурой среди оказавшихся в Москве ленинградцев безусловно являлся И.Ю.Крачковский, и архивы свидетельствуют о его ключевой роли в научной жизни и истории Кабинета Востока тех лет. Зимой 1941–1942 гг. он провел в блокадном Ленинграде, а в конце июля 1942 г. с большей частью сотрудников ИВ АН СССР был эвакуирован в Ташкент.

Пережив блокадный голод и болезни, он считал, что возврат к научной работе для него возможен только в Москве [№10, с.115]. В конце 1942 – начале 1943 гг. в столицу устремились многие из рассеянных войной по разным городам востоковедов. Это объяснялось удобными условиями для научной работы, которые сложились благодаря не прекращавшейся работе крупнейших библиотек, Ленинки и Исторички. Москвичи мечтали вернуться домой, а ленинградцы – выбраться поближе к библиотечным фондам и архивам. На фоне этой тенденции Н.В.Пигулевская (1894–1970) обратилась к Крачковскому с инициативой временного перевода всего Института востоковедения из Ленинграда в Москву:

С.А.Лыкова и И.Ю.Крачковский в Кабинете Востока (фотография публикуется впервые)

«В Ташкенте или Казани невозможно создать востоковедный центр, это все понятно... Надо было, конечно, весь Институт направить в Москву, и было бы совсем другое дело» [№10, с. 116],— писала она 30 октября 1942 г. Из Ярославля похожие идеи высказывал Б.Н.Заходер: «...м. б. в Москве будет организовано что-либо востоковедное» [№10, с. 115].

Однако Крачковский инициативу коллег не поддержал: «Неясно для меня, что разуметь под "научно-исследовательским центром в Москве"? Некую параллель к Институту востоковедения? Едва ли это целесообразно, хотя бы многие здесь были бы рады, главным образом с целью подорвать ИВ. Если бы "центр" возник, во главе его стали бы не те, кого Вы имеете в виду, а здешние деятели, мечтающие создать себе на востоковедении карьеру» [№10, с. 117], — писал он Н.В.Пигулевой 12 мая 1943 г.

Участники переписки долго оставались каждый на своей позиции, но в первых числах октября 1943 г. в Москве все же состоялось совещание по вопросам востоковедения, организованное Отделением Истории и Философии и Отделением Литературы и Языка АН СССР. Выступая на этом совещании, Крачковский отметил распыленность востоковедных сил и высказался за создание при Бюро Отделением Литературы и Языка АН СССР особой группы или ячейки востоковедов, главной задачей которой должно было стать научное объединение востоковедов Москвы [№10, с. 118]. 23 октября 1943 г. была утверждена Московская группа ИВ

АН СССР, а 28 декабря 1943 г. решением Президиума АН СССР она была включена в структуру Отделения Литературы и Языка АН СССР и объявлена филиалом ИВ АН СССР (Ленинград), с которым должна была согласовывать планы своих научных исследований. Группа получила свою смету и штатное расписание. Ее председателем был назначен И.Ю.Крачковский, который сформулировал идею нового подразделения следующим образом: «Я думаю, этой группе, этой ячейке... нужно устраивать соответствующие заседания с востоковедными делами и использовать опыт, который был у Института востоковедения в Средней Азии в смысле опубликования отдельных популярных брошюр» [№10, с. 118]. При формировании группы ее задачи были определены таким образом, что это предполагало вспомогательную роль по отношению к Ленинградскому Институту востоковедения (ИВ АН СССР): «заслушивание и обсуждение научных докладов о плановых и внеплановых научных работах членов группы; содействие находящимся вне ИВ АН СССР московским востоковедам путем предоставления им возможности обсуждать свои научные работы на заседаниях группы; участие в руководстве работой московской части аспирантов ИВ АН СССР; возможное содействие находящемуся в эвакуации в Ташкенте Институту путем выполнения его поручений, предоставления ему научных материалов и сведений, а также подготовки организационных мероприятий по изданию востоковедной литературы» [№10, с. 119].

Существование Московской группы облегчало ленинградскому ИВ АН СССР непосредственную связь с руководством Академии наук и правительственными органами. Однако И.Ю.Крачковский сетовал на бюрократизацию, с которой в тех условиях ничего нельзя было поделать: «До сих пор не могу прийти в норму от бесчисленных заседаний или мелких писаний, которые заполняют все время... Московская группа Института востоковедения... сразу задушила мелкими и для меня достаточно противными делами: и карточки, и аспирантские планы, и зарплата, и прописки... Пока не было "группы", люди как-то устраивались, а как она появилась, стараются все это с ней связать. В результате на это уходит больше усилий, чем на организацию научного "руководства"... Группа меня все больше удручает, т.к. научная работа совершенно задавливается сотней мелочей штатно-карточно-копеечного порядка, около которых развиваются всякие мелкие страсти и жалобы друг на друга. Создать настоящее деловое бюро так и не удастся» [№10, с. 120]. Он ни на чем не мог сосредоточиться и даже подавал заявление об увольнении, считая, что перестал быть полезен родному Институту востоковедения АН СССР [№10, с. 116].

1943–1947 гг.

**Просветительская работа
в Кабинете Востока**

Оставаясь в Москве, И. Ю. Крачковский не мог полностью отдаться работе и спасение от административной рутины находил в практике «мелких сообщений», которые читались и обсуждались в Кабинете Востока. В это время он развернул в стенах Исторички активную просветительскую работу. От тех времен сохранилась «Папка И. Ю. Крачковского», где собраны оттиски и наброски, подаренные автором. Среди них имеется уникальная «Краткая запись лекций акад. И. Ю. Крачковского, прочитанных в мае-июне месяце 1943 г. в Кабинете Востока Гос. Публичной исторической библиотеки в изложении студента МГУ А. Подольского» (с исправлениями, внесенными Крачковским 15.II.1944 г.)¹. Машинописный двусторонний документ состоит из восемнадцати страниц, содержащих краткий конспект девяти лекций (шестая отсутствует), с карандашными и чернильными пометками в тексте и на полях. Первые четыре лекции не имеют заглавия, пятая называлась «Историческая и географическая литература», седьмая – «Художественная проза», восьмая – «Арабская литература в период турецкого владычества», девятая – «Современная арабская литература». Если говорить только о жанрах, то среди них представлены, пожалуй, все основные направления арабской литературы: доисламская поэзия, касыда с ее трехчастной композицией (насиб, васф и касд), риса и марсийя (воспевание и оплакивание умершего), хиджа (поношение врага), айям аль-араб (сказания о «днях арабов», т. е. о деяниях предков), хатыб (ораторская речь), саджа (изречения жрецов-гадателей кахинов), Коран как памятник художественной прозы, сунны и хадисы, ыльм аль-риджаль (деятельность правителей и их предков), маулиды (рассказы о рождении Мухаммеда), жанр государственной хроники (описание войн и походов), кысса (светская занимательная литература), макамы (сборники новелл), хутба (проповеди), рисале (деловая литература и инструкции), адаба (хрестоматии, антологии), пр.

В августе 1944 г. Крачковский возвращается в Ленинград, но сохраняет за собой должность председателя Московской Группы ИВ АН СССР и связь с Историчкой. 19 января 1946 г. в Москве в рамках Китайской сессии Московской Группы ИВ АН СССР на совместном заседании с Государственной Публичной Исторической Библиотекой Крачковский читает новые главы для второго издания своей книги «Над арабскими рукописями». После обсуждения его рассказа о работе над книгой в годы войны он зачитывает циклы очерков «Тени предков» и «Арабские писатели и русский арабист». Затем заместитель директора Госу-

¹ Папка И. Ю. Крачковского. №31. (Не в фонде.)

дарственной Публичной Исторической Библиотеки РСФСР С.В. Чекрыжев делится с присутствующими своими воспоминаниями об участии И.Ю. Крачковского в организации Кабинета Востока и чтении автором в 1939 г. в Кабинете первых фрагментов этой книги [№ 10, с. 127]. Серия выступлений известного ученого в Москве получила название «московские премьеры», и сам автор отзывался о них тепло: «...в Москве меня всегда слушали внимательнее, чем здесь» [№ 10, с. 127].

После 1946 г. Игнатий Юлианович не прерывал практику «мелких собраний» в Кабинете Востока. На одной такой лекции, состоявшейся осенью 1947 г., присутствовала Зулиф Айсовна Намитокова (1928–2013), в ту пору студентка, а впоследствии ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М.Горького (ИМЛИ РАН), специалист по литературе Египта, Судана, Туниса и Сирии. Она вспоминала: «Небольшой Восточный зал Исторической библиотеки, где ждал нас Игнатий Юлианович, был заполнен примерно наполовину, но среди прибывших были и студенты-филологи, и историки, и слушатели Института иностранных языков Советской Армии. Игнатий Юлианович сидел за небольшим столиком в углу зала; мягкий свет настольной лампы освещал его благородный облик – запоминались внимательные глаза, спокойный взгляд, белая окладистая борода, элегантный синий костюм... Удивляла и стройная стать, и молодость красивого, негромкого голоса, и ясность выражения мысли... Содержание беседы академика с нами – студентами – касалось общих вопросов востоковедения, проблем, которые стояли перед этой, уже ставшей традиционной областью русской науки: она таила в себе еще немало открытий и ждала приложения молодых научных сил... Он лишь настойчиво внушал нам, что никакие тяжелые обстоятельства не должны сломить необходимого нам стремления к максимальному постижению всех разносторонних на выбранном пути знаний, если уж мы связали свою будущую судьбу с этой далеко не простой областью науки, и что только самостоятельный опыт способен принести здесь нам ощутимый успех. Это запомнилось» [№ 9, с. 111–112].

Таким образом, период с 1939 по 1947 гг. стал начальным и определяющим в становлении Кабинета Востока как профильного читального зала и специализированной платформы для межкоммуникационных отношений востоковедов, от студентов до профессоров. Соединение информационного центра с фактором публичности в формате читального зала и клуба, где собиралась и обсуждалась литература для преподавателей и студентов, явилось первым опытом формирования комплексного читального зала, ориентированного на обслуживание, главным образом,

молодых специалистов, впоследствии составивших цвет советской науки. Создание Кабинета Востока способствовало взаимодействию разрозненных московских востоковедных центров и укреплению их профессиональных связей со специалистами из Ленинграда и других городов.

Библиографический список

1. Бенева Р.Е. Московские библиотеки: [Очерки] / Брискман Т.Я., Ермолаева М.А., Кол.авт. Российская государственная библиотека (РГБ). М.: Муравей, Профиздат – «Отечество», 1999. 174 с.
2. Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский Институт – Московский институт востоковедения – МГИМО / Л.Б.Алаев, А.Н.Алексахин, Е.В.Воевода и др.; отв. ред.: А.В.Торкунов. М.: Аспект Пресс, 2015. 381 с.
3. Зайцев И.В. Арабские, персидские и тюркские рукописи и документы московских собраний: итоги и перспективы изучения (опыт справочно-библиографического указателя) // Письменные памятники Востока. 2007. Вып.2 (7). М.: Изд.фирма «Восточная литература», 2007. С.252–278.
4. Записки Государственной публичной исторической библиотеки. Вып.1–14. М., 1950–1957.
5. Историческая библиотека в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов / авт.-сост. К.А.Шапошников; науч.ред. М.Д.Афанасьев; Гос. публ. ист. б-ка России. М.: Изд-во Государственной публичной исторической библиотеки России (ГПИБ), 2015. 337 с., [8] л.ил.
6. Крупская Н.К. О библиотечном деле: Сб. тр. Т.1–VI. 1918–1939. М.: Издательство «Книжная палата», 1982–1987.
7. Кулагина Л.М. Борис Николаевич Заходер (1898–1960) // Портреты историков. Т.3: Древний мир и Средние века / отв. ред. Севостьянов Г.Н., Маринович Л.П., Мильская Л.Т. М.: Наука, 2004. С.407–418.
8. Лыкова С.А. Кабинет истории стран зарубежного Востока // Государственная публичная историческая библиотека: Сб. ст. (из опыта работы за 20 лет). М.: Государственная публичная историческая б-ка, 1958. С.203–218.
9. Намитокова З.А. Воспоминания о лекции И.Ю.Крачковского в Исторической библиотеке // ALTAICA VI. Сборник статей и материалов. М.: Институт востоковедения РАН, 2002. С.111–113.
10. Тамазишвили А.О. Академик И.Ю.Крачковский в Московской группе Института востоковедения АН СССР // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. [Вып. 1]. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. С.115–136.
11. Хохлов А.Н. Журналист-востоковед С.Н.Сыромятников и его материалы о Корее конца XIX – начала XX века // Восточный Архив. 2006. №14–15. С.52–64.

РОССИЯ В МИРЕ

Все слагается в историю,
и все в ней разлагается.

Станислав Ежи Лец

РОССИЯ XXI 1.2024

Историк – это вспять
обращенный пророк.

Фридрих Шлегель

Михаил Ковалев,
Виктория Груздинская,
Агтила Шереш

**ВЕНГЕРСКИЙ ИСТОРИК
ЙОЖЕФ ПЕРЕНИ
И СОВЕТСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
НАУКА***

УДК
94 (3)(091)

Статья посвящена осмыслению опыта контактов и взаимодействия крупнейшего венгерского историка-русиста профессора Йозефа Перени (1915–1981) с советскими коллегами. В статье показана эволюция его восприятия официальной советской историографии: от очарования после Второй мировой войны до попыток преодолеть границы официального советского нарратива в 1960–1970-е гг. В статье рассмотрены контакты Й.Перени с Б.Д.Грековым, А.Л.Сидоровым, М.Н.Тихомировым, Т.М.Исламовым. В эту канву контактов также вплетены взаимоотношения с русским историком-эмигрантом А.В.Флоровским.

The article is devoted to contacts and interaction between Professor Pérenyi József (1915–1981), the eminent Hungarian specialist in Russian History, and his Soviet colleagues. The evolution of his perception of official Soviet historiography: from fascination after World War II to attempts to overcome the boundaries of the official Soviet narrative in the 1960s and 1970s. are analyzed. In this article the contacts of J.Pérenyi with B.D.Grekov, A.L.Sidorov, M.N.Tikhomirov, T.M.Islamov are studied. The contacts with the A.V.Florovsky, a Russian émigré historian from Prague, were woven into this context.

Ключевые слова: Й.Перени; советская историческая наука; венгерская историография; советизация; советско-венгерские научные связи; Б.Д.Греков; А.В.Флоровский.

Key words: J.Pérenyi; Soviet historical science; Hungarian historiography; Sovietization; Soviet-Hungarian scientific relations; B.D.Grekov; A.V.Florovsky.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru; vik11910314@yandex.ru; seres.attila75@gmail.com

* Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 21-59-23002: «Советско-венгерские научные связи в сфере гуманитарных наук: каналы коммуникаций, интеллектуальное присутствие, трансфер идей (1945–1991)». Авторы благодарят за ценные консультации в ходе работы над текстом А.С.Стыкалина (Институт славяноведения РАН) и Д.Свака (Будапештский университет).

В последнее время сложный и противоречивый опыт взаимодействия советской историографии с национальными историографиями стран Восточной Европы во второй половине XX в. обретает все больший интерес. Эти сюжеты становятся предметом не только мемуарных, публицистических, но и академических рефлексий [20–23; 30; 32–34; 42; 46–47; 52]. Наука, в том числе историческая, всегда выступает как пространство взаимодействия. Отсюда вытекает важность изучения ее коммуникативного аспекта. Научные коммуникации между советскими историками и историками Восточной Европы имели различные проявления, отражая особенности межличностного и группового взаимодействия отдельных ученых и научных школ, научных организаций, и одновременно фиксировали перипетии внешней и внутренней политики. Современные исследования советской историографии нередко фокусируются на больших обобщениях, на формах конструирования, презентации и экспансии нарратива [28]. Такой подход, вне всякого сомнения, имеет право на существование. В то же время, когда мы говорим об опыте взаимодействия советского исторического нарратива с нарративами Восточной Европы в 1940–1980-е гг., крайне важно и даже необходимо анализировать эти процессы сквозь призму биографических исследований. В частности, следует понять, как отдельные представители национальных историографий, в особенности связанные с изучением российского прошлого, взаимодействовали с советскими коллегами, как воспринимали они образ советской науки и как (не)воздействовал на них официальный нарратив. В этом ключе продуктивным представляется обращение к фигуре профессора Йожефа Перени (Pegényi József; 1915–1981) – одного из ключевых венгерских специалистов второй половины XX в. по истории России и Восточной Европы.

Й. Перени был воспитанником Будапештского университета и учеником знаменитого венгерского историка Имре Сентпетери (Szentpéteri Imre; 1878–1950), под руководством которого писал докторскую диссертацию о влиянии французской дипломатики на венгерскую [68]. В 1938 г. он был направлен в Париж для учебы в знаменитой Национальной школе хартий. Там, помимо архивных штудий, Й. Перени увлекся Россией и ее историей, выучил русский язык в Школе живых восточных языков¹. Впрочем, когда он вернулся на Родину, места работы, соответствовавшего его квалификации, найти не удалось.

¹ Можно допустить, что интерес к России возник под влиянием эмигрантской среды «русского Парижа».

Некоторое время Й. Перени работал учителем, пока в 1939 г. не сумел устроиться представителем венгерской компании «Ганц» в Стамбуле. Помимо коммерческой деятельности, он занимался историей и культурой Турции, выучил турецкий язык. Можно сказать, Й. Перени повезло, что наиболее страшные годы Второй мировой войны он провел на берегах Босфора, и что был призван в армию уже под конец боевых действий. Об этом периоде жизни историка известно немного, помимо, пожалуй, того факта, что окончание войны в 1945 г. он встретил на стороне просоветских сил [43, с. 58]. Его жизнь и карьера делают стремительный разворот.

Миссия в Москве

Сразу после окончания войны в Европе, Й. Перени поступил на службу переводчиком в Министерство иностранных дел и в 1946 г., как знающий русский язык, был командирован в Москву для службы в венгерском посольстве в должности атташе по культуре и прессе. Ему предстояло работать под начальством другого историка – профессора Дюлы Секфю (Szekfű Gyula; 1883–1955), который в октябре 1945 г. был назначен главой венгерской дипломатической миссии в СССР. Но реально Секфю приступил к своим обязанностям позже – в марте 1946 г. [51, с.33]. Работалось Й. Перени в Москве непросто. Правда, трудности подстерегали не только его самого, но и все посольство², сотрудники которого не имели никакого опыта взаимодействия с СССР и плохо ориентировались в советских реалиях. В январе 1947 г. Й. Перени сообщил в Будапешт: «Обычно выстраивание культурных связей требует очень долгого времени, и те методы, которые можно без труда применить на Западе, зачастую терпят тут неудачу. Здесь мы находимся в совершенно другой ситуации, которую мы должны сначала изучить, чтобы потом найти лучший путь и возможность» [55, 123. old.]. Современный венгерский историк Адам Фаркаш обратил внимание, что знакомые французские дипломаты советовали Й. Перени делать упор именно на развитие ученых контактов и книгообмен [55, 122–123. old.]. Можно с определенной уверенностью говорить, что венгерский историк, работая в Москве, не только совершенствовал знания русского языка, знакомился с историей и культурой страны, но и обзавелся связями в советской среде. Тогда же он упрочил свои знания российской и советской историографии.

² Оговоримся, что статус посольства миссия получила только в 1948 г., поэтому до этого времени Д. Секфю официально находился в СССР в качестве посланника, а не посла.

В 1946 г. Й.Перени опубликовал в переводе на французский язык несколько документов о российской интервенции в Венгрию в период революции 1848–1849 гг. (донесения от российского посла в Лондоне Ф.И.Бруннова и от посла в Вене П.И.Медема, адресованные К.И.Нессельроде) [69]. Впервые они были введены в научный оборот советским историком Ревеккой Абрамовной Авербух (1891–1978) и представлены в приложении к ее книге в 1935 г. [17, с.245–326]. Й.Перени во вводной статье к своему переводу не просто обозначил важность знакомства зарубежного читателя с советской историографией, но и необходимость изучения российских источников, особенно для понимания проблем истории международных отношений [69, р.319–320]. Об интересе к советской исторической науке свидетельствует и рецензия на трехтомную «Историю дипломатии», с которой Й.Перени познакомился в период работы в Москве [70]. Хотя венгерский историк высоко оценил фундаментальность работы советских авторов, он не преминул упрекнуть их по целому ряду вопросов. Например, его недоумение вызвало отсутствие упоминаний о деятельности Томаша Масарика и Эдварда Бенеша в период Первой мировой войны, которая оказала огромное воздействие на процесс распада Австро-Венгрии, поверхностное описание Малой Антанты или же межвоенной внешней политики стран Балтии, Польши, Румынии [70, р.320]. С позиции сегодняшнего дня можно, конечно, удивляться некоторой наивности венгерского историка, который в 1947 г. не понимал причин подобных умолчаний. Немного забегаая вперед, отметим, что «Журнал сравнительной истории» (*Revue d'Histoire Comparée*), в котором Й.Перени напечатал обе упомянутые рецензии, после утверждения коммунистического режима в Венгрии будет закрыт.

Снова в Венгрии

В 1947 г. Й.Перени вернулся из московской командировки на Родину. Он стал сотрудником Научного института Пала Телеки (*Teleki Pál Tudományos Intézet*)³, параллельно начал преподавать в Будапештском университете. На глазах ученого общественные, политические, культурные реалии Венгрии стремительно менялись. В 1948–1949 гг. произошло окончательное сосредоточение всей полноты власти в руках

³ Институт был создан в 1941 г. по инициативе венгерского премьер-министра Пала Телеки. Учреждение существовало до февраля 1948 г., перестроив свою работу в 1945 г. Сотрудники института готовили материалы для венгерской делегации на Парижской мирной конференции.

Венгерской партии трудящихся и фактическое установление единоличной власти Матиаша Ракоши. Все эти процессы отражались на научной и культурной жизни, в которой Советский Союз был объявлен главным и непререкаемым ориентиром [80, р.29–79].

Показательна в связи с этим история с приездом в Будапешт академика Бориса Дмитриевича Грекова (1882–1953) в ноябре 1948 г., которого встречали с высочайшими почестями. Венгерская пресса рисовала образ величайшего ученого-историка, который своими наставлениями должен направить развитие венгерской гуманитарной науки в нужное русло. Будапештский университет вопреки правилам и традициям в спешном порядке принял решение о присвоении советскому ученому звания почетного доктора [29]. Лекции Б. Д. Грекова, прочитанные в стенах университета, были изданы отдельными брошюрами [61; 64]. Их переводчиком с русского на венгерский выступил как раз Й. Перени. Можно допустить, что это был не случайный выбор, ибо венгерский историк мог познакомиться с Б. Д. Грековым во время работы в Москве в 1946–1947 гг. К сожалению, никаких свидетельств эпистолярных контактов между историками пока обнаружить не удалось⁴. Тем не менее из отрывочных свидетельств видно, что советский академик с большой симпатией относился к венгерскому ученому. В отчете о поездке в Будапешт, составленном для АН СССР, Б. Д. Греков сообщал, что Й. Перени желал бы получить советские книги по русской палеографии, необходимые ему для преподавания в университете. Академик просил помочь в исполнении этого желания [6, л. 8]⁵.

В 1949 г. Й. Перени опубликовал рецензию на книгу Б. Д. Грекова по истории русского крестьянства. Важность исследования советского академика он объяснял тем, что предыдущие опыты обобщений уже морально устарели. Кроме того, в книге раскрывались закономерности, которые могли быть применимы к аналогичным явлениям в Центральной и Восточной Европе, а значит, и к истории венгерского

⁴ Личный фонд Б. Д. Грекова в Архиве РАН (Ф. 2238) предельно лаконичен, а личный архив Й. Перени не сохранился вовсе, за исключением некоторых служебных бумаг, которые он передал своему ученику Дюле Сваку.

⁵ В Восточно-Европейском научном институте, который был создан вместо упраздненного Научного института Пала Телеки, Й. Перени отвечал за книгообмен с советскими союзом. Известно, к примеру, его письмо от 11 мая 1949 г. в Фундаментальную библиотеку общественных наук АН СССР. В нем венгерский историк просит прислать в Будапешт выпуски «Красного архива», «Исторических записок», «Вестника древней истории», «Советской этнографии» и «Советской археологии» [10].

Б.Д.Греков

крестьянства. Й.Перени заключал: «Эта книга настолько важна для венгерской историографии, что ее следует перевести как можно скорее» [71, 332. old.]. Примечательно, что в этой рецензии венгерский историк старался следовать официальному советскому историческому нарративу. Он цитировал ленинское «Развитие капитализма в России» и признавал сталинскую идею, будто формирование в России централизованного государства ускорялось сложной внешнеполитической обстановкой и давлением иностранных держав, хотя экономические предпосылки для формирования такого государства не в полной мере сложились. Резюмируя свои выводы, Й.Перени называл книгу Б.Д.Грекова примером мастерского применения диалектического материализма.

Несмотря на почтительный тон отзыва, венгерский историк не скрывал своего несогласия с советским коллегой по ряду вопросов. Й. Перени обратил внимание на то, что Б. Д. Греков в своем исследовании порой путал значение термина «соха» как инструмента для вспашки земли и единицы налогообложения. Замечание отнюдь не праздное, поскольку Й. Перени взялся за перевод труда Б. Д. Грекова и столкнулся с трудностями в переложении русских исторических терминов на венгерский язык.

В плену «старых буржуазных пережитков»

Маленькая, на первый взгляд, ремарка едва не стоила ученому карьеры. Если в рецензии 1947 г. на «Историю дипломатии» еще можно было смело спорить с советскими авторами, то теперь даже мелкое критическое замечание в адрес советской науки оборачивалось незамедлительными последствиями. Происходила стремительная перестройка венгерской исторической науки на советский лад⁶.

Однажды за обедом в университетской столовой Й. Перени поделился с коллегой трудностями, возникшими при переводе «Крестьян на Руси», и, в частности, рассказал о противоречивом толковании термина «соха». Коллега не преминул тут же донести на Й. Перени, который незамедлительно подвергся идеологической проработке. Он был обвинен в «неправильном отношении к советской науке и остатках объективизма в научной работе» и в самом начале 1951 г. исключен из рядов Венгерской партии трудящихся [43, с. 59]. Й. Перени был вынужден каяться в том, что он так и не смог освободиться от «старых буржуазных пережитков» в научной работе, и одновременно ему пришлось выучиться на автомеханика, чтобы иметь заработок в случае изгнания из Академии [43, с. 59–60].

Дело в том, что внедрение сталинских практик управления наукой в Венгрии имело разные проявления. На опыте Й. Перени видно, что к числу таковых относились идеологические проработки, публичные критика и самокритика, изгнание неугодных. Но были и иные практики, на первый взгляд, вполне гуманные и даже патерналистские

⁶ О воздействии на венгерскую историографию см. подробнее: [57; 81]. Бастионом марксистской историографии должен был стать Институт истории Венгерской академии наук. Й. Перени вошел в ряды его сотрудников после ликвидации в 1949 г. Восточно-Европейского научного института (*Kelet-európai Tudományos Intézet*). Одновременно кафедра истории СССР во главе с советским заведующим была создана в Будапештском университете [21].

по отношению к ученым. К таковым относилась идея научного планирования, которая повсеместно внедрялась в восточноевропейских странах. На официальном уровне она была призвана поддержать исследования, укрепить их материальную базу, развить научную инфраструктуру. В реальности план стал восприниматься как необходимая и неотъемлемая составляющая исследовательской работы. В ряде случаев оценка его выполнения незамедлительно сделалась средством идеологического контроля. И, что важно, план должен был не просто выполняться, а перевыполняться.

В 1950 г. в Венгрии был выработан первый пятилетний план в области развития исторической науки. Жигмонд Пал Пах, один из ведущих представителей официальной венгерской историографии того времени, рассказывая об этой пятилетке сотрудникам Института истории АН СССР, с удовлетворением отметил, что план «направил нашу исследовательскую работу на правильный путь и создал такие условия для нашей научной работы, каких наша историческая наука еще никогда не имела» [1, л. 3]. В 1950 г., сотрудники Института истории ВАН в поисках эффективной модели соцсоревнования в науке решили обратиться за наставлениями к советским ученым, а именно – к Б. Д. Грекову. И тогда вспомнили о Й. Перени. Тот написал в Москву, откуда вскоре пришли «Указания академика Б. Д. Грекова венгерским историкам» [48, с. 60]. Хотя Й. Перени исключили из партии, но с работы не уволили. Как метко выразился венгерский историк Дюла Свак, «Йожеф Перени был обязан академику Грекову не только своей бедой, но и "спасением"» [48, с. 60].

Венгерский историк за чтением советской научной литературы

Венгерской науке требовались ученые со знанием русского языка, способные общаться и переписываться с коллегами, читать научную литературу и делать ее обзоры, а также переводить. Й. Перени всеми этими навыками обладал, что во многих случаях делало его незаменимым специалистом, которому можно простить даже «буржуазные пережитки». Но эта незаменимость не подразумевала полной творческой свободы. Й. Перени, как и многие его современники, был вынужден приспосабливаться под новые историографические каноны. Это отчетливо видно на примере его рецензий 1952 г. на книги советских авторов.

Оценивая книгу А. С. Ерусалимского «Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века» (1951), Й. Перени

восхищается, как автору мастерски удалось провести критику немецких и английских изданий источников на основе марксистско-ленинского учения. Ведь эти издания изначально были призваны ввести в заблуждение наивных «буржуазных историков» и сыграть на руку «сознательным фальсификаторам» [72, 269. old.]. Говоря о сборнике «Революция 1905–1907 гг. в национальных районах России» (1949) под редакцией А. М. Панкратовой и А. Л. Сидорова, венгерский историк принимает тезис о передовом русском рабочем классе, который находился в авангарде революции и который смог поднять на борьбу национальный пролетариат на окраинах. Именно революция 1905–1907 гг. расшатала основы «тюрьмы народов» (Й. Перени дословно повторяет этот советский термин) и дала возможность русским и нерусским представителям рабочего класса бороться сообща, чтобы спустя десятилетие «они смогли успешно пожать друг другу руки, сбросить общее иго, давящее на плечи каждого, и развиваться в новом социалистическом государстве» [73, 272. old.]. В том же 1952 г. Й. Перени написал отзыв о монографии Л. А. Никифорова «Русско-английские отношения при Петре I» (1950). Венгерский историк высоко оценивает работу советского ученого, с пиететом отзывается он и о царе-реформаторе. При этом Й. Перени делает акцент на «анти-российском направлении английской внешней политики» и ее двуличии, постоянных «махинациях англичан» и исходящих от них «клевете, лжи, шантаже и вооруженных угрозах». Россия же выступала в ту эпоху как гарант европейской стабильности, и эта ее роль «буржуазными историками» до сих пор умалчивается [74].

В начале 1950-х гг. Й. Перени активно выступал как переводчик и комментатор трудов советских историков, издававшихся в Венгрии. В начале 1950-х гг. вместе с Матиашем Дьони, Иштваном Борщакком, Яношем Дьори, Ласло Мезеи и Петером Вацаи он участвовал в подготовке издания хрестоматии по истории Средних веков Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина, предназначенной для использования в венгерских школах [58; 59]⁷. В середине 1950-х гг. благополучно завершилась история с переводом на венгерский язык той самой книги Б. Д. Грекова о крестьянах на Руси с древнейших времен до XVII в., критическая ремарка в адрес которой едва не стоила ему карьеры [62; 63]⁸. Научными переводами

⁷ Третий том вышел в 1956 г. уже без участия Й. Перени.

⁸ Благодаря сведениям, полученным от профессора Д. Свака, удалось установить, что первая версия перевода книги Б. Д. Грекова была завершена к октябрю 1952 г. Однако качество проделанной работы не удовлетворяло самого Й. Перени. Потребовалась ревизия текста, составление подробных комментариев исторических терминов, некоторые фрагменты вообще пришлось перевести заново. Работу над финальной версией Й. Пе-

советской исследовательской литературы Й.Перени будет заниматься на протяжении всех последующих лет жизни⁹. Перевод был для него одним из лучших способов интеллектуального трансфера. Он был убежден, что научное знание рождается исключительно в результате обмена идеями, на перекрестке разных традиций, а потому так важно изучать зарубежный, в том числе советский, опыт. Тем более что были области знания, где советско-венгерское сотрудничество объективно казалось необходимым. Таковой, в частности, была область археологии и древней истории, поскольку предки венгров когда-то пришли в Центральную Европу из глубины евразийских степей. Й.Перени предысторией венгров тоже интересовался. Потому, например, он очень высоко оценил учебник «Основы археологии» Артемия Владимировича Арциховского, увидевший свет в 1954 г. Й.Перени отмечал, что книга является прекрасным справочником и полезным руководством для всех тех, кто, исследуя венгерскую предысторию, хочет ознакомиться с прекрасными результатами советских археологов. Но книга обрисовывала важные задачи и для венгерской науки, она навевала мысль о том, «насколько нужен был бы аналогичный венгерский учебник или справочник, который бы окончательно обобщил результаты археологических исследований на территории Венгрии, с одной стороны, и в бывших местах проживания венгров, – с другой стороны, в краткой и понятной форме» [75, 787. old.]. То есть учебник А.В. Арциховского, по мнению Й.Перени, должен стать стимулом и для венгерских специалистов.

1956 год в судьбе Йожефа Перени

1956 год оказался поворотным не только в судьбе Венгрии, но и в жизни Й.Перени. 15 октября 1956 г. в Будапешт приехал советский историк, директор Института истории АН СССР Аркадий Лаврович Сидоров (1900–1966). Он встречался с ведущими венгерскими историками, а 22 октября познакомился с Й.Перени [24, с. 31].

рени вел вместе с профессором Иштваном Сабо (Szabó István; 1898–1969) – крупнейшим венгерским специалистом того времени в области аграрной истории. О том, как непроста была работа, Й.Перени описал в кратком предисловии к рабочей версии перевода. В частности, трудности касались переложения на венгерский язык древнерусских терминов. См.: [9].

⁹ В начале 1960-х гг. Й.Перени выступил научным редактором венгерского перевода третьего тома «Всемирной истории», подготовленной советскими учеными под редакцией Е.М. Жукова [86]. В 1970 г. он опубликовал перевод книги Р.А. Авербух о России и Венгерской революции 1848–1849 гг. [53].

А.Л.Сидоров

На следующий день историки снова общались и, вероятно, ездили вместе на развалины древнеримского города Аквинкум. По пути назад, к центру города, А. Л. Сидоров стал свидетелем демонстраций под лозунгами «Долой сталинизм!», «Свобода и независимость!», «Вывод Советских войск!». Й. Перени пытался объяснить ему политическую ситуацию и тот факт, что основной огонь критики ведется против сталинистов [24, с. 34]. Последующие дни революционных потрясений А. Л. Сидоров провел фактически в заточении в отеле на острове Маргит и вплоть до эвакуации 31 октября вел дневниковые записи. Й. Перени звонил ему в отель ночью 24 октября, обещая навестить. В итоге встретиться историкам не удалось. Свою роль, вероятно, сыграла трагическая история. 25 октября профессор Золтан Тот (Tóth Zoltán; 1911–1956), заведующий кафедрой истории стран народной демократии Европы и декан гуманитарного факультета, был убит шаль-

ной пулей около здания партийного комитета, куда университетская делегация направлялась для посреднических переговоров между восставшими и правительством. Й.Перени, по устным преданиям, удалось помочь эвакуироваться заведующему кафедрой истории СССР, профессору А.Н.Китушину, вовремя посадив его на самолет [43, с. 61].

7 декабря 1956 г. Совет гуманитарного факультета принял решение объединить кафедры истории СССР и истории стран народной демократии. Наиболее подходящей фигурой для заведования новым структурным подразделением сочли Й.Перени, который тут же предложил назвать его кафедрой истории Восточной Европы [43, с. 61].

Во главе кафедры истории Восточной Европы

С 1 января 1957 г. официально начался новый этап в научной и административной карьере Й.Перени, который ушел из академической науки и полностью сосредоточился на университетской работе. В том же году была издана его книга о закавказских русинах [39], на которой следует остановиться несколько подробнее. Еще в 1951 г., когда Институт истории ВАН приступил к подготовке учебника по истории Венгрии для высших школ, нескольким научным сотрудникам было поручено заняться историей ближайших соседей венгров с конца XVIII в. по 1918 г. Это направление обосновывалось тем, что именно в указанную эпоху национальный вопрос вышел на первый план. Было важно понять, как этот вопрос подтачивал сначала Австрийскую, а затем и Австро-Венгерскую империю. Й.Перени было поручено заняться историей русинов от подавления революции 1848 г. и до начала Первой мировой войны. Результатом исследований и стала упомянутая небольшая по объему, но во многих отношениях актуальная и сегодня книга. Думается, что интерес к истории русинов отражал устремления Й.Перени к занятиям компаративной историей Восточной Европы, которая будет красной нитью проходить через все его последующее научное творчество. И, что важно, компаративные исследования Й.Перени мыслил через сотрудничество ученых разных стран, обмен научной информацией и идеями. Примечательно, что в упомянутой книге 1957 г. Й.Перени призывал подключиться венгерских, чехословацких и советских историков к совместному изучению истории русинов [39, с. 2, 6]. Перекрестные сюжеты восточно-европейской истории, в которые неминуемо вплетаются и российские сюжеты, все больше волнуют и интересуют венгерского ученого [77].

Казалось бы, назначение Й. Перени заведующим кафедрой истории Восточной Европы Будапештского университета должно было упрочить его положение в иерархии венгерских историков того времени и одновременно укрепить его связи с советской наукой. В реальности ситуация была более сложной. Ряд коллег, прежде всего партийных историков, относились к Й. Перени с некоторым недоверием, видя в нем представителя старой школы. Но такое же недоверие имело место и с советской стороны. Обратим внимание на отчет о командировке в Венгрию Тофика Муслимовича Исламова (1927–2004) в сентябре–декабре 1957 г. Советский историк встречался с Й. Перени и сотрудниками его кафедры. Венгерский профессор заверял коллегу в важности развития более тесных контактов с историками из СССР и выражал желание приехать для работы в архивах Москвы и Ленинграда. Интересна и содержащаяся в отчете ремарка о неудобных вопросах, озвученных сотрудниками кафедры. В числе таковых была оценка территориального расширения России, в том числе применительно к венгерским реалиям. Преподаватели кафедры рассказывали, что студенты нередко спрашивали у них: если присоединение Кавказа и Средней Азии к России в советской историографии трактуется как прогрессивное, то почему нельзя говорить того же о присоединении к Венгрии Трансильвании, Словакии, Закарпатской Украины, Хорватии, Славонии и Баната [5, л. 43–44]. Провокационный вопрос, с точки зрения официального советского канона, задал и сам профессор Й. Перени: можно ли отрицать роль варягов в образовании Древнерусского государства, когда они многократно упоминаются в самих древнерусских источниках? Подобные расспросы явно смутили Т.М. Исламова. В своем отчете он сделал следующее заключение, которое уместно привести полностью: «Характерно, что Переньи¹⁰ склонен отрицать марксистское учение о нации, в особенности о буржуазных и социалистических нациях. Во всяком случае, он убежден, что к истории Венгрии и венгерского народа это учение неприменимо. Мне показалось тогда, во время этой беседы, и теперь кажется, что Переньи, бывший буржуазный ученый, не успел или не сумел до сих пор по-настоящему изучить марксизм и овладеть его историческим методом. Беда в том, что даже ошибочные, неверные взгляды Переньи, человека, несомненно, способного, эрудированного, к тому же хорошо образованного, подхватываются молодежью, в частности, аспирантами – его учениками. Две причины заставляют меня подробно останавливаться

¹⁰Т.М. Исламов использовал такое написание фамилии.

на этом примере: первая заключается в том, что мы, как мне кажется, кровно заинтересованы в том, чтобы преподавание истории нашей Родины в странах народной демократии, особенно в такой стране, как Венгрия, где остатки национализма и шовинизма все еще дают о себе знать, было бы поставлено на должном уровне. Во-вторых, пример Перени довольно типичен для характеристики современного положения интеллигенции. Среднее звено (и по положению, и по возрасту) научных работников и преподавателей составлено, главным образом, из людей, прошедших буржуазную школу, которым нелегко немедленно и полностью освободиться от старых привычек и убеждений» [5, л. 44–45]¹¹.

В то же время, помимо недоверия и непонимания, в отношении с советской стороной вкрадывались и бюрократические проблемы. Парадоксально, но факт – Й. Перени как заведующий кафедрой истории Восточной Европы долгое время не мог получить командировку в СССР, и это несмотря на то, что Московский и Будапештский университеты еще в начале 1956 г. инициировали усиление сотрудничества, включая академические обмены [45, с. 88–91]. 17 апреля 1959 г. он обращался к давнему знакомому А. Л. Сидорову с просьбой помочь приехать в Москву, а именно – поспособствовать официальному приглашению от лица Института истории АН СССР. В этом случае, как информировал Й. Перени, Венгерская академия наук сможет оплатить исследовательскую поездку. Это была единственная надежда, поскольку Министерство высшего образования категорически отказывало ему как профессору, в возможности поехать в Советский Союз: «Если бы я был только преподавателем, я уже давно мог бы получить командировку под предлогом изучения преподавания истории в СССР. Это хотя и странно, но, к сожалению, так и есть» [8, л. 1].

**Профессор Й. Перени
и профессор А. В. Флоровский**

Аналогичные трудности с оформлением заграничных командировок испытывал в то же самое время пражский коллега Й. Перени – профессор Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968). В 1922 г. он был выслан из Советской России, вскоре осел в Чехословакии, где сумел успешно интегрироваться в местную научную

¹¹ *Справедливости ради нужно сказать, что впоследствии Т. М. Исламов пересмотрел свои взгляды и суждения, отринув прежний догматизм. От старших коллег известно, что он стыдился своего отчета о поездке 1957 г.*

среду, став крупнейшим специалистом по истории чешско-русских отношений. В 1946 г. А.В.Флоровский принял советское гражданство, но остался жить и работать в Праге. Он не любил, когда его относили к категории иностранных исследователей. Хотя юридически он был гражданином СССР, многократно печатал свои научные исследования в Москве, советским историком официально себя никогда не именовал, но при этом неизменно подчеркивал свою русскость. Не случайно, в письме к В.Т.Пашуто он признавался, что воспринимает жизнь на чужбине как командировку за пределы Родины [37, с. 366]. Правда, ни одной реальной командировки за пределы социалистической Чехословакии А.В.Флоровскому не удалось получить¹², потому его личное общение с Й.Перени так и не состоялось.

А.В.Флоровский

Еще с конца 1930-х гг. А.В.Флоровский заинтересовался русско-австрийскими отношениями в первой четверти XVIII в., его работы 1940–1960-х гг. будут, в основном, посвящены именно связанным с этой темой сюжетам. Естественно, он не мог обойти стороной венгерский след в этих отношениях. А.В.Флоровский высоко ценил вен-

¹²Исключением стала лишь поездка в СССР в 1967 г. незадолго до смерти, причем с официальной точки зрения это была частная поездка по приглашению советской стороны.

герскую науку, был лично знаком с некоторыми ее представителями, отмечал важность венгерских источников для изучения российской истории, как изданных, например, “Archivum Rákócziánum”, так и архивных¹³.

Связующим звеном между А.В. Флоровским и Й. Перени стал знаменитый византиновед Дюла Моравчик (Gyula Moravcsik; 1892–1972), с которым русский профессор был знаком еще с 1930-х гг. В марте 1960 г. А.В. Флоровский написал письмо Д. Моравчику и просил помочь с печатанием в Будапеште некоей своей работы. К сожалению, само письмо не сохранилось, и о нем мы знаем лишь из ответного сообщения венгерского ученого [2, л. 7–7 об.]. Название работы не приводится, но в контексте иных документов становится понятным, что речь идет о статье про русскую оккупацию Спиша в 1710 г. Д. Моравчик написал, что статья слишком велика по объему, да еще и написана по-русски, поэтому напечатать ее в Венгрии будет затруднительно. Однако он рассказал о готовящемся сборнике, посвященном русско-венгерским связям, для которого работа А.В. Флоровского может как нельзя кстати подойти. Она будет переведена на венгерский язык, но, правда, в сокращенном виде. Именно Д. Моравчик направил своего русского коллегу к Й. Перени для дальнейшего решения всех технических вопросов [2, л. 7–7 об.].

Весной 1960 г. А.В. Флоровский отправил письмо Й. Перени, предлагая установить научные контакты и обмен информацией¹⁴. Обращение пражского историка к будапештскому коллеге было неслучайным. В 1950-е гг. Й. Перени заинтересовался ярким эпизодом российско-венгерского сближения – дипломатическими контактами между Петром I и Ференцем II Ракоци в период Освободительной войны 1703–1711 гг. В результате появилась серия работ, по сей день не потерявших своей научной значимости¹⁵.

¹³ Так, в переписке со своей коллегой в СССР Е.П. Подъяпольской он говорил о необходимости включения венгерских материалов в готовящиеся к изданию новые выпуски «Писем и бумаг императора Петра Великого» [12; 31].

¹⁴ Это письмо не сохранилось, и о нем мы знаем из контекста последующей переписки между учеными.

¹⁵ См. их оценку в современных исследованиях [18–19; 35–36; 85]. Заслуга Й. Перени, в частности, состояла в том, что он сумел тщательно проанализировать обоюдные мотивы российско-венгерского сближения. Он пришел к выводу, что Петр I ставил своей задачей не военную поддержку венгерского князя, но желал поддержать его кандидатуру на польский престол, а впоследствии надеялся на помощь в борьбе со шведами и посредническую роль в разрешении противоречий с французским двором.

Й. Перени готовил сборник документов о Ференце II Ракоци и Петре I и в письме к А. В. Флоровскому от 10 мая 1960 г. писал, что у него накопилось уже 60 печатных листов архивных материалов, из которых 85 % – документы венгерского происхождения, 10 % – русского и 5 % – австрийского [14]. Часть материалов он собрал в фондах Центрального государственного архива древних актов в Москве, то есть у него была возможность доступа к архивным источникам, которой до определенного момента был лишен А. В. Флоровский (как отмечалось выше, он посетит СССР в 1967 г., незадолго до смерти). Но и для Й. Перени пражский коллега представлял большой интерес, поскольку тот был хорошо знаком с материалами австрийских и чехословацких архивов. Помимо того, оба историка обладали обширными историографическими знаниями, что также способствовало интеллектуальному сближению. Так, например, в том же письме от 10 мая 1960 г. Й. Перени информировал А. В. Флоровского о недавно вышедшей статье преподавателя Ужгородского государственного университета Яноша Варади-Штернберга (Váradi-Sternberg János; Яков Исаакович Штернберг; 1924–1992). Она была посвящена дипломатической миссии Емельяна Игнатьевича Украинцева, которого Петр I отправил к Ференцу II Ракоци, и который скоропостижно скончался в Эгере во время переговоров [84].

Как уже было сказано, для А. В. Флоровского обращение к венгерским коллегам имело еще одну практическую цель – он искал возможность опубликования своих научных трудов за границей, поскольку в Чехословакии такая возможность предоставлялась ему не всегда¹⁶. Й. Перени идею печатания работ А. В. Флоровского в Венгрии встретил крайне благожелательно, но все же с оговорками: «Относительно возможности опубликовать у нас, я могу писать только то, что теоретически это не только возможно, но прямо желательно. Однако из-за

¹⁶ С одной стороны, А. В. Флоровскому грех было жаловаться на отсутствие публикационных возможностей, ибо его статьи и книги регулярно публиковались в Чехословакии. С другой стороны, он постоянно встречал разного рода препятствия. Показательна история с экспертизой рукописи его книги «Петр Великий и Чехия» в феврале 1956 г., на которую острокритической рецензией отозвался «Честмир Аморт (Cestmír Amort; 1922–2013) – ревностный коммунист и один из ведущих представителей официальной марксистской историографии Чехословакии. Среди прочего, он обвинил А. В. Флоровского в «объективизме». Русский историк не преминул ответить: «Что касается, наконец, Вашего утверждения, что моя работа имеет характер "объективистский, безыдейный", то тут мне с Вами не приходится спорить, это было бы просто бесполезно, нас разделяет самое основное в понимании исторического познания и его целей и установок. Но менять установку моей книги о Петре Великом и Чехии я, конечно, не стану» [13]. В итоге, книга А. В. Флоровского так и не была издана.

недостатка бумаги наши возможности очень ограничены. Но, если Вы можете сократить Вашу статью о занятии Спиша на 1½ печ. листа, то мы сразу можем ее издать. И другую статью о вопросе восстания Ракоци в развитии русско-австрийских отношений мы можем опубликовать, если она не выходит слишком отрицательно с точки зрения венгеро-русских отношений» [15].

Первую из названных статей А. В. Флоровский представил незамедлительно (5 июня 1960 г.) [15]. Ее черновая рукопись сохранилась в личном архиве историка в Праге [16]. Однако работа лежала без движения. 12 января 1961 г. А. В. Флоровский написал Й. Перени и осведомился о ее судьбе [15]. 23 января 1961 г. венгерский профессор был вынужден отправить в Чехословакию извинительное письмо, в котором сообщал, что еще в июне 1960 г. Институт истории ВАН принял статью А. В. Флоровского к публикации в новом сборнике по истории российско-венгерских отношений. Но в декабре 1960 г. Й. Перени сообщили, что сборник не может выйти в свет, а причины этого он не может излагать в настоящем письме [15]. Можно предположить, что в ситуацию вмешивались внутривенгерские противоречия, о которых Й. Перени не мог или не хотел сообщать коллеге. А. В. Флоровскому было предложено подождать еще.

9 мая 1962 г. Антоний Васильевич снова написал в Будапешт, желая узнать о судьбе своей работы, а заодно и об историографических новинках [15]. Но ответа, если верить сохранившейся в архивах корреспонденции, не получил. 18 мая 1963 г. профессор Флоровский снова обратился к Й. Перени: «А как обстоит дело с моим очерком о русской оккупации Спиша в 1710 г.? Есть ли какая-нибудь надежда на опубликование его – ведь он у Вас лежит уже скоро пять лет! За сообщение был бы очень Вам признателен» [15]. Видимо, Й. Перени судьбу статьи так и не смог прояснить, ибо уже в мае 1966 г. А. В. Флоровский был вынужден обратиться за помощью к Д. Моравчику, сетуя, что «за эти потерянные годы ... мог бы издать эту работу где-либо в ином месте» [11]. Лишь после такой «жалобы» Й. Перени 23 мая 1966 г. ответил А. В. Флоровскому, прислав извинительное письмо: «Вы не можете представить себе, как[ой] глубокий стыд я имею перед Вами» [4, л. 1]. Он сообщал, что предлагал статью нескольким венгерским изданиям, но те неизменно требовали сократить ее объем, чего не хотел сам Й. Перени ввиду важности материала. Он смог договориться о публикации работы в полном объеме с академиком Иштваном Книежа (Kniezsa István; 1898–1965), который редактировал журнал

“Studia Slavica”. Однако, по словам Й. Перени, И. Книежа затерял рукопись среди своих многочисленных бумаг и не мог найти, а в марте 1965 г. скоропостижно скончался. Обнаружить статью А. В. Флоровского Й. Перени смог только при разборе архива покойного ученого в мае 1966 г. Он предложил своему русскому коллеге подождать ее напечатания все в том же журнале “Studia Slavica” [4, л. 1].

В письме от 4 июня 1966 г. А. В. Флоровский поблагодарил коллегу за прояснение судьбы статьи, все еще надеясь на ее публикацию в Будапеште. Одновременно он проинформировал Й. Перени, что практически завершил работу над книгой о русско-австрийских отношениях в XVIII в. [3, л. 1–1 об.]. Увы, историк так и не увидел эти свои работы опубликованными – он скончался в Праге в марте 1968 г. И если работа о русско-австрийских отношениях была частично опубликована ученицей А. В. Флоровского доцентом Аленой Завадовой, то статья о русской оккупации Спиша в 1710 г. так и не увидела свет. К сожалению, в рукописях остались и другие его специальные работы о русско-венгерских связях в первой четверти XVIII в. Лишь одна из них – работа о попытках посредничества России в примирении австрийских властей с Ференцем II Ракоци в 1710 г. – была опубликована уже в наши дни по авторской черновой рукописи [50].

Встречи с советскими историками

Если вернуться к контактам Й. Перени с историками из СССР, то бросается в глаза парадоксальная черта. Венгерский ученый публиковал свои исследования в Москве [38], писал рецензии на работы советских авторов [76], его работы цитировали советские коллеги. Но из системы официальных контактов он словно был исключен, или, точнее, не вписывался в нее. Судя по сохранившимся источникам, в СССР он приезжал не часто, правда, причиной тому были не только бюрократические препоны, но и проблемы со здоровьем. Известно, по крайней мере, об одном приезде в Москву – с середины сентября по середину декабря 1960 г. [15]¹⁷. Статистику командировок венгерского историка еще предстоит выяснить. Правда, можно с уверенностью сказать, что гораздо чаще в 1960–1970-е гг. ему доводилось принимать советских историков в Будапеште, которые приезжали в научные командировки. О ряде таких встреч мы знаем доподлинно из источников.

¹⁷ Это был тот самый выезд, о котором Й. Перени в 1959 г. ходатайствовал перед А. Л. Сидоровым.

Так, 10–15 октября 1961 г. в Будапеште проходила конференция по истории Возрождения и Реформации в Польше и Венгрии, на которую из Москвы приехали Моисей Менделевич Смирин (1895–1975) и Юлиан Владимирович Бромлей (1921–1990) [58, 858, 863–865, 867. old.]. Й. Перени как участник этого же мероприятия, разумеется, имел возможность пообщаться с советскими гостями.

Будапешт в 1960-е гг.

Осенью 1962 г. Й. Перени встречался в Будапеште с академиком Михаилом Николаевичем Тихомировым (1893–1965), который приезжал для переговоров о совместном издании «Хроники венгров» Яноша Туроци. Видимо, венгерский историк просил советского коллегу о присылке некоторых научных изданий, что в итоге и было сделано [7, л. 1]. Правда, эти контакты ученых и ограничились¹⁸.

¹⁸ К сожалению, в своем очерке про поездку в Венгрию М. Н. Тихомиров о Й. Перени не упоминал [48].

Й.Перени встречался с советскими коллегами и на международных площадках. Так, он входил в состав Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы, созданной под патронажем ЮНЕСКО в 1963 г. Причем венгерский ученый стоял у истоков этого исследовательского объединения [49, с.84–85; 67, 189. old.] и был избран его почетным членом. С советской стороны в его работе участвовали такие известные историки, как А.Ф.Миллер, А.С.Тверитинова, В.Н.Виноградов, В.Я.Гросул, В.В.Зеленин, С.Б.Бернштейн [41]. В условиях Холодной войны это была важная интеллектуальная площадка, объединявшая ученых СССР, США, Великобритании, Венгрии, ГДР и ФРГ, Чехословакии, Румынии, Греции, Югославии, Албании, Турции, Болгарии, Италии, Австрии, Франции.

Помимо мероприятий Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы, Й.Перени встречался с советскими коллегами на Международных конгрессах исторических наук. На конференции в Вене в 1965 г. он обратился в своем докладе к особенностям развития Восточной Европы, а в 1975 в Сан-Франциско прочел доклад о государственном централизме в Османской империи, вызвавший оживленную дискуссию [66; 54, p.271].

В январе 1969 г. в Будапеште побывала делегация советских историков, целью которой было завершить институциональное оформление Советско-венгерской комиссии историков. Возглавил ее академик АН СССР Александр Андреевич Губер (председатель советской части комиссии). Вместе с ним приехали член-корреспондент АН СССР Ю.В.Бромлей (заместитель председателя), Владимир Павлович Шушарин (ученый секретарь) и Т.М.Исламов (член советской части комиссии). Советские ученые посетили ряд научных и образовательных учреждений, в том числе Будапештский университет, где их тепло принял профессор Й.Перени. Он рассказал гостям о работе возглавляемой им кафедры и анонсировал сборник документов о закарпатских украинцах в 1849–1917 гг., который он подготавливал совместно с Марией Майер (Mária Mayer) и в сотрудничестве с Институтом истории Академии наук УССР [25, с.103]. Эта встреча остается едва ли не единственным свидетельством связей Й.Перени с Советско-венгерской комиссией историков. Может показаться парадоксальным тот факт, что один из ведущих венгерских специалистов по истории России и Восточной Европы не участвовал в ее работе. Между тем, если присмотреться внимательно, главные роли в работе венгерской части комиссии играли не представители Будапештского университета, а сотрудники Института истории Венгерской академии наук. Прав Д.Свак, указавший, что именно академический институт в ту пору обладал «властными, материальными, инфраструктур-

ными и коммуникативными привилегиями». Именно он, а не Будапештский университет, занимал центральное место в структуре венгерской исторической науки, ориентированной в первую очередь на изучение национального прошлого. Й.Перени и его сотрудники занимались зарубежной историей. И, хотя работа их кафедры обрела международную известность, она все равно не вписывалась в полной мере в иерархическую систему официальной венгерской историографии [43, с.66]. В то же время не вписывались они и в канон официальной советской историографии. Хотя Й.Перени пытался выстраивать свою концепцию истории Восточной Европы на марксистской основе (но при этом учитывая наработки современной западной науки) [79], она все равно сильно отличалась от советских нарративов. Й.Перени и многие представители его поколения «стали марксистами поневоле и никогда не смогли в полной мере воспринять «государственный марксизм» советского типа» [43, с.64]. Обратимся к выводам Ференца Глаца, заметившего, что многие представители «старой школы», искалеченные опытом войны и фашизма, оставались идейно одинокими в социалистической Венгрии, но при этом продолжали верить в какую-то мироспасительную идею [57, 320. old.].

«Секреты мастерской историка»

Для понимания мировоззренческого разрыва между Й.Перени и официальной советской историографией (которая, разумеется, показательно и публично не выражалась) обратимся к его небольшой по объему, но чрезвычайно содержательной книге «Секреты мастерской историка» (1965) [78]. Это и вводный курс лекций для студентов, и одновременно доступное научно-популярное пособие для всех, кто интересуется историей. Книга живо и увлекательно написана, что явно выделяет ее на фоне монотонных и скучных учебных пособий иных социалистических стран, где каждая мысль непременно подкреплялась цитатами из трудов классиков марксизма-ленинизма и выступлений современных партийных деятелей. Венгерский историк позволяет себе ту степень свободы, которой в ту пору не было у его советских коллег. Чего стоит, например, пассаж: «Основоположники марксизма-ленинизма не были "историками" в строгом смысле этого слова и не "открыли" всех законов истории. Поэтому историки должны быть первыми, кто исследует их и доказывает их достоверность на конкретном материале. Однако их теоретическое оформление может оказаться задачей представителей других дисциплин» [78, 108.

old.]. Й. Перени к постулатам марксизма, конечно, отсылает, но весьма ненавязчиво, по ходу текста. Более того, он нередко указывает, пусть и в весьма мягкой форме, на недоработки марксистской историографии¹⁹. В списке рекомендуемой литературы сочинений классиков нет, зато есть отсылки к книгам Шарля Сеньобоса, Робина Джорджа Коллингвуда, Марка Блока и других западных историков. Показательно также упоминание советских авторов в списке литературы. Применительно к вопросам археологических и антропологических исследований в исторической науке, Й. Перени отсылал к трудам А. В. Арциховского, Д. А. Авдусина, Г. Ф. Дебеца, Я. Я. Рогинского, М. Т. Левина. Что же касается советских работ о методологии и философии истории, то упомянута лишь одна – новаторская для своего времени книга молодого ученого Бориса Андреевича Грушина (которому впоследствии суждено будет стать одним из основателей советской социологии) «Очерки логики исторического исследования»²⁰ (М., 1961).

Конечно, венгерские историки в кадаровскую эпоху чувствовали себя гораздо более свободно, чем их советские коллеги²¹, но и у венгерской свободы были свои границы, что наглядно продемонстрировало

¹⁹ Так, современную марксистскую историографию он упрекает за малое внимание к производительным силам. Он констатирует, что вместо этого гораздо больше внимания уделяется производственным отношениям, «хотя и они выступают в полной мере лишь в переходные, революционные эпохи». Применительно к венгерской исторической науке Й. Перени делает вывод: «Восемьдесят процентов марксистского синтеза – это политическая и культурная история нашей страны, что, очевидно, не может быть правильным соотношением» [78, 101–102. old.].

²⁰ Й. Перени говорит о его книге как о «масштабном исследовании», написанном чрезвычайно интересно, но очень трудным философским языком [78, 179. old.].

²¹ К примеру, саратовский профессор Леонард Адамович Дербов (1909–1994) (как и Й. Перени – автор первого в своей стране пособия о введении в специальность историка), в своей книге 1978 г. был вынужден, в отличие от венгерского коллеги, не просто сопровождать свои доводы отсылками к классикам марксизма-ленинизма, но и рассказывать об общественно-политической деятельности студента-историка в свете решений XXV съезда КПСС [26]. Это при том, что Л. А. Дербов получил хорошее историческое образование, владел иностранными языками, переписывался с иностранными коллегами и вообще был человеком всесторонне развитым. Однако степень свободы у советского историка была гораздо ниже, чем у его венгерского собрата. Закономерно, что в середине 1980-х гг. Л. А. Дербов составил записку под красноречивым заглавием «Несколько горьких мыслей о развитии советской исторической науки и причинах ее плачевного состояния» [27, с. 199–202]. В биографиях Й. Перени и Л. А. Дербова много параллелизма и сходства. Но главная общая черта их творческих траекторий сводится к тому, что оба знали и понимали гораздо больше, чем могли сказать вслух, а уж тем более написать.

«дело Иштвана Долманеша», раскрутившееся в начале 1970-х гг. после публикации им учебника по истории СССР [83]. Тем не менее перемены в венгерской исторической науке были неизбежны. Так, именно в 1970–е гг. сформировалась группа молодых исследователей-русистов, прекрасно знакомых как с западной, так и с советской научной литературой, и ей предстояло сыграть важную роль в последующем реформировании венгерской историографии [57, 322. old.; 44, с.246]. Хотя Й.Перени с воодушевлением воспринимал активность молодых коллег, сам в обновлении нарратива не участвовал. Он продолжал следить за советской научной литературой, способствовал печатанию работ советских историков в Венгрии [65; 82]. В 1975 г., как только представилась возможность выйти на пенсию, Й.Перени воспользовался этим.

Будапешт в 1970-е гг.

Д. Свак связывал пассивность ученого не только с нараставшими проблемами со здоровьем, но также с обострением экзистенциальных травм, полученных на крутых виражах венгерской истории XX в. [43, с. 66]. И с этим выводом трудно не согласиться. В то же время нельзя отрицать тот факт, что именно научная и преподавательская деятельность Й. Перени, соединившая в себе глубокое знание как западной, так и русской/советской историографии, заложила прочный фундамент для формирования Будапештской школы россиеведения.

Казус Й. Перени еще раз демонстрирует важность осмысления процессов адаптации историков так называемой «старой школы» в социалистическую реальность. Многие были поставлены перед нелегким выбором: остаться в профессии, приняв новые правила игры, или расстаться с ней. В то же время иные были искренне очарованы советским примером и поверили в возможность построения справедливого общества. Однако вскоре мечты оказались разбиты о суровую реальность. Наступило если не разочарование, то критическая отстраненность. Прежняя активность сменилась уходом во внутреннюю творческую эмиграцию. Им оставалось лишь ждать своего часа.

Библиографический список

1. Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 1577. Оп. 2. Д. 343.
2. АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 320.
3. АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 75.
4. АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 360.
5. АРАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 76.
6. АРАН. Ф. 579. Оп. 2. Д. 647.
7. АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 465.
8. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 632. Карт. 93. Ед. хр. 42.
9. Eötvös Loránd Tudományegyetem Egyetem Levéltár (далее – ELTEL). 107. Kelet-Európa Története Tanszék. 1. a) A Szovjetunió Története Tanszék iratai. 1953–1956.
10. ELTEL. 107. Kelet-Európa Története Tanszék. 1. d) Vegyes irator. 1950–1980.
11. Magyar Tudományos Akadémia Könyvtár, Kézirattár és régi könyvek gyűjteménye. Moravcsik Gy. Ms. 1233/252.
12. Slovenská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T-FLOR (далее: SK. T-FLOR). Krab. VIII. № 210. Pod'japol'skaja, Jelena Petrovna.
13. SK. T-FLOR. Krab. XLVIII. Korespondence A. V. Florovského odeslaná: osoby. № 1: Čestmíru Amortovi 19.2.1956 – odezva na posudek o práci Petr Veliký a Čechy, strjřp.)

14. SK. T-FLOR. Krab. XLVIII. Korespondence A. V. Florovského odeslaná: osoby. №9: J. Perenyiovi (katedra historie vých. Evropy na FF Budapeštské univerzity)
15. SK. T-FLOR. Krab. XLVIII. Korespondence A. V. Florovského odeslaná: osoby. №9: J. Perenyi A. V. Florovskému.
16. SK. T-FLOR. Krab. XXIV. А.В. Флоровский «Русская оккупация Спиша в 1710 г. (Эпизод из истории Великой Северной войны 1700–1721 гг.)».
17. Авербух Р.А. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848–1849. М.: Соззкгиз, 1935. 332 с.
18. Артамонов В.А. Поиск союзника в Центральной Европе: русская дипломатия и венгры в первой половине Северной войны 1700–1711 гг. // История России, Венгрии и Китая в исследованиях современных ученых: Сборник научных трудов. СПб., 2020. С.97–119.
19. Артамонов В.А. Россия и восстание Ференца II Ракоци. 1703–1711 гг. М.: ООО «Директмедиа Паблишинг», 2019. 243 с.
20. Груздинская В.С. В пространстве социалистической науки: обсуждения чехословацкого учебника по истории (1953 г.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т.13. Вып.4. Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840021118-8-1/> (дата обращения: 12.01.2024).
21. Груздинская В.С. «Экспорт знания»: советизация гуманитарного образования в Будапештском университете (конец 1940-х – середина 1950-х гг.) // Архивный поиск: сборник научных статей и публикаций. М.: Архив РАН, 2023. С.239–254.
22. Груздинская В.С., Ковалев М.В. «Издание книги на немецком языке могло бы нанести за границей серьезный ущерб доброму имени советской науки»: советские и чехословацкие антиковеды в споре о плагиате (1950-е гг.) // Россия XXI. 2021. №2. С.94–111.
23. Груздинская В.С., Ковалев М.В. Чехословацкий византиновед Милада Паулова и советские историки: на пути к сотрудничеству (середина 1940-х – середина 1960-х гг.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т.10. №4. С.66–73.
24. Груздинская В.С., Стыкалкин А.С. Будапештская осень профессора А.Л.Сидорова: советский историк в водовороте венгерской революции 1956 года. Саратов: «Техно-Декор», 2024. 136 с.
25. Губер А.А. Советско-венгерская комиссия историков // Вестник АН СССР. 1969. №5. С.101–103.
26. Дербов Л.А. Введение в изучение истории. Саратов: Изд-во СГУ, 1978. 120 с.
27. Дербов Л.А. Страницы воспоминаний. Саратов: Изд-во СГУ, 2009. 232 с.
28. Карпюк С.Г., Крих С.Б., Петрова М.С., Репина Л.П. Советская историография всеобщей истории как научное творчество. М.: Аквилон, 2023. 224 с.
29. Ковалев М.В. «Люди, с которыми мне приходилось встречаться, проявляли к советскому ученому очень много внимания»: визит академика Б.Д.Грекова в Будапешт в 1948 г. // Россия XXI. 2023. №1. С.30–53.

30. Ковалев М.В. Венгерский византист Дюла Моравчик и советская историческая наука // Центральноевропейские исследования. 2021. №4. С. 56–90.
31. Ковалев М.В., Лаптева Т.Н. «В Москве я был последний раз ровно 50 лет назад...» Из переписки А.В. Флоровского с советскими историками В. Т. Пашуто, А. А. Зиминым и Е. П. Подъяпольской // Исторический архив. 2014. №4. С. 66–87.
32. Ковалев М.В., Шереш А. Венгерский археолог Нандор Феттих и его связи с русскими учеными // Славяноведения. 2019. №4. С. 24–36.
33. Марчева И. Болгаро-советское научное сотрудничество во второй половине XX в. как форма «народной дипломатии» (на примере исторической науки) // Славяне и Россия: проблемы государственности на Балканах (конец XVIII–XXI вв.). М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 434–455.
34. Носов Б.В., Марней Л.П. Проблемы истории Польши и России в первой половине XIX в. в методологических дискуссиях советских и польских историков второй половины 1950-х гг. (Из истории Института славяноведения РАН) // Славянский альманах. Вып. 3–4. М., 2021. С. 407–440.
35. Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I. СПб.: Нестор-История, 2013. 280 с.
36. Папп К. Дипломатические связи князя Ференца II Ракоци с царем Петром I в оценках венгерских историков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2015. №1. С. 105–108.
37. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992. 400 с.
38. Перени Й. «Русский вопрос» в политике венгерских повстанцев в начале XVIII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1966. С. 358–380.
39. Перени Й. Из истории закарпатских украинцев (1849–1914). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1957. 160 с.
40. Перени Й. Угры в «Повести временных лет» // Летописи и хроники, 1973. М.: Наука, 1974. С. 37–47.
41. Поплыко Д.Ф. Международная ассоциация по изучению стран Юго-Восточной Европы // Славяноведение и балканистика за рубежом: сборник статей и материалов. М.: Наука, 1980. С. 44–54.
42. Расчесова М.В. Зарождение сотрудничества немецких и советских историков. Создание комиссии историков СССР и ГДР (1949–1961 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. №5. С. 78–86.
43. Свак Д. Параллельные биографии – судьба историка в Советском Союзе и Венгрии (штрихи к портрету Руслана Скрынникова и Йозефа Перени) // Свак Д. На службе у Клио и власть предрержащих: этюды по россиеведению. Будапешт: Russica Pannonicana, 2014. С. 57–67.
44. Свак Д. Будапештская школа россиеведения: итоги и перспективы // Quaestio Rossica. 2014. №1. С. 241–260.

45. Советско-венгерские отношения. 1948–1970 гг.: Документы и материалы. М.: Издательство политической литературы, 1974. 328 с.
46. Солдатов А.А. «Союз, в котором нас готовят...»: Стефан Кеневич и польская историческая наука первого послевоенного десятилетия // Диалог со временем. 2018. Вып.63. С.248–266.
47. Стыкалин А.С. Венгерский историк Д.Секфю о русском национальном чувстве и советском патриотизме (1946) // Историческая экспертиза. СПб., 2015. №3. С.83–91.
48. Тихомиров М.Н. Поездка в Венгрию // Академик М.Н.Тихомиров: Воспоминания. Дневники. Переписка с учеными. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С.280–287.
49. Тодоров Н. Дневник. 1966–1998. Т.1. София: Изток – Запад, 2007. 1494 с.
50. Флоровский А.В. Пряшевский план австро-мадьярского примирения 1710 г. (страница из истории русско-австрийских отношений в начале XVIII в.) // Флоровский А.В. Труды по истории России, Центральной Европы и историографии: Из архивного наследия. СПб.: Нестор-История, 2020. С.216–231.
51. Хатош П. Дюла Секфю в 1945–1955 годах // Славяноведение. 2013. №3. С.32–43.
52. Шереш А. Визит директора Института истории АН СССР профессора А.Л.Сидорова в Венгрию в 1956 г. // Новая и Новейшая история. 2019. №1. С.147–152
53. Averbuch R.A. A magyar nép szabadságküzdelme1848–49-ben. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970. 190. old.
54. Erdmann K.D. Toward a Global Community of Historians: The International Historical Congresses and the International Committee of Historical Sciences, 1898–2000. N.Y. – Oxford: Berghahn Books, 2005. 430 p.
55. Farkas Á. Magyar-Szovjet Művelődési Társaság, 1945–1949. Doktori disszertáció. Budapest: ELTE, 2021. 193. old.
56. Fügedi E. A renaissance és a reformáció kérdéseiről tartott Magyar-lengyel konferencia // Századok. 1962. 96. Évf. 5–6. Szám. 858–875. old.
57. Glatz F. Történetírás Magyarországon, 1949–1990 // Történelmi Szemle. 2011. 53. Évf. 3. Szám. 315–334. old.
58. Gracianszkij N.P., Szkazkin Sz.D. Középkori történeti chrestomathia. Budapest: Tankönyvkiadó Vállalat, 1952. I. köt. 376. old.
59. Gracianszkij N.P., Szkazkin Sz.D. Középkori történeti chrestomathia. Budapest: Tankönyvkiadó Vállalat, 1953. II. köt. 327. old.
60. Grekov B.D. Az orosz állam kialakulása. Budapest: Egyetemi Nyomda, 1948. 12. old.
61. Grekov B.D. Az orosz művelődés forrásai és a Kievi Ruszj művelődése összes példány. Budapest: Egyetemi Nyomda, 1948. 16. old.
62. Grekov B.D. Az orosz parasztság története a legrégebb időktől a XVII. századig. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1956. 1. kötet. 592. old.
63. Grekov B.D. Az orosz parasztság története a legrégebb időktől a XVII. századig. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1957. 2. kötet. 552. old.

64. Grekov B.D. Törvényserűségek a feudális Európa parasztságának történetében összes példány. Budapest: Egyetemi Nyomda, 1948. 16. old.
65. Kizilov Ju.A. A feudalizmusra való áttérés a keleti szlávoknál // Tanulmányok Kelet-Európa történetéből I. Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem Kelet-Európai Történeti Tanszék, 1972. 41–70. old.
66. Niederhauser E. Perényi József (1915–1981) // Történelmi szemle. 1982. 25. Évf. 3. Szám. 595–596. old.
67. Palotás E. Perényi József (1915–1981) // Századok. 1982. 116. Évf. 1. Szám. 189–190. old.
68. Perényi J. A francia iskolák hatása a magyar okleveles gyakorlat kialakulására. Budapest: Sárkány Ny., 1938. 110. old.
69. Perényi J. Documents relatifs à l'intervention armée russe de 1849 en Hongrie // Revue d'Histoire Comparée. 1946. T.4. №3–4. P.319–345.
70. Perényi J. V.P.Potemkin (réd.): Istorija Diplomacia [Histoire de la diplomatie]. Vol.I, Moskva, 1941, Szegizdat, 556 p. Vol.II–III, Moskva, 1945, Gospolitizdat, 8, 422 et 883 p. // Revue d'Histoire Comparée. 1947. T.5. №1. P.319–320.
71. Perényi J. Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. // Századok. 1949. 83. Évf. 1–4. Szám. 331–333. old.
72. Perényi J. А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века // Századok. 1952. 86. Évf. 1. Szám. 269–270. old.
73. Perényi J. Революция 1905–1907 годов в национальных районах России // Századok. 1952. 86. Évf. 1. Szám. 271–272. old.
74. Perényi J. Л. А. Никифоров: Русско-английские отношения при Петре I // Századok. 1952. 86. Évf. 2. Szám. 486–487. old.
75. Perényi J. А. В. Арциховский, Основы археологии 1954 // Századok. 1954. 89. Évf. 4–5. Szám. 786–787. old.
76. Perényi J. В. Д. Королюк. Древнепольское государство (Москва, Изд. Академии наук СССР, 1957, 216 стр.) // Századok. 1959. 93. Évf. 2–4. Szám. 582–584. old.
77. Perényi J. Az orosz évkönyvek magyar vonatkozásai // Tanulmányok a magyar-orosz irodalmi kapcsolatok köréből. I. köt. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1961. 28–54. old.
78. Perényi J. A történész műhelytitkaiból. Budapest: Gondolat, 1965. 182. old.
79. Perényi J. Gazdaság- és társadalomtörténeti fejlődési tájak Kelet-Európában // Tanulmányok Kelet-Európa történetéből. I. köt. Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem Kelet-Európai Történeti Tanszék, 1972. 5–39. old.
80. Péteri Gy. Academia and State Socialism: Essays on the Political History of Academic Life in Post-1945 Hungary and Eastern Europe. N.Y.: Columbia University Press, 1998. 296 p.
81. Romsics I. Clio bővületében. Magyar történetírás a 19–20. században-nemzetközi tekintéssel. Budapest: Osiris Kiadó, 2011. 680. old.

82. Szaharov A.N. Az orosz parasztság történeti fejlődésének dialektikája (Az utóbbi évek történetírásának problémái) // Tanulmányok Kelet-Európa történetéből I. Budapest: Eötvös Loránd Tudományegyetem Kelet-Európai Történeti Tanszék, 1972. 113–164. old.

83. Szvák Gy., Farkas Á. “Túlságosan önkritikus a Szovjetunió nevében” // Népszava. 2023. 27. aug.

84. Váradi-Sternberg J. Ukrainev, Péter cár követe Magyarországon 1708-ban // Századok. 1959. 93. Évf. 2–4. Szám. 233–251. old.

85. Várkonyi Ágnes R. Rákóczi tanulmányok. Budapest: L'Harmattan Kiadó, 2015. 450 old.

86. Világtörténet. III. köt. / Főszerkesztő J.M.Zsukov. Budapest: Kossuth Könyvkiadó, 1963. 926. old.

Наши авторы

Журавлев Валерий Васильевич

доктор исторических наук, профессор,
лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники

Богданов Андрей Петрович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН

Плех Олеся Анатольевна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Белов Алексей Викторович

доктор исторических наук, доцент,
Институт российской истории РАН (ИРИ РАН),
Российский экономический университет им.Г.В.Плеханова
(РЭУ им Г.В. Плеханова), Москва

Татаринов Игорь Евгеньевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры государственной политики ГОУ ВО ЛНР
«Луганский государственный университет
имени Владимира Даля», г.Луганск, ЛНР

Киржа Кирилл Викторович

соискатель Кафедры МО и ВП МИД России

Архипова Светлана Викторовна

главный библиотекарь
Государственной публичной исторической библиотеки России

Ковалев Михаил Владимирович

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН,
старший научный сотрудник Архива РАН

Груздинская Виктория Сергеевна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН,
старший научный сотрудник Архива РАН

Шереш Аттила

доктор исторических наук, научный сотрудник
Института исторических исследований и архива VERITAS,
научный сотрудник Исторического института
Венгерской академии наук

Our authors

Zhuravlev Valeriy Vassilievich

D.Sci, Professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation in the field of science and technology

Bogdanov Andrey Petrovich

D.Sci., historian, Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Plekh Olesya Anatolievna

Ph.D., senior researcher of the Institute of Russian History of RAS

Belov Aleksey Viktorovich

D.Sci, Associate Professor, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (IRI RAS), G.V.Plekhanov Russian University of Economics Plekhanov Russian Economic University (Plekhanov Russian Economic University). Moscow

Tatarinov Igor' Evgen'evich

Ph.D., Associate Professor, historian, Associate Professor of the Department of State Policy, Vladimir Dahl Lugansk State University, Lugansk, Lugansk People's Republic

Kirzha Kirill Viktorovich

co-researcher of the Department of Ministry of Defence and Military Education of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Arkhipova Svetlana Viktorovna

Chief Librarian of the State Public Historical Library of Russia

Kovalev Mikhail Vladimirovich

Ph.D. In History, Associate Professor, Senior Researcher in the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences and the Archive of the Russian Academy of Sciences

Gruzdinskaya Viktoria Sergeevna

Ph.D, Senior Researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Archive of the Russian Academy of Sciences

Seres Attila

D.Sci, Researcher at the Institute of Historical Research and Archive VERITAS, Researcher at the Historical Institute of the Hungarian Academy of Sciences

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Внимание!
С 2024 года журнал будет выходить
4 раза в год.**

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECC.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную версию журнала
через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

**Журнал можно купить в киоске ИРИ РАН
по адресу ул. Дмитрия Ульянова, д.19,
тел. 8-499-126-94-18**

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2023.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 15.04.2024. Формат 60x90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12,125 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ № 204711**

**Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.**

1.2024 January-March

Geopolitics and International Policy Issues

Valeriy Zhuravlev

Revolutions and Reforms in Russian History _____ 6

Labels and Myths

Andrey Bogdanov

The Crowning of Russian Sovereigns
and the Tradition of the Empire of the Romei _____ 18

Olesya Plekh

The Anniversary of the Decembrist Uprising
on the Pages of Scientific Journals of the mid-1920s _____ 52

Resources of Nation

Aleksey Belov

The Second “Capital City”: the Formation
of Moscow's Administrative Infrastructure
During Catherine the Great's “City Reforms” _____ 80

Pages of History

Igor' Tatarinov

Secret Officers in the Information Work
of the VCHK – GPU – NKVD
in the Donbas in the 1920–1930s _____ 98

Kirill Kirzha

On Some Aspects of Relations
Between Russia and Serbia
During the First Serbian Uprising _____ 120

Svetlana Arkhipova

At the Origins of the Oriental Cabinet
of the Historical Library: 85th Anniversary
of its Opening _____ 146

Russia in the World

Mikhail Kovalev,

Viktoria Gruzinskaya,

Attila Seres

Hungarian Historian József Perényi
and Soviet Historical Science _____ 160

РОССИЯ XXI